

ISSN 0205-9592

Том 44, Номер 2

Март – Апрель 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://ras.jes.su/psy>

СОДЕРЖАНИЕ

Том 44, № 2, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Развитие организационной социальной психологии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете

Л. Г. Почебут, В.А. Чикер, А. Л. Журавлев

5

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гендерное неравенство на работе как фактор карьерной успешности женщин

С. Д. Гуриева, Л. В. Марарица, Т. В. Казанцева, О. Е. Гунделах

15

Сплоченность, норма продуктивности и эффективность малых производственных групп и неформальных подгрупп

А. В. Сидоренков, Е. Ф. Бороховский

28

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Особенности темперамента и характера в семьях с рекуррентным депрессивным и биполярным аффективным расстройствами

Е. Д. Касьянов, А. О. Кибитов, Г. Э. Мазо

40

Половые/гендерные различия фобий заболеваний

И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова

50

Особенности активности структур головного мозга при шизофрении в процессе категоризации объектов живой и неживой природы

О. В. Щемелева, С. В. Муравьева, В. С. Лебедев, Е. А. Вершинина

63

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Русскоязычная адаптация методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств

А. Е. Воробьева, Д. А. Шмидт, Т. А. Нестик

75

Русскоязычная версия “Опросника привязанности к родителям и сверстникам” Г. Армсдена и М. Гринберга

Н. В. Сабельникова, Д. В. Каширский, Т. Ю. Садовникова

89

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Образ Петра I в обыденном сознании россиян

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

105

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Великий психолог: К. Д. Ушинский как методолог психологии

В. А. Мазилев

116

ДИСКУССИЯ

Проблема соотнесения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию

Т. В. Корнилова

128

Новые методологические подходы современной психологии в цифровом обществе

Т. Д. Марцинковская

132

* * *

Донцов Александр Иванович

137

CONTENTS

Vol. 44, No. 2, 2023

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Development of Organizational Social Psychology at St. Petersburg (Leningrad) State University

L. G. Pochebut, V. A. Chiker, A. L. Zhuravlev

5

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Gender Inequality at Work as a Factor of Women's Career Success

S. D. Gurieva, L. V. Mararitsa, T. V. Kazantseva, O. E. Gundelakh

15

Cohesion, Productivity Norms and Effectiveness of Small Work Groups and Informal Subgroups

A. V. Sidorenkov, E. F. Borokhovskiy

28

CLINICAL PSYCHOLOGY

Features of Temperament and Character in Families with Recurrent Depressive and Bipolar Affective Disorders

E. D. Kasyanov, A. O. Kibitov, G. E. Mazo

40

Differences in Phobia Phobias Associated with Diseases in Men and Women

I. V. Groshev, Yu. A. Davydova

50

Peculiarities of the Activity of the Brain Structures of People with Schizophrenia During the Categorization of Objects of Animate and Inanimate Nature

O. V. Shchemeleva, S. V. Murav'eva, V. S. Lebedev, E. A. Vershinina

63

METHODS AND PROCEDURES

Russian-Language Adaptation of the Methodology of Diagnosing the Motives for Online Dating Services usage

A. E. Vorobieva, D. A. Shmidt, T. A. Nestik

75

Russian-Language Version the Inventory of Attachment to Parents and Peers by G. Armsden and M. Greenberg

N. V. Sabelnikova, D. V. Kashirsky, T. Yu. Sadovnikova

89

HISTORICAL PSYCHOLOGY

The Image of Peter I in the Russian Mind

A. L. Zhuravlev, D. A. Kitova

105

HISTORY OF PSYCHOLOGY

The Great Psychologist: K.D. Ushinsky as a Methodologist of Psychology

V. A. Mazilov

116

DISCUSSION

The Problem of Correlation of Concepts in a System-Network Approach to Psychological Knowledge <i>T. V. Kornilova</i>	128
New Methodological Approaches of Modern Psychology in a Digital Society <i>T. D. Martsinkovskaya</i>	132
* * *	
Doncov Aleksandr Ivanovich	137

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ (ЛЕНИНГРАДСКОМ)
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

© 2023 г. Л. Г. Почебут^{1,*}, В.А. Чикер^{1,**}, А. Л. Журавлев^{2,***}

¹Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

^{**}Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.
E-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

^{**}Кандидат психологических наук, доцент факультета психологии.
E-mail: vchiker@yandex.ru

^{***}Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 01.02.2023

Аннотация. Отечественная организационная психология начала развиваться в 1920-х годах. Толчком для ее появления стала потребность в ускоренном развитии промышленности. В первые годы своего зарождения организационная психология опиралась на идеи, высказанные в этой области зарубежными учеными и практиками — организаторами производства. Проводились многочисленные конференции по проблемам научной организации труда, постепенно сформировались собственные научные направления и теории. Основными целями организационной психологии являются психологическое сопровождение и поиск путей повышения эффективности трудовой деятельности в различных организациях. Пионерскими работами в этой области были исследования ученых Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы. Рассмотрены исторические вехи создания и развития организационной социальной психологии в ЛГУ/СПбГУ. Особое внимание уделено анализу научных и исторических предпосылок формирования и современного состояния организационной социальной психологии на кафедре социальной психологии СПбГУ. Сделан вывод о том, что основными направлениями социально-психологической мысли в области организационной психологии являются: 1) научный анализ и поиск социально-психологических способов повышения эффективности деятельности персонала; 2) обоснование подходов к изучению социально-психологического климата и организационной культуры; 3) исследование социально-психологических процессов, происходящих в трудовых коллективах (удовлетворенность трудом, стимулирование труда, коллективные формы организации труда, адаптация работников, повышение их лояльности и вовлеченности); 4) разработка социально-психологических методов обучения сотрудников организаций (деловые игры, социально-психологический тренинг); 5) теоретическое и методологическое обоснование концепции консолидации социального капитала организаций; 6) изучение проблем карьеры и гендерного неравенства работающей женщины.

Ключевые слова: организационная/индустриальная социальная психология, направления развития современной организационной психологии.

DOI: 10.31857/S020595920024903-9

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00107.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В начале 60-х годов XX в. началось интенсивное развитие социальной психологии как науки в нашей стране. Социальная психология стояла в ряду ведущих и обретающих силу и актуальность научных направлений. В январе 1963 г. в Институте философии АН СССР было организовано совещание по проблемам социальной психологии. Е.С. Кузьмин сделал доклад о перспективах развития социальной психологии и представил результаты изучения психологических взаимоотношений в трудовых коллективах ряда ленинградских предприятий, придавая основное значение разработке методологических и методических основ социальной психологии и ее прикладным аспектам [19]. Идеи этого доклада во многом определили дальнейшее направление развития первой кафедры социальной психологии в СССР, организованной в ЛГУ в 1968 г. Е.С. Кузьмин считал, что источником возникновения всех социально-психологических процессов является *общение*, а важнейший принцип психологии — принцип детерминации формирования психики и сознания человека в *процессе совместной деятельности и общения людей, прежде всего трудовой и профессиональной* [13, с. 29–35]. Е.С. Кузьмин логично обосновал перспективы развития новой кафедры, которые очерчивали ее предметное поле и основные направления развития социальной психологии, включая организационную психологию. Это направление психологической науки и практики было не новым для социальных психологов. Задачей кафедры стало возрождение и прикладное использование мировых и отечественных достижений в этой области, их обобщение и дальнейшее развитие.

Основные исследования и ключевые имена, имеющие отношение к развитию индустриальной (организационной) психологии в США, Европе и нашей стране в XX в., подробно описаны нами в учебнике “Организационная социальная психология” [20]. Нами была показана общая направленность исследований в этой области психологического знания и одновременно их необходимая преемственность и специфическое культурное развитие. Следует отметить, что организационная психология развивается исходя из потребностей практики и понимания ценности психологического знания для *повышения эффективности деятельности производств, организаций, коллективов и команд*. Организационная психология имеет непосредственные междисциплинарные связи с психологией труда, менеджмента, индустриальной социологией,

психотехникой, научной организацией труда, организационным поведением [31].

Необходимость развития отечественной промышленности потребовала научного осмысления не только технических сторон организации производства, но и психологического сопровождения труда работников предприятий. В организации пришел новый тип специалиста — социальный организационный психолог. В процессе становления организационной психологии российские ученые опирались на идеи и труды своих западных коллег. Подробно анализировались работы М. Вебера, А. Файоля, Ф. Тейлора, Г. Эмерсона, Э. Мейо и т.д.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ТРУДА

Предтечей отечественной организационной психологии стали работы ученых начала XX в. в области психологии труда (М.М. Бирштейн (1902–1992), Н.А. Витке (даты рождения и смерти не установлены), А.Л. Гастев (1882–1939), С.Г. Геллерштейн (1896–1967), П.М. Керженцев (1881–1940), А.А. Богданов (1873–1928), И.Н. Шпильрейн (1891–1937) и др.) в московской, ленинградской, казанской, харьковской психологических школах.

В Центральном институте труда во главе с А.К. Гастевым с 1929 г. развивалась психология труда. Главным направлением работы института была психотехника. В 1921 г. в Москве состоялась Первая всероссийская конференция по научной организации труда и производства. К 1923 г. было оперативно создано около 60 организаций, изучающих проблемы труда. На Второй всероссийской конференции в 1924 г. речь шла о критическом анализе зарубежных достижений в области психологии труда и управленческих науках, а также о подготовке специалистов в этой области.

В эти годы были опубликованы ключевые работы, являющиеся фундаментом отечественной организационной психологии. Это книга *П.М. Керженцева* “Принципы организации” (1921), в которой обосновывается новое направление тайм-менеджмента, весьма успешно развитое впоследствии. В работе *А.А. Богданова* “Тектология” (1922) рассматривалась необходимость всеобщей организационной науки. *И.Н. Шпильрейн* (“Прикладная психология. Психология труда и психотехника”, 1930) занимался проблемами рационализации труда, утомлением, автоматизацией трудовых действий, профессиональным отбором и консультированием. *Н.А. Витке* разработал концепцию научной

организации труда, социально-психологических аспектов организации и управления производством. Он предложил понятия “социально-психологическая атмосфера”, “организационный кризис”, составил перечень требований к руководителю и стал основателем научной школы и *социально-трудовой концепции* “конструирования человеческих отношений”. С.Г. Геллерштейн обосновал необходимость взаимосвязи профессионального отбора и дальнейшей подготовки кадров, рассматривал законы и факторы изменчивости профессионально важных качеств. Первая в мире *деловая игра* была разработана в Промышленной академии им. С.М. Кирова и проведена М.М. Бириштейн и Т.П. Тимофеевским в СССР в 1932 г. под названием “Срочная, в 48 часов, перестройка производства в связи с резким изменением производственной программы”. Этот метод активного обучения получил признание и развитие, однако уже в 1938 г. деловые игры в СССР были запрещены. Их второе рождение произошло только в 1960-х годах, после того как появились первые деловые игры в США [20, с. 57–59].

К середине 1930-х годов исследования в этой области науки резко остановились, вплоть до того, что многие из перечисленных выше ученых были репрессированы. Направление индустриальной/организационной психологии так и не выделилось в отдельную ветвь психологических знаний, а в стране сложилась ситуация определенной изоляции от западных идей и исследований. Однако потребность в разработке психологически обоснованных процедур профотбора, расстановки и обучения руководителей существовала.

С 1960-х годов прикладные исследования на промышленных предприятиях возобновились. Они были посвящены задачам инженерной психологии и психологии труда, психологии профессионального обучения и другим направлениям, близким к традициям психотехники. Особое значение в развитии этого направления имела книга ведущего ученого нашей страны Б.Ф. Ломова “Человек и техника (очерки инженерной психологии)” (1963) [16]. В книге были определены основные направления развития академической и прикладной психологии. Это издание не только положило начало возрождению психологии труда и инженерной психологии, но и способствовало становлению направления организационной психологии на факультете психологии ЛГУ и в нашей стране. В начале 1960-х годов в Ленинградском университете была открыта лаборатория индустриальной (инженерной) психологии, а затем кафедра эргономики и инженерной психологии, которую в 1966 г. создал и возглавил Б.Ф. Ломов. На кафедре работали

выдающиеся ученые В.А. Ганзен, Т.П. Зинченко, Е.П. Ильин, А.А. Крылов, С.А. Маничев, Г.В. Суходольский. К тематике организационной психологии и менеджмента обратились также на кафедре “Психологическое обеспечение профессиональной деятельности”, созданной в 1989 г. по инициативе А.А. Крылова и Г.С. Никифорова. С момента основания кафедрой заведует Г.С. Никифоров. Под редакцией Г.С. Никифорова вышло несколько монографий: “Психология менеджмента” (2007) [28], “Позитивная психология менеджмента” (2017) [17], “Психология менеджмента. Психологический практикум” (2021) [29]. Под руководством Н.Е. Водопьяновой развивается направление психологии стресса и психического и профессионального выгорания [3].

СОЗДАНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ “ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ” В ЛГУ/СПбГУ

Стимулом развития индустриальной/организационной психологии стало создание первой в российской науке лаборатории социальной психологии в Ленинградском университете в 1962 г. Инициатором открытия и руководителем лаборатории был Е.С. Кузьмин. В лаборатории разрабатывались методы исследования взаимоотношений сотрудников в коллективах промышленных предприятий. Большое внимание уделялось также адаптации западных методик. В ходе конкретных эмпирических исследований совершенствовались и применялись методы наблюдения, анкетирования, социометрии, эксперимента. Так, сотрудники лаборатории Н.В. Голубева и М.И. Иванюк провели одно из первых экспериментальных исследований уровня конформизма, повторив эксперименты С. Аша. В дальнейшем методы экспериментальных исследований в области социальной психологии разрабатывались Н.Н. Обозовым. Много усилий в развитие и внедрение в практику метода социометрии приложил И.П. Волков. Методы интервью и анкетирования разрабатывал А.Л. Свенцицкий, а контент-анализа — В.Е. Семенов.

Ключевым событием, особенно важным для развития *организационной социальной психологии*, стала книга под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова “Человек и его работа” (1967), где впервые были рассмотрены вопросы отношения к труду. Объектами исследования были избраны молодые рабочие ленинградских промышленных предприятий в возрасте от 18 до 30 лет. Авторы разработали методологию и специальные опросные методы исследования, описали методику и технику сбора

первичной информации. Огромный труд был вложен в создание математического и статического инструментария анализа данных [35]. Издание стало результатом четырехлетней работы творческого коллектива сотрудников лаборатории социологических исследований при философском факультете ЛГУ. В.А. Ядов внес огромный вклад в развитие методологических основ социально-психологических исследований в организациях, активно используемых в настоящее время на кафедре социальной психологии СПбГУ.

Принятый в настоящее время в западной науке термин “организационная психология” вошел в российскую практику только в конце 1990-х годов. До этого в обиходе по аналогии с западной психологией употреблялись термины “индустриальная психология” или “промышленная психология”, поскольку основные прикладные работы этого направления касались социально-психологических вопросов сопровождения производства. С начала перестройки отечественные ученые активно включились в содержательное освоение достижений западной индустриальной/организационной психологии. Поскольку в 1973 г. Американская психологическая ассоциация предложила новое название этого направления, обозначив его как “индустриальная/организационная психология”, то и отечественные исследователи приняли предложенный более широкий термин — “организационная психология”, подчеркнув тем самым связь с психологией менеджмента и работами по организационному поведению в различных, не только производственных областях деятельности.

Возрождение организационной психологии в 1960-е годы происходило постепенно в ленинградской, московской, ярославской психологических школах прикладной психологии, но наиболее активно работали сотрудники кафедры социальной психологии ЛГУ.

В 1960–1980 гг. начинают изучаться явления, связанные с личностью работника, его профессионально важными качествами, мотивацией труда, стимулированием, соревнованием, профориентацией и жизнедеятельностью различных организаций (преимущественно производственных) и т.д.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С 1960-Х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Практически сразу после основания кафедры социальной психологии в 1968 г. молодые сотрудники стали совмещать преподавательскую и научно-

исследовательскую работу. Они активно включились в научно-исследовательские проекты, которые финансировались хозяйственными договорами с крупными предприятиями Ленинграда и других регионов страны. Темы хозяйственных договоров отвечали запросам практики социально-психологической работы промышленных предприятий. На кафедре социальной психологии изначально сложился сильный научный коллектив, поддерживаемый ректоратом университета, было выделено более десятка научных ставок, образовано несколько исследовательских групп.

По инициативе Б.Г. Ананьева в 1968 г. был основан ежегодный выпуск периодических сборников “Экспериментальная и прикладная психология” (научные редакторы Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Крылов, ответственный секретарь Л.Г. Почебут). В сборниках публиковались наиболее актуальные результаты исследовательской работы сотрудников факультета, проведенные по хозяйственным договорам [25; 27].

Наиболее крупным договором, направление которого поддерживалось государством около 20 лет (с 1970 по 1991 г.), было исследование оценки кадров высокотехнологических областей производства и космоса. Договор выполнялся под руководством Э.С. Чугуновой (1930–2019). По сути, с нуля были проведены обоснование и разработка современных систем оценки персонала в нашей стране. В 1970-х годах инициатором и заказчиком такой разработки стал лауреат Государственной премии, генеральный директор московского НИИ и КБ приборостроения, доктор технических наук Н.А. Викторов. До этого столь сложная практическая задача — создание *модели комплексного подхода оценки и аттестации личности инженеров* — в отечественной психологической науке нигде и никем не решалась. В исследовательскую группу входили: С.П. Безносков, В.П. Захаров, А.Н. Капустина, С.М. Михеева, Л.В. Мургулец, В.Н. Панферов, С.Т. Посохова, Н.Г. Хитрова, В.А. Чикер (ответственный исполнитель), Н.Г. Чумакова. Впервые в СССР проводилась научная адаптация ряда известных зарубежных психодиагностических методик [10–12; 37]. Важнейшим достижением можно считать обоснование и внедрение основных принципов оценки персонала по системе 360° (экспертная оценка эффективности деятельности персонала) и создание системы комплексной оценки сотрудников различного статуса, построенной по принципу современных ассесмент-центров. Можно утверждать, что внедрение этой методики в практику было уникальной работой для нашей страны [2; 7; 10–12, 14; 36].

Профессиональная деятельность специалиста рассматривалась в контексте специфики конкретного предприятия, его структуры, организационной культуры, показателей экономической эффективности. Подчеркнем, что основные идеи такого подхода впервые были реализованы в нашей стране уже в 70-е годы XX в.

Огромный вклад в развитие индустриальной/организационной психологии внесли исследования в рамках хозяйственных договоров, проводимые под руководством А.А. Русалиновой на Ленинградском объединении электронного приборостроения “Светлана” [30]. Многолетние исследования А.Л. Свенцицкого позволили установить особенности взаимоотношений мастера производства с рабочими [31].

Фундаментальные социально-психологические проблемы изучались на Ленинградском производственном объединении “Позитрон” (научный руководитель И.П. Волков). Особое внимание уделялось повышению эффективности руководства предприятием на всех управленческих уровнях — от мастера, начальника цеха до главного инженера, проводилось исследование социально-психологического климата, структуры и совместимости рабочих групп, средств внутренней коммуникации на предприятии [4; 13].

Перестройка системы производственных отношений потребовала от социальных психологов исследований в области стимулирования труда и адаптации работников к новым условиям [9; 23; 31; 33].

Социально-психологические исследования в это трудное время проводились на Ленинградском производственном объединении искусственных кож “Пролетарский труд” и Новгородском промышленном объединении “Азот” (научный руководитель Л.Г. Почебут). Исследовались бригадные формы организации труда и способы повышения трудовой дисциплины [18].

На этом этапе практическая деятельность сотрудников кафедры в области организационной психологии была обобщена в таких коллективных изданиях, как “Психология — производству и воспитанию” (1977) [24]; “Психология и управление” (1979) [27]; “Психология в управлении” (1983) [26]; “Промышленная социальная психология” (1982) [22]; “Личность и деятельность. Экспериментальная и прикладная психология” (1982) [15]; “Психологическое обеспечение трудовой деятельности. Экспериментальная и прикладная психология” (1985) [25] и др.

Важнейшим направлением работы кафедры социальной психологии начиная с 80-х годов XX в. можно считать развитие обучающего подхода в практической психологии — социально-психологических тренингов и деловых игр. Начало внедрению деловых игр в практику обучения работников предприятий положил Ю.Н. Емельянов [6]. Основополагающую роль в развитии тренингов сыграл стажер и аспирант кафедры социальной психологии ЛГУ М. Форверг (1933—1989), разработавший программу обучения руководителей производства в ГДР и Польше и представивший ее на факультете психологии ЛГУ в 1982 г. [34; 39]. Социально-психологический тренинг выделяется в отдельную категорию интерактивных методов обучения в различных областях профессиональной деятельности и образования [8; 32]. Наиболее популярны в нашей стране современные модификации социально-психологического тренинга: формирование навыков эффективного руководства и управленческих умений, принятие решений, публичное выступление, командообразование, разрешение конфликтов, эффективные переговоры, самопрезентация, межкультурные коммуникации, расширение ролевого репертуара в поведении взрослых и подростков, креативность, эффективные продажи, влияние и противостояние влиянию и многие другие [1].

На кафедре проводятся исследования, связанные с мотивацией труда, лояльностью и приверженностью персонала [5], руководства и лидерства в организациях, доверия, внедрения и сопровождения инноваций, конфликтов в организациях, репутации организации, организационной социализации, индивидуальной карьеры, моббинга [20].

В начале XXI в. основным источником развития организационной социальной психологии стали работы, поддерживаемые грантами в направлении организационной социальной психологии. Основное внимание исполнителей гранта РФФИ было уделено наиболее актуальным проблемам социального капитала организаций (научный руководитель Л.Г. Почебут). Учеными была разработана современная концепция социального капитала, понимаемого как единое смысловое пространство, возникающее на основе взаимного доверия сотрудников, приверженности нормам и целям организации, создании и поддержании репутации во внешней и внутренней среде [21]. Специально анализируются методологические аспекты изучения консолидации социального капитала, различные аспекты просоциального поведения в современных условиях, особенности гендерных отношений и гендерного неравенства в современных организациях [38].

Все проводимые исследования служат толчком к переходу от описательных научных концепций к моделям, позволяющим разрабатывать эффективные интервенции, новые программы и методы в области социально-психологического сопровождения деятельности организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пионером развития организационной социальной психологии в нашей стране выступила Ленинградская (Санкт-Петербургская) психологическая школа. Основными задачами научно-исследовательской деятельности сотрудников созданной в 1968 г. в ЛГУ кафедры социальной психологии стали решение социально-психологических проблем повышения эффективности производства, проведение эмпирических исследований на промышленных предприятиях по наиболее актуальным темам. На повестке дня стояли вопросы социально-психологического обеспечения и сопровождения трудовой деятельности сотрудников государственных и коммерческих организаций. В настоящее время на кафедре социальной психологии СПбГУ сложились следующие направления организационной социальной психологии: 1) научный анализ и разработка социально-психологических способов повышения эффективности деятельности персонала; 2) изучение различных аспектов социально-психологического климата и организационной культуры; 3) исследование социально-психологических процессов, происходящих в трудовых коллективах (удовлетворенность и стимулирование труда, коллективные формы организации труда, адаптация работников, повышение их лояльности и вовлеченности); 4) разработка социально-психологических методов обучения сотрудников организаций (деловые игры, социально-психологический тренинг); 5) теоретическое и методологическое обоснование концепции консолидации социального капитала организаций; 6) изучение проблем карьеры и гендерного неравенства работающей женщины.

В последние годы на кафедре социальной психологии СПбГУ разрабатываются следующие перспективные направления организационной социальной психологии: 1) социально-психологическое обеспечение и сопровождение ведения переговоров и медиации; 2) изучение изменяющегося поведения организаций и их сотрудников в цифровом мире; 3) межкультурный менеджмент; 4) обучение сотрудников организаций основам делового общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 18 программ тренингов для профессионалов / Под ред. В.А. Чикер. СПб.: Речь, 2007.
2. Безносков С.П. Об исследовании эталонов личности и руководящих работников // Психология личности и малых групп // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 8. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 114–118.
3. Водопьянова Н.В. Профилактика и коррекция синдрома “выгорания”. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
4. Волков И.П. Руководителю о человеческом факторе. Социально-психологический практикум. Л.: Лениздат, 1989.
5. Доминяк В.И. Феномен лояльности в разработках зарубежных исследователей // Персонал-микс. 2016. № 1. С. 107.
6. Емельянов Ю.Н. Деловые игры как средство социально-психологического обучения мастеров промышленного производства // Психология — производству и воспитанию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 55–61.
7. Захаров В.П. Опыт психографического изучения личности инженера // Психология — производству и воспитанию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 78–87.
8. Захаров В.П., Векилова С.А., Завьялова Е.К., Сидоренко Е.В. Социально-психологический тренинг как фактор социального развития личности // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 80–84.
9. Искандаров Э.А., Свенцицкий А.Л. Социально-психологические факторы руководства производственным коллективом в условиях нововведений // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 133–137.
10. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2001.
11. Капустина А.Н., Чикер В.А. Вклад Э.С. Чугуновой в развитие комплексного и системного подхода оценки персонала // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции 29–30 сентября 2020 г. / Отв. ред. В.В. Белов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 6–9.
12. Комплексная социально-психологическая методика изучения личности инженера: Учебное пособие / Под ред. Э.С. Чугуновой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
13. Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
14. Кузьмин Е.С., Викторов Н.Ф., Чугунова Э.С. Методология индивидуальной и групповой оценки личности в Автоматизированных системах управления разрабатывающих предприятий (АСУРП) // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1977. С. 157–172.

15. Личность и деятельность. Экспериментальная и прикладная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
16. Ломов Б.Ф. Человек и техника (очерки инженерной психологии) Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
17. Позитивная психология менеджмента / Под ред. Г.С. Никифорова. М.: Проспект, 2017.
18. Почебут Л.Г. Стимулирование труда и проблемы повышения социальной активности трудящихся // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 118–124.
19. Почебут Л.Г., Журавлев А.Л. Становление отечественной социальной психологии в начале 1960-х годов // Историческая преемственность отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонов, Е.Н. Холодович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 315–321.
20. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. М.: Проспект, 2020.
21. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 2. С. 47–71.
22. Промышленная социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
23. Прохвятилов А.А., Шалыто А.Ю. Управление процессом адаптации работников в трудовом коллективе // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 124–129.
24. Психология — производству и воспитанию / Под науч. ред. Е.С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
25. Психологическое обеспечение трудовой деятельности // Экспериментальная и прикладная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
26. Психология в управлении / Науч. ред. Е.С. Кузьмин. Л.: Лениздат, 1983.
27. Психология и управление // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 9. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
28. Психология менеджмента / Под ред. Г.С. Никифорова. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
29. Психология менеджмента. Психологический практикум. М.: Проспект, 2021.
30. Русалинова А.А. Применение метода групповых оценок в социально-психологических исследованиях // Экспериментальная и прикладная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 22–28.
31. Свенцицкий А.Л. Организационная психология. М.: Юрайт, 2014.
32. Сидоренко Е.В., Хрящева Н.Ю. Тренинг в практической подготовке психологов // Актуальные проблемы теории и практики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 99–106.
33. Тимофеев Ю.Т., Мастаков А.А. Опыт системного социально-психологического исследования первичных производственных коллективов в изменяющихся условиях хозяйствования // Психологическое обеспечение социального развития человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 129–133.
34. Форверг М., Альберг Т. Характеристика социально-психологического тренинга поведения // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 4. С. 57–64.
35. Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
36. Чикер В.А. Оценка персонала в организациях: современное видение // Социальная и экономическая психология: Сб. науч. трудов. Серия “Труды Института психологии РАН” / Отв. ред. Т.А. Нестик, Ю.В. Ковалева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 246–253.
37. Чикер В.А. Психологическая диагностика организаций и персонала. СПб.: Речь, 2003.
38. Gurieva S.D., Kazantseva T.V., Mararitsa L.V., Gundelakh O.E. Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality Issue // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. V. 15. № 2. P. 65–82.
39. Vorwergh M. Sozialpsychologisches Training. Jena: Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität Jena, 1971.

DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL SOCIAL PSYCHOLOGY AT ST. PETERSBURG (LENINGRAD) STATE UNIVERSITY²

L. G. Pochebut^{1,*}, V. A. Chiker^{1,**}, A. L. Zhuravlev^{2,***}

¹*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9, Russia.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

^{*}*ScD (Psychology), Professor of the Faculty of Psychology.*

E-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

^{**}*PhD (Psychology), Associate Professor of the Faculty of Psychology.*

E-mail: vchiker@yandex.ru.

^{***}*Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Scientific Supervisor
of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 01.02.2023

Abstract. Russian organizational psychology began to develop in the 20s of the twentieth century. The impetus for its appearance was the need for accelerated industrial development. In the early years of its inception, organizational psychology was based on ideas expressed in this field by foreign scientists and practitioners — organizers of production. Numerous conferences on the problems of scientific organization of labor were held, and their own scientific directions and theories were gradually formed. The main goals of organizational psychology are psychological support and the search for ways to improve the efficiency of work in various organizations. Pioneering work in this area was the research of scientists of the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School. The article discusses the historical milestones of the creation and development of organizational social psychology at LSU/St. Petersburg State University. Special attention is paid to the analysis of scientific and historical prerequisites for the formation and current state of organizational social psychology at the Department of Social Psychology of St. Petersburg State University. The main directions of socio-psychological thought in the field of organizational psychology are: 1) scientific analysis and search for socio-psychological ways to improve the efficiency of personnel; 2) substantiation of approaches to the study of the socio-psychological climate and organizational culture; 3) research of socio-psychological processes occurring in labor collectives (job satisfaction, labor stimulation, collective forms of labor organization, adaptation of employees, increasing their loyalty and engagement); 4) development of socio-psychological methods of training employees of organizations (business games, socio-psychological training); 5) theoretical and methodological justification of the concept of consolidation of the social capital of organizations; 6) study of career problems and gender inequality of working women.

Keywords: organizational/industrial social psychology, directions of development of modern organizational psychology.

REFERENCES

1. 18 программ тренингов для профессионалов. Ed. V.A. Chiker. Saint Petersburg: Rech', 2007. (In Russian)
2. *Beznosov S.P.* Ob issledovanii jetalonov lichnosti i rukovodjashhih rabotnikov. Psihologija lichnosti i malyh grupp. Jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija Leningrad: Izd-vo LGU, 1977. P. 114–118. (In Russian)
3. *Vodop'janova N.V.* Profilaktika i korrrekcija sindroma vygoranija. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2011. (In Russian)
4. *Volkov I.P.* Rukovoditelju o chelovecheskom faktore. Social'no-psihologicheskij praktikum. Leningrad: Lenizdat, 1989. (In Russian)
5. *Dominjak V.I.* Fenomen lojal'nosti v razrabotkah zarubezhnyh issledovatelej. Personal-miks. 2016. № 1. P. 107. (In Russian)
6. *Emel'janov Ju.N.* Delovye igry kak sredstvo social'no-psihologicheskogo obuchenija masterov promyshlennogo proizvodstva. Psihologija — proizvodstvu i vospitaniju. Leningrad: Izd-vo LGU, 1977. P. 55–61. (In Russian)
7. *Zaharov V.P.* Opyt psihograficheskogo izuchenija lichnosti inzhenera. Psihologija — proizvodstvu i vospitaniju. Leningrad: Izd-vo LGU, 1977. P. 78–87. (In Russian)

² The work was carried out with support of the RSF grant No. 23-28-00107.

8. *Zaharov V.P., Vekilova S.A., Zav'jalova E.K., Sidorenko E.V.* Social'no-psihologicheskij trening kak faktor social'nogo razvitija lichnosti. Psihologicheskoe obespechenie social'nogo razvitija cheloveka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. P. 80–84. (In Russian)
9. *Iskandarov Je.A., Svencickij A.L.* Social'no-psihologicheskie faktory rukovodstva proizvodstvennym kolektivom v usloviyah novovvedenij. Psihologicheskoe obespechenie social'nogo razvitija cheloveka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. P. 133–137. (In Russian)
10. *Kapustina A.N.* Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella. Saint Petersburg: Rech, 2001. (In Russian)
11. *Kapustina A.N., Chiker V.A.* Vklad Je.S. Chugunovoj v razvitie kompleksnogo i sistemnogo podhoda ocenki personala. Aktual'nye voprosy psihologii razvitija i formirovanija lichnosti: metodologija, teorija i praktika: Sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 29–30 sentjabrja 2020 g. Ed. V.V. Belov. Saint Petersburg: Izd-vo LGU im. A.S. Pushkina, 2020. P. 6–9. (In Russian)
12. Kompleksnaja social'no-psihologicheskaja metodika izuchenija lichnosti inzhenera Uchebnoe posobie. Ed. Je.S. Chugunova. Leningrad: Izd-vo LGU, 1991. (In Russian)
13. *Kuz'min E.S.* Osnovy social'noj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. (In Russian)
14. *Kuz'min E.S., Viktorov N.F., Chugunova Je.S.* Metodologija individual'noj i gruppovoj ocenki lichnosti v Avtomatizirovannyh sistemah upravlenija razrabatyvajushhih predpriyatij (ASURP). Metodologija i metody social'noj psihologii. Ed. E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1977. P. 157–172. (In Russian)
15. Lichnost' i dejatel'nost'. Jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija. Leningrad: Izd-vo LGU, 1982. (In Russian)
16. *Lomov B.F.* Chelovek i tehnika (očerki inzhenernoj psihologii). Leningrad: Izd-vo LGU, 1963. (In Russian)
17. Pozitivnaja psihologija menedzhmenta. Ed. G.S. Nikiforov. Moscow: Prospekt, 2017. (In Russian)
18. *Pochebut L.G.* Stimulirovanie truda i problemy povyshenija social'noj aktivnosti trudjashhihsja. Psihologicheskoe obespechenie social'nogo razvitija cheloveka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. P. 118–124. (In Russian)
19. *Pochebut L.G., Zhuravlev A.L.* Stanovlenie otechestvennoj social'noj psihologii v nachale 1960-h godov. Istoričeskaja preemstvennost' otechestvennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holodovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. P. 315–321. (In Russian)
20. *Pochebut L.G., Chiker V.A.* Organizacionnaja social'naja psihologija. Moscow: Prospekt, 2020. (In Russian)
21. *Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V.* Social'no-psihologicheskaja model' kognitivnogo social'nogo kapitala organizacii: koncepcija i aspekty issledovanija. Organizacionnaja psihologija. 2018. T. 8. № 2. P. 47–71. (In Russian)
22. Promyshlennaja social'naja psihologija. Eds. E.S. Kuz'min, A.L. Svencickij. Leningrad: Izd-vo LGU, 1982. (In Russian)
23. *Prohvatilov A.A., Shalyto A.Ju.* Upravlenie processom adaptacii rabotnikov v trudovom kolektive. Psihologicheskoe obespechenie social'nogo razvitija cheloveka. Izd-vo LGU, 1989. P. 124–129. (In Russian)
24. Psihologija — proizvodstvu i vospitaniju. Ed. E.S. Kuz'min. Leningrad: Izd-vo LGU, 1977. (In Russian)
25. Psihologicheskoe obespechenie trudovoj dejatel'nosti. Jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija. Leningrad: Izd-vo LGU, 1985. (In Russian)
26. Psihologija v upravlenii. Ed. E.S. Kuz'min. Leningrad: Lenizdat, 1983. (In Russian)
27. Psihologija i upravlenie. Jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija. Leningrad: Izd-vo LGU, 1979. (In Russian)
28. Psihologija menedzhmenta. Ed. G.S. Nikiforov. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2007. (In Russian)
29. Psihologija menedzhmenta. Psihologicheskij praktikum. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russian)
30. *Rusalinova A.A.* Primenenie metoda gruppovyh ocenok v social'no-psihologicheskix issledovanijah. Jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija. Leningrad: Izd-vo LGU, 1971. P. 22–28. (In Russian)
31. *Svencickij A.L.* Organizacionnaja psihologija. Moscow: Isd-vo Jurajt, 2014. (In Russian)
32. *Sidorenko E.V., Hrashheva N.Ju.* Trening v praktičeskoj podgotovke psihologov. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Leningrad: Izd-vo LGU, 1985. P. 99–106. (In Russian)
33. *Timofeev Ju.T., Mastakov A.A.* Opyt sistemnogo social'no-psihologicheskogo issledovanija pervichnyh proizvodstvennyh kolektivov v izmenjajushhihsja usloviyah hozjajstvovanija. Psihologicheskoe obespechenie social'nogo razvitija cheloveka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. P. 129–133. (In Russian)
34. *Forverg M., Al'berg T.* Harakteristika social'no-psihologicheskogo treninga povedenija. Psikhologicheskij zhurnal. 1984. V. 5. № 4. P. 57–64. (In Russian)
35. Chelovek i ego rabota. Sociologicheskoe issledovanie. Eds. A.G. Zdravomyslov, V.P. Rozhin, V.A. Jadov. Moscow: Mysl', 1967. (In Russian)
36. *Chiker V.A.* Ocenka personala v organizacijah: sovremennoe videnie. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. Sbornik nauchnyh trudov Serija "Trudy Instituta psihologii RAN". Otvetstvennye redaktory T.A. Nestik, Ju.V. Kovaleva. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2018. P. 246–253. (In Russian)

37. *Chiker V.A.* Psikhologicheskaya diagnostika organizatsiy i personala. Saint Petersburg: Izd-vo "Rech", 2003. (In Russian)
38. *Gurieva S.D., Kazantseva T.V., Mararitsa L.V., Gundelakh O.E.* Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality Issue. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. V. 15. № 2. P. 65–82.
39. *Vorweg M.* Sozialpsychologisches Training. Jena: Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität Jena, 1971.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 316.6; 159.9.019

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО НА РАБОТЕ КАК ФАКТОР КАРЬЕРНОЙ УСПЕШНОСТИ ЖЕНЩИН¹

© 2023 г. С. Д. Гуриева*, Л. В. Марарица**, Т. В. Казанцева***, О. Е. Гунделах****

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии факультета психологии.

E-mail: gurievassv@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии.

E-mail: larisamararitsa@mail.ru

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии.

E-mail: tatakaz@mail.ru

****Магистр психологии.

E-mail: olgabellova@list.ru

Поступила 21.03.2023

Аннотация. Исследование посвящено проблеме изучения механизмов влияния гендерного неравенства на карьерную успешность работающей женщины. Цель исследования — поиск связи проявлений гендерного неравенства с ресурсами, доступными для развития на рабочем месте, и с карьерной успешностью женщины. Разработана социально-психологическая модель факторов успешности работающей женщины, включающая в себя как среду организации, так и карьерные ресурсы для предсказания успешности. Исследование проводилось в два этапа в 2020–2021 гг. при помощи онлайн-опроса на выборке женщин, работающих в организациях из различных сфер. На первом этапе (206 женщин в возрасте от 19 до 62 лет) проведена проверка связей отдельных конструкторов модели, на втором этапе (781 женщина от 18 до 82 лет) — проверка социально-психологической модели методом структурного моделирования (SEM). Результаты исследования подтверждают положительную связь карьерной успешности женщин с доступностью ресурсов организации ($R = 0.56, p < 0.01$) и возможностью реализации нетворкинг-поведения ($R = 0.56, p < 0.01$) и отрицательную связь с воспринимаемыми политиками организации ($R = -0.38, p < 0.01$), со структурным ($R = -0.24, p < 0.05$) и нормативным ($R = -0.2, p < 0.05$) гендерным неравенством. Результаты проверки социально-психологической модели и альтернатив методом структурного моделирования показывают, что гендерное неравенство оказывает негативный эффект на карьерную успешность женщины, но основной вклад в ограничение карьерных ресурсов женщины и снижение карьерной успешности вносит непрозрачная политика организаций.

Ключевые слова: карьерная успешность, женское лидерство, воспринимаемое гендерное неравенство, карьерные ресурсы, нетворкинг, воспринимаемые политики организации.

DOI: 10.31857/S020595920024904-0

Гендерное неравенство привлекает к себе активное внимание на протяжении последних 40–50 лет, соответственно, появилась заинтересованность в глубоком изучении этого феномена, оценке его психологических, экономических и социальных последствий. Устойчивость гендерного неравенства, его сохранение, несмотря на изменения

условий и политик организаций, получила название феномена заторможенного прогресса [11], что указывает на значимость социально-психологических механизмов в воспроизводстве гендерного неравенства.

В изучении женской карьеры преобладают исследования, построенные на основе многомерного подхода, когда разноуровневые факторы включаются в анализ как рядоположенные независимые переменные [17]. В рамках многомерного подхода изучены самые разные факторы успешности, в том

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РНФ № 22-18-00452 “Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации”.

числе: человеческий капитал [29]; внерабочие социальные статусы и роли: семейный и родительский статус [9]; личностные характеристики [32]; установки по отношению к карьере, активная позиция или когнитивные ограничения [14; 27]; особенности социальной и рабочей среды организации, взаимодействия индивидуальных особенностей человека с ними [1]; гендерный режим организации [30]; карьерные ресурсы [13]. Авторы обзора [28] отмечают дефицит исследований, которые ставили бы перед собой задачу не просто обнаружить связи факторов с успешностью, но и определить моделирующие связи переменных и переменных-медиаторов. Актуальна *проблема* изучения механизмов влияния гендерного неравенства на карьерную успешность работающей женщины. *Цель* настоящего исследования — определить связь проявлений гендерного неравенства с ресурсами, доступными для развития на рабочем месте, и с карьерной успешностью женщин; разработать и проверить методом структурного моделирования социально-психологическую модель факторов карьерной успешности работающей женщины. Рассмотрим подробнее, как гендерное неравенство связано с карьерной успешностью и какие механизмы могут быть ответственны за эту связь.

Ряд исследований показывает негативную связь карьерной успешности женщины с воспринимаемым гендерным неравенством [18; 30]. В свою очередь, в соответствии с результатами метааналитического исследования, воспринимаемая гендерная дискриминация в организации негативно связана с непрозрачностью организационных политик [30]. Доступ к ресурсам и формальной власти в организации вносит значительный вклад в карьерную успешность [12]; при этом ограниченность ресурсов и необходимость конкуренции за позиции и статусы в компании, которые обеспечивают к ним доступ, порождают подобное политическое поведение практически в любой организации [5]. Можно предположить, что недостаток прозрачности политик организации, наличие неформальных практик распределения ресурсов формируют в организации условия, способствующие проявлению любых форм дискриминации, включая гендерное неравенство.

В ряде исследований было показано, что гендерная дискриминация влияет на карьерные ресурсы женщин: так, например, результаты исследования 2016 г. [13] показывают, что гендерная дискриминация отрицательно связана с рабочими ресурсами организации, с преобладанием мужчин (что может быть признаком структурных гендерных барьеров), так и в организации с гендерным балансом.

Карьерная успешность связана с наличием таких ресурсов, как соответствие личности организационной культуре, психологическая безопасность, развивающее менторство, доступность продвижения [19]. Недостаточный доступ к ресурсам организации уменьшает карьерную успешность сотрудников [26]. Таким образом, можно предположить, что гендерное неравенство в нормах и структуре организации влияет на ресурсы, предоставляемые организацией работающим в ней женщинам, вследствие чего снижаются удовлетворенность работой и субъективная карьерная успешность.

Анализ феноменологии гендерного неравенства показывает, что женщины ограничены в доступе к властным ресурсам организации, если не процедурно, то психологически: они замечают, что коллеги-мужчины не устанавливают с ними привычных рабочих связей [31]. Особые стратегии нетворкинга помогают нивелировать роль гендера в карьерном развитии [6], но возможности нетворкинга мало доступны для групп меньшинства [16]. Женский пол считается препятствием для формирования социального капитала, необходимого для получения преимуществ в продвижении по карьере [22]. Поскольку для карьерного продвижения и карьерной успешности важно развитие профессиональных связей, дающих возможности и ресурсы, важным аспектом карьерной успешности должны быть механизмы, связанные с возможностями нетворкинга.

Успешность карьеры, как объективная, так и субъективная, связана с проактивной позицией в карьере и с проактивным карьерным поведением: самостоятельной активностью, деятельностью человека, направленной на управление своей карьерой [25]. При построении модели факторов карьерной успешности женщин мы рассматриваем выбор проактивной карьерной стратегии как динамический аспект карьерной успешности, отражающийся в субъективном переживании своей успешности, — субъективной карьерной успешности.

Гипотезируемая социально-психологическая модель призвана ответить на вопрос о том, как гендерное неравенство в организации связано с карьерной успешностью женщины, которая в ней работает. Модель основывается на том, что организации, формирующие сложную для развития женщин среду, представляют собой коллективы, где наблюдается дефицит прозрачных и формализуемых политик распределения власти и ресурсов. Такая среда может фасилитировать проявление гендерного неравенства как в виде гендерной дискриминации

в нормах, правилах и процедурах обращения с сотрудником, так и в виде “стеклянных” феноменов (см. подробнее об этом в разделе “Методика”), затрудняющих продвижение женщин внутри организации. Как только организация начинает реагировать на пол, рассматривать его как сцепленную с эффективностью и перспективностью работника характеристику, возникает особый гендерный режим, который проявляется в разной доступности ресурсов, необходимых для построения успешной карьеры [7; 8], в разной доступности ресурсов нетворкинга [16]. Все перечисленные факторы влияют на выбор женщиной компенсирующих сложившуюся ситуацию карьерных стратегий [10] и соответствующий уровень субъективной карьерной успешности.

МЕТОДИКА

Учитывая выявленные в эмпирических исследованиях связи карьерной успешности с различными конструктами, мы предлагаем следующую социально-психологическую модель факторов карьерной успешности женщины (рис. 1). Модель включает три блока: 1 — среда организации: гендерное неравенство в организации, проявляющееся на нормативном и структурном уровнях, и воспринимаемые политики организации; 2 — карьерные ресурсы: доступность ресурсов организации и возможность реализации нетворкинг-поведения; 3 — успешность карьеры, включающая

в себя приверженность проактивной стратегии и субъективную карьерную успешность.

При построении социально-психологической модели возникает вопрос о роли гендерного неравенства в формировании карьерных ресурсов женщины и его взаимосвязи с качеством организационных политик. Для ответа на этот вопрос могут быть построены альтернативные модели, различающиеся между собой сложностью и структурой связей между блоком “среда организации” и блоком “карьерные ресурсы”. Вторая модель (рис. 2) была построена с исключением связей компонентов гендерного неравенства с карьерными ресурсами и возможностями нетворкинга, ее проверка и сравнение с первой моделью позволяют ответить на вопрос о том, является ли гендерное неравенство значимым фактором, влияющим на формирующие карьерные ресурсы, или оно вносит вклад за счет связи с качеством организационных политик.

Еще одна альтернативная модель была построена с исключением компонента воспринимаемых политик организации (рис. 3). В этой модели среда организации представлена только компонентами гендерного неравенства, ее сравнение с основной (полной) моделью позволит ответить на вопрос о том, влияет ли само по себе гендерное неравенство на карьерные ресурсы и успешность карьеры.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе был проведен корреляционный анализ связей отдельных компонентов модели, проводилась проверка частных закономерностей в соответствии со следующими гипотезами:

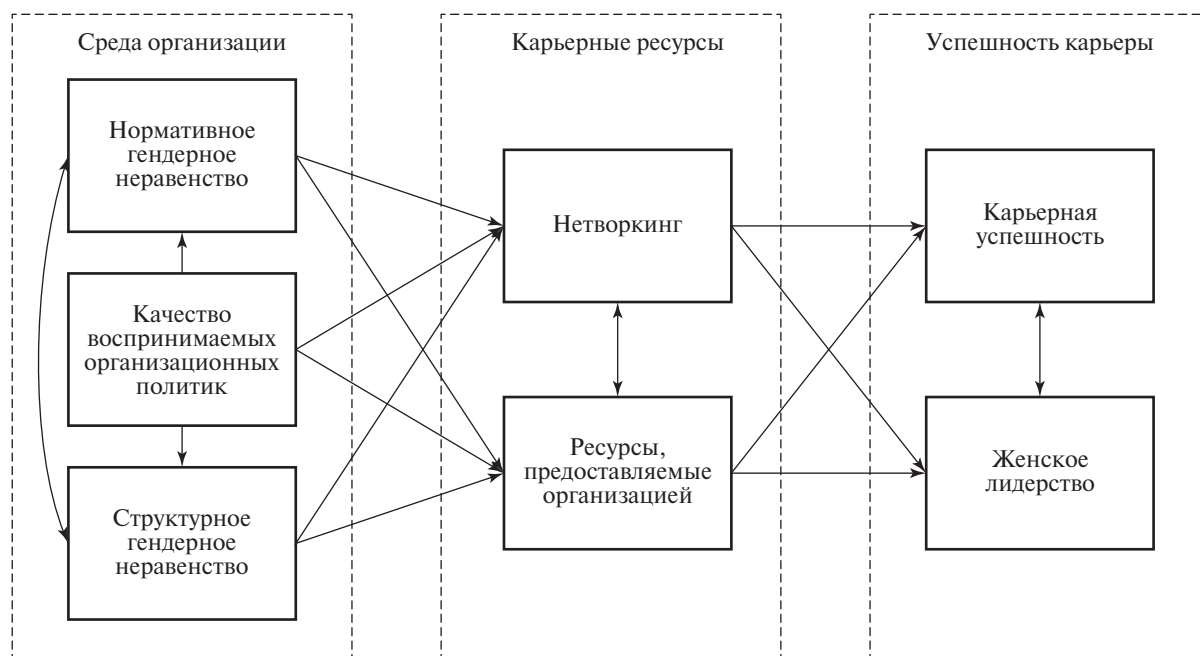

Рис. 1. Социально-психологическая модель факторов карьерной успешности женщины (модель 1)

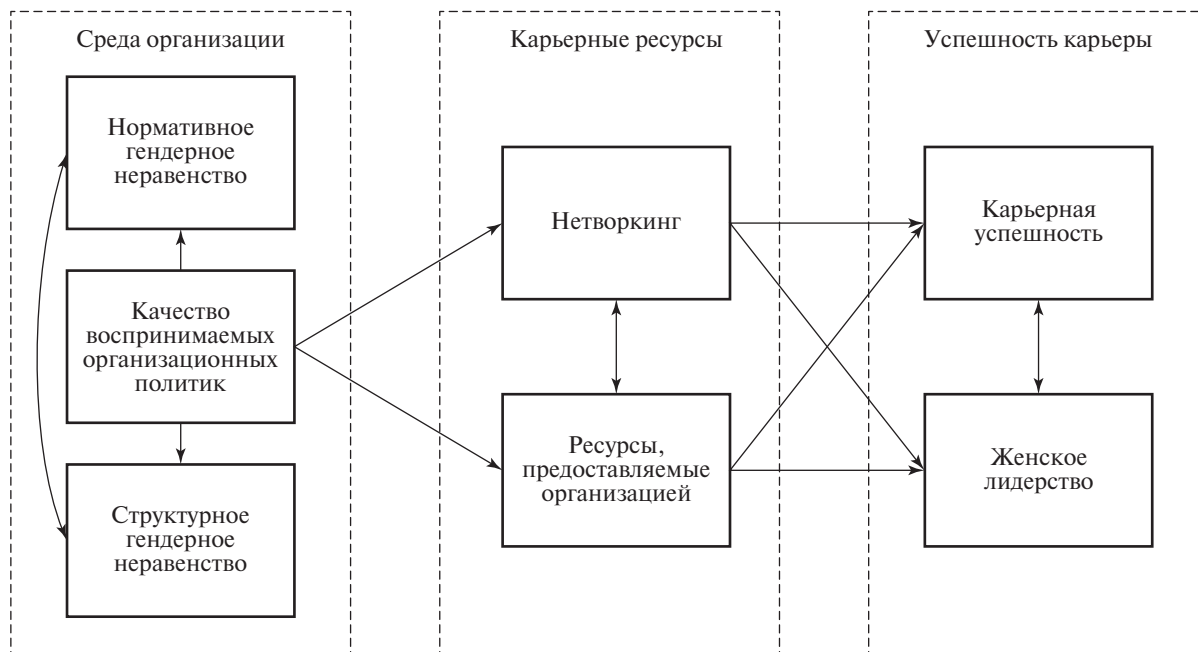

Рис. 2. Структурная модель факторов карьерной успешности женщины с исключением связей компонентов гендерного неравенства с карьерными ресурсами (модель 2)

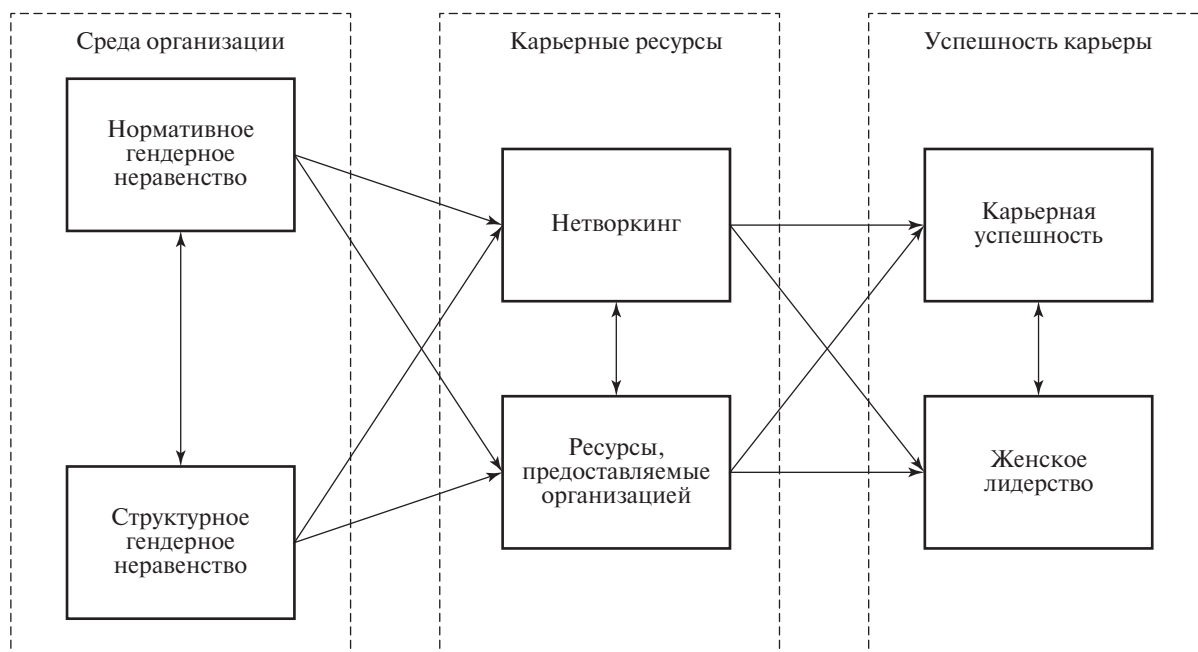

Рис. 3. Структурная модель факторов карьерной успешности женщины с исключением воспринимаемых политик организации (модель 3)

1. Реализуемые политики организации положительно связаны с воспринимаемым гендерным неравенством в организации.

2. Воспринимаемые политики организации отрицательно связаны с карьерной успешностью.

3. Доступность ресурсов и возможностей, предоставляемых организацией работнику, положительно связана с карьерной успешностью женщины.

4. Нормативное и структурное гендерное неравенство в организации отрицательно связаны с доступностью ресурсов организации.

5. Возможность реализации нетворкинг-поведения положительно связана с карьерной успешностью женщины.

6. Возможность реализации нетворкинг-поведения отрицательно связана с нормативным

и структурным гендерным неравенством в организации.

7. Субъективная карьерная успешность положительно связана с приверженностью проактивной карьерной стратегии, т.е. стратегии “женское лидерство”.

8. Приверженность проактивной карьерной стратегии положительно связана с карьерными ресурсами: доступностью ресурсов организации и возможностью реализации нетворкинг-поведения.

На втором этапе был проведен конфирматорный кросс-секционный анализ факторов карьерной успешности женщин с целью проверить построенную модель и ее альтернативы методом структурного моделирования (SEM).

Участники исследования. На первом этапе выборка формировалась методом снежного кома при участии 10 сборщиков. Выборка первого исследования (2020 г.): 206 женщин в возрасте от 19 до 62 лет (медиана 35 лет). На втором этапе (осень-зима 2021 года) к выборке 2020 г. было дополнительно собрано необходимое количество респонденток; сбор данных проводился в том числе при помощи массовых сервисов по рекрутингу участниц, а не только через сборщиков, как на первом этапе. В исследовании 2021 г. приняли участие 575 женщин в возрасте от 19 до 82 лет (медиана 35 лет). Для участия в исследовании приглашались наемные работницы из разных организаций по принципу: одна организация — один респондент. Для проверки построенной модели факторов карьерной успешности женщин методом структурного моделирования была сформирована объединенная выборка 2020 и 2021 годов, в результате были получены ответы 781 респонденток. Из массива данных были исключены данные респонденток младше 18 лет (4 наблюдения), а также тех, кто ответил, что вопросы исследования “совершенно не актуальны/не интересны” (8 наблюдений). Также исключались данные респонденток, затративших на прохождение опроса меньше 25 минут. В итоговый анализ были включены 756 наблюдений. Характеристики обеих выборок представлены в табл. 1.

Методики. Для измерения предложенных в модели конструкторов использовались следующие методики.

1. Русскоязычная модифицированная версия опросника “Восприятия политического поведения в организации” (The Perceptions of Politics Scale, POPS), предложенного Какмаром и Феррисом (Kacmar and Ferris) [21], авторы модификации — Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, Е.М. Александрова,

С.Д. Гуриева [3], которая применялась для оценки качества воспринимаемых организационных политик. Для русскоязычной версии был добавлен один пункт к самой короткой шкале для повышения ее надежности. Для русскоязычной версии подтверждена структура опросника, показатель надежности (альфа Кронбаха) для опросника в целом составил 0.94, для входящих в него шкал: Общее политическое поведение (4 пункта) — 0.83; Политика в области оплаты и продвижения (5 пунктов) — 0.80 и Прагматическое соглашательство (7 пунктов) — 0.93.

2. Шкала норм, поддерживающих гендерное неравенство (авторы — С.Д. Гуриева, Л.В. Марарица [3]) использовалась для оценки нормативного уровня гендерного неравенства. Надежность шкалы (альфа Кронбаха) составила 0.76.

3. Методика оценки структурных гендерных барьеров в организации (авторы — С.Д. Гуриева, Т.В. Казанцева, Л.В. Марарица, О.Е. Гунделах [3]) использовалась для оценки структурного компонента гендерного неравенства, восприятия наличия гендерных барьеров в организации — “стеклянных” феноменов. Методика показала хорошую согласованность по коэффициенту альфа Кронбаха 0.95 в целом и по субшкалам: Стекло-потолок — 0.85; Липкий пол — 0.90; Стекло-стены — 0.74; Стекло-эскалатор — 0.75; Стекло-каша — 0.77 и Стекло-коробка — 0.83. Доказано, что в опроснике воспроизводится заданная факторная структура.

4. Опросник “Ресурсы развития карьеры в организации” (авторы — Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, С.Д. Гуриева [3]). Опросник разработан на базе модели воспринимаемых внутриорганизационных фасилитаторов и барьеров в карьерном продвижении, предложенной К. Лайнесс (K. Lyness) и Д. Томпсон (D. Thompson) [23]. Методика показала хорошую согласованность по коэффициенту альфа Кронбаха — 0.92. Надежность субшкал: Соответствие организационной культуре — 0.77; Психологическая безопасность — 0.82; Развивающее менторство — 0.82; Доступность продвижения — 0.79. Подтверждена факторная структура опросника.

5. “Опросник субъективной успешности карьеры” — перевод методики “Subjective Career Success Inventory (SCSI)” К. Шоуки (K. Shockley) [24], авторы русскоязычной версии — Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, Е.М. Александрова, С.Д. Гуриева [3]. Надежность методики по коэффициенту альфа Кронбаха составила 0.93. Надежность субшкал: Общественное признание — 0.61; Качественная работа — 0.73; Значимая работа — 0.82; Авторитет —

Таблица 1. Характеристики выборок

Параметр	Выборка 2020 г., %	Выборка 2021 г., %
Город проживания:		
Санкт-Петербург	30.1	11.7
Москва	14.1	14.8
другой город России	43.0	73.5
за границей	10.8	0.0
не ответили на вопрос	2.0	0.0
Семейный статус:		
в браке	47.1	49.4
имеют постоянного партнера	20.4	20.1
свободны	30.1	26.3
не ответили на вопрос или выбрали вариант “другое”	2.4	4.2
Наличие детей:		
не имеют детей	47.1	37.9
один ребенок	28.2	33.7
два и более детей	23.7	27.6
не ответили на вопрос	1.0	0.7
Высшее образование:		
есть	87.9	74.0
нет	12.1	26.0
Годовой доход:		
менее 600 000 руб.	48.1	61.4
от 600 000 до 1 200 000 руб.	27.7	21.6
более 1 200 000 руб.	18.3	8.7
не имеют дохода	1.0	0.9
не ответили на вопрос	4.9	4.3
Должность:		
исполнители и специалисты	60.2	61.6
руководители младшего и среднего звена	28.7	25.4
топ-менеджмент	6.8	7.8
не ответили на вопрос	4.4	5.2
Характер занятости:		
работают в одной организации	73.8	64.0
имеют дополнительную занятость	19.9	27.3
работают проектно или не чувствуют себя связанными с организацией	6.3	7.3
не работают или не ответили на вопрос	0.0	1.4
Характер компании:		
компании частного сектора	54.9	57.9
государственные компании	34.0	30.8
компании с государственным участием	9.7	8.3
не ответили на вопрос	1.4	3.0
Характер компании:		
российские компании	70.4	83.6
международные компании с головным офисом в России	8.3	5.0
международные компании с филиалом в России	10.2	7.1
зарубежные компании без представительства в России	9.6	2.0
не ответили на вопрос	1.5	2.3
Численность сотрудников в компании:		
до 20	11.7	15.3
до 100	22.8	15.0
от 100 до 1000	36.9	31.6
более 1000	26.7	19.1
не ответили на вопрос	1.9	5.2

Окончание табл. 1

Параметр	Выборка 2020 г., %	Выборка 2021 г., %
Сфера организации:		
наука и образование	22.8	12.9
торговля и коммерция	12.1	17.2
производство	9.2	8.0
здравоохранение	9.2	9.9
финансы и страхование	6.8	6.1
информационные технологии	6.8	6.1
другие сферы	33.1	39.8
	(не более 4.4% для каждой)	(не более 4.9% для каждой)

0.70; Идентификация с работой — 0.78; Личная жизнь — 0.61; Воодушевление — 0.88. Субшкала “Личная жизнь” оказалась не только недостаточно согласована, но и связана с результирующей шкалой на средне-слабом уровне $R = 0.32$, что стало основанием для ее исключения. В методике воспроизводится заданная факторная структура.

6. Шкала нетворкинг-поведения, русскоязычная версия Л.В. Марарицы [2] на основе шкалы нетворкинга Дж. Ферриса (G. Ferris) и др. [15]. Заявленная согласованность шкалы по коэффициенту альфа Кронбаха — 0.83.

Для оценки приверженности стратегии в настоящем исследовании мы использовали метод виньеток, или сценарный метод [4], при котором стратегии описываются как сценарии поведения и принятия решений в сфере карьеры, и респонденту предлагается оценить по пятибалльной шкале согласия, насколько каждая из описанных стратегий ему соответствует.

Процедура исследования. Исследование проводилось онлайн, опросная форма была сформирована при помощи сервиса Online Test Pad. Исследование проводилось анонимно, одобрено этическим комитетом. Методики предъявлялись в следующем порядке: сначала вопросы о проявлениях гендерного неравенства, потом для женской части выборки задавались вопросы, связанные с карьерой, и для всех — вопросы о характеристиках организации, опыте и характере работы, социально-демографические вопросы. Вопросы внутри каждой методики предъявлялись в случайном порядке, чтобы исключить влияние последовательности их предъявления. Для всех вопросов была предложена пятибалльная шкала Лайкерта и предусмотрена возможность отказа от ответа. Заполнение опросной формы занимало от получаса до часа.

Методы обработки данных. Обработка и анализ данных были проведены с помощью языка

программирования R (версия 3.3.2) в среде RStudio (версия 1.1.350). Обработка данных на первом этапе производилась при помощи корреляционного анализа, использовался коэффициент корреляции Пирсона с учетом поправки на множественную проверку гипотез Бонферрони. Структурное моделирование на втором этапе было произведено с помощью пакета Lavaan (версия 0.5–23.1097); для построения моделей использовался метод максимального правдоподобия. Пороговыми значениями критериев для принятия модели были установлены $CFI > 0.90$, $RMSEA < 0.08$, $SRMR < 0.08$ [20]. Факторные модели сравнивались при помощи теста отношения правдоподобия (LRT-теста). Проверка данных на мультиколлинеарность в рамках построения и проверки модели для конфирматорного факторного анализа осуществлялась методом подсчета квадрата множественного коэффициента корреляции (SMC).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 2 перечислены переменные, включенные в анализ, их краткие обозначения и блоки структурной модели, к которым они принадлежат.

Результаты первого этапа: проверка гипотез о связи воспринимаемого гендерного неравенства на рабочем месте с успешностью и карьерными ресурсами женщин. Корреляционный анализ связей конструкторов, составляющих блоки гипотезируемой социально-психологической модели факторов субъективной карьерной успешности женщины, показал следующие результаты (табл. 3).

Шкала “Перцепции политик организации” оказалась связана на среднем уровне со шкалой норм, поддерживающих гендерное неравенство ($R = 0.44$), и со структурным компонентом гендерного неравенства ($R = 0.55$). Оба компонента гендерного неравенства — нормативный и структурный —

Таблица 2. Переменные, включенные в анализ

Переменная	Краткое обозначение	Блок модели
Качество воспринимаемых организационных политик	POPS	Среда организации
Нормативное гендерное неравенство	GNORM	Среда организации
Структурное гендерное неравенство	GLASS	Среда организации
Ресурсы, предоставляемые организацией	RSCRS	Карьерные ресурсы
Нетворкинг	NET	Карьерные ресурсы
Субъективная карьерная успешность	SUCCESS	Успешность карьеры
Женское лидерство	STR_LEAD	Успешность карьеры

Таблица 3. Матрица корреляций переменных модели факторов карьерной успешности

	SUCCESS	GLASS	GNORM	POPS	RSCRS	STR_LEAD	NET
SUCCESS	1	−0.24*	−0.20*	−0.38**	0.56**	0.49**	0.56**
GLASS	−0.24*	1	0.77**	0.55**	−0.35**	−0.0038	−0.057
GNORM	−0.20*	0.77**	1	0.44**	−0.34**	−0.16*	−0.14
POPS	−0.38**	0.55**	0.44**	1	−0.66**	−0.25**	−0.20*
RSCRS	0.56**	−0.35**	−0.34**	−0.66**	1	0.45**	0.48**
STR_LEAD	0.49**	−0.0038	−0.16*	−0.25**	0.45**	1	0.55**
NET	0.56**	−0.057	−0.14	−0.20*	0.48**	0.55**	1

Примечание. * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$.

ожидаемо оказались связаны между собой ($R = 0.77$). Получена статистически значимая отрицательная связь шкалы “Перцепции политик организации” с субъективной карьерной успешностью ($R = -0.38$), в меньшей степени — с приверженностью проактивной карьерной стратегии ($R = -0.25$).

Обнаружена на среднем уровне положительная связь доступности ресурсов организации с субъективной карьерной успешностью ($R = 0.56$) и с проактивной карьерной стратегией ($R = 0.45$). Также доступность ресурсов организации отрицательно связана с обоими компонентами гендерного неравенства: структурным ($R = -0.35$) и нормативным ($R = -0.34$). Возможность нетворкинга, как и доступность ресурсов организации, на среднем уровне связана с субъективной карьерной успешностью ($R = 0.56$) и с проактивной карьерной стратегией ($R = 0.55$), но связи возможностей нетворкинга с компонентами гендерного неравенства оказались статистически незначимы. Оба компонента блока карьерных ресурсов (возможности нетворкинга и доступность ресурсов, предоставляемых организацией) оказались статистически значимо связаны между собой ($R = 0.48$).

Приверженность стратегии “развитие женщины-лидера” оказалась положительно связана с субъективной карьерной успешностью ($R = 0.49$). Также выявлена связь этой стратегии с доступностью ресурсов организации ($R = 0.45$) и с возможностью реализации нетворкинг-поведения ($R = 0.55$).

Результаты проверки модели факторов карьерной успешности методом структурного моделирования (SEM). Проверка данных на мультиколлинеарность,

проведенная в рамках первого этапа проверки модели для конфирматорного факторного анализа, показала, что ни у одной из переменных квадрат множественного коэффициента корреляции (SMC) не превышает 0.8.

Показатели качества трех моделей представлены в табл. 4.

В первую очередь была проверена основная модель (см. рис. 1). Показатели качества модели (см. табл. 4) говорят о ее соответствии полученным данным. Тем не менее связи компонентов гендерного неравенства с карьерными ресурсами и нетворкингом в этой модели оказались статистически незначимыми ($p > 0.05$).

Таблица 4. Показатели качества структурных моделей

Показатель	Модель 1	Модель 2	Модель 3
p	0.002	0.001	0.009
Степени свободы	6	6	4
χ^2	20.28	22.31	13.57
CFI	0.989	0.988	0.992
RMSEA	0.074	0.079	0.071
SRMR	0.035	0.031	0.032

Далее была проверена модель с исключением связей компонентов гендерного неравенства с доступностью карьерных ресурсов и возможностями нетворкинга (см. рис. 2). Показатели качества второй модели тоже оказались удовлетворительными (см. табл. 4). Визуализация второй структурной модели представлена на рис. 4. Сравнение первой и второй моделей с помощью LRT-теста не дало статистически значимого результата.

Третья модель (см. рис. 3), построенная с исключением компонента воспринимаемых политик организации, также сошлась с удовлетворительными показателями качества (см. табл. 4). Сравнение этой модели и полной модели (с компонентом воспринимаемых политик организации) при помощи LRT-теста (табл. 5) показывает, что полная модель статистически значимо ($p = 0.035$) лучше описывает данные.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты анализа связей компонентов социально-психологической модели, проведенного на первом этапе исследования, подтверждают связь карьерной успешности женщин с такими факторами, как доступность ресурсов организации, возможность реализации нетворкинг-поведения и качество воспринимаемых организационных политик. Отрицательная связь гендерного неравенства с субъективной карьерной успешностью также оказалась статистически значима, но выражена слабее.

То, что на первом этапе исследования не было обнаружено связи использования стратегии “развитие женщины-лидера” со структурным компонентом гендерного неравенства, а отрицательная связь с нормативным гендерным неравенством оказалась слабой, дает основание предположить, что использование проактивной карьерной стратегии позволяет выходить за рамки традиционного карьерного пути в организации и реализовывать свой потенциал вне ее рамок. Возможно, новые формы карьеры открывают возможности карьерного развития для женщин даже при наличии гендерных барьеров в организациях. Результаты корреляционного анализа, проведенного на первом этапе исследования, подтверждают предположение о возможности проявления различных форм гендерной дискриминации в организациях с неформальными и непрозрачными политиками в вопросах продвижения и распределения ресурсов. То, что нам не удалось обнаружить значимых связей возможностей реализации нетворкинг-поведения со структурным и нормативным гендерным неравенством, позволяет предполагать, что

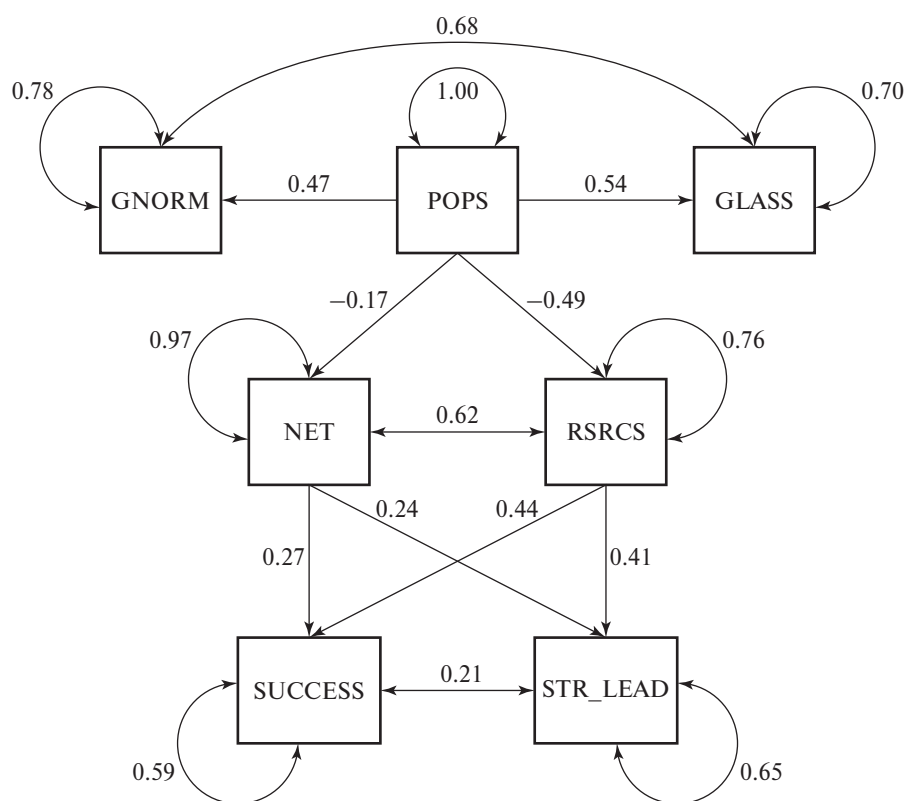

Рис. 4. Структурная модель с исключением связей гендерного неравенства с возможностями нетворкинга и доступностью ресурсов организации

Таблица 5. Сравнение полной модели и модели с исключением качества политик организации (LRT-тест)

Модель	AIC	BIC	χ^2	LRT-тест	p -уровень
Модель с исключением качества политик	17 124	17 194	13.569	—	—
Полная модель	15 654	15 740	20.283	6.7145	0.03483*

гендерное неравенство вносит вклад в ограничение карьерных ресурсов за счет связи с непрозрачными организационными политиками.

Статистически незначимые связи компонентов гендерного неравенства с карьерными ресурсами, обнаруженные при проверке основной социально-психологической модели методом структурного моделирования, и отсутствие статистически значимых различий показателей качества моделей (включающей эти связи и исключаяющей) подтверждают предположение о том, что основной вклад в ограничение карьерных ресурсов женщины и снижение карьерной успешности вносят непрозрачные политики организации. Тем не менее удовлетворительные показатели качества, полученные при проверке структурной модели, в которой среда организации была представлена только структурным и нормативным гендерным неравенством, а компонент воспринимаемых политик организации отсутствовал, позволяют заключить, что гендерное неравенство тем не менее оказывает негативный эффект на карьерную успешность женщины. Этот результат важен с практической точки зрения: можно предположить, что фокус коррекционной работы должен быть нацелен на теневые процедуры и практики в компании, обеспечение прозрачности вклада любого сотрудника вне зависимости от его пола, ослабление влияния коалиций, неформальных структур в организации. Такие мероприятия могут дать положительный системный эффект для карьерного развития женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно отметить, что кросс-секционный дизайн исследования не позволяет доказывать влияние тех или иных факторов на карьерную успешность. Так, наличие связи доступности ресурсов организации, возможностей нетворкинга, качества политик организации и гендерного неравенства с карьерной успешностью, с одной стороны, может говорить о том, что эти факторы повышают (или снижают) успешность сотрудника, но, с другой стороны, возможен и обратный механизм: менее успешные люди могут по тем или иным причинам соглашаться на работу в организациях, предоставляющих им меньшие ресурсы, возможности нетворкинга, с менее прозрачными политиками распределения ресурсов и продвижения, с признаками гендерного неравенства. В качестве еще одного ограничения исследования необходимо отметить способ набора респондентов (одна организация — один респондент),

который позволил получить субъективную оценку респондентом организации, но не экспертное мнение.

ВЫВОДЫ

Получены подтверждения, что карьерная успешность женщины положительно связана с доступностью ресурсов и возможностей, предоставляемых организацией работнику, с возможностью реализации нетворкинг-поведения и отрицательно связана с воспринимаемыми политиками организации. Нормативное и структурное гендерное неравенство в организации отрицательно связаны с доступностью ресурсов организации и с воспринимаемыми политиками организации (с непрозрачными политиками). Результаты проверки социально-психологической модели, отражающей связь воспринимаемого гендерного неравенства с воспринимаемыми политиками организации, доступными карьерными ресурсами и карьерной успешностью женщин, позволяют предположить, что основной вклад в ограничение карьерных ресурсов женщины и снижение карьерной успешности вносят непрозрачные политики организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанцева Т.В., Гуриева С.Д., Марарица Л.В. Субъективное переживание гендерного неравенства работающими женщинами // Петербургский психологический журнал. 2020. № 30. С. 35–52.
2. Марарица Л.В. Нетворкинг: определение феномена и методы измерения // Петербургский психологический журнал. 2014. № 9. С. 1–26.
3. Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного капитала женщины, научный грант РФФИ 19-013-00686А, 2019–2021 гг. Авторские методики исследовательской группы (2021). URL: <http://gender-survey.tilda.ws/methods> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Aguinis H., Bradley K.J. Best practice recommendations for designing and implementing experimental vignette methodology studies // Organizational Research Methods. 2014. V. 17. № 4. P. 351–371.
5. Al Jisr S.A., Beydoun A.R., Mostapha N. A model of perceptions of politics: antecedents and outcomes // Journal of Management Development. 2020. V. 39. № 9–10. P. 1013–1028.
6. Benschop Y. The micro-politics of gendering in networking // Gender, Work & Organization. 2009. V. 16. № 2. P. 217–237.
7. Broadbridge A., Simpson R. 25 Years on: Reflecting on the past and looking to the future in gender and management

- research // British Journal of Management. 2011. V. 22. № 3. P. 470–483.
8. *Castilla E.J.* Gender, race, and the new (merit-based) employment relationship // *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 2012. V. 51. № 51. P. 528–562.
 9. *Chen Zh., Powell G.N.* No pain, no gain? A resource-based model of work-to-family enrichment and conflict // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. V. 81. № 1. P. 89–98.
 10. *Cloninger S.* Exploring the Lives of Women Who Lead: dissertation, 2017. URL: <https://aura.antioch.edu/etds/370> (date of access: 16.05.2021)
 11. *Cohen P.N., Huffman M.L., Knauer S.* Stalled progress? Gender segregation and wage inequality among managers, 1980–2000 // *Work and Occupations*. 2009. V. 36. № 4. P. 318–342.
 12. *Dan X. et al.* Relationships among structural empowerment, innovative behaviour, self-efficacy, and career success in nursing field in mainland China // *International Journal of Nursing Practice*. 2018. V. 24. № 5. Art. e12674.
 13. *Dubbelt L., Rispens S., Demerouti E.* Gender discrimination and job characteristics // *Career Development International*. 2016. V. 21. № 3. P. 230–245.
 14. *Eby L.T., Butts M., Lockwood A.* Predictors of success in the era of the boundaryless career // *Journal of Organizational Behavior*. 2003. V. 24. № 6. P. 689–708. DOI: 10.1002/job.214
 15. *Ferris G.R. et al.* Development and validation of the political skill inventory // *Journal of Management*. 2005. V. 31. № 1. P. 126–152.
 16. *Forret M.L., Dougherty T.W.* Networking behaviors and career outcomes: differences for men and women? // *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*. 2004. V. 25. № 3. P. 419–437.
 17. *Francis V.* What influences professional women's career advancement in construction? // *Construction Management and Economics*. 2017. V. 35. № 5. P. 254–275.
 18. *Herrbach O., Mignonac K.* Perceived gender discrimination and women's subjective career success: The moderating role of career anchors // *Relations Industrielles/Industrial Relations*. 2012. V. 67. № 1. P. 25–50.
 19. *Hirschi N.N., Baumeler F., Johnston C.S., Spurk D.* Assessing Key Predictors of Career Success: Development and Validation of the Career Resources Questionnaire // *Journal of Career Assessment*. 2018. V. 26. № 2. P. 338–358.
 20. *Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R.* Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit // *Electronic Journal of Business Research Methods*. 2008. V. 6. № 1. P. 53–60.
 21. *Kacmar K.M., Ferris G.R.* Perceptions of Organizational Politics Scale (POPS): Development and Construct Validation // *Educational and Psychological Measurement*. 1991. V. 51. № 1. P. 193–205.
 22. *Kumra S., Vinnicombe S.* Impressing for success: A gendered analysis of a key social capital accumulation strategy // *Gender, Work & Organization*. 2010. V. 17. № 5. P. 521–546.
 23. *Lyness K.S., Thompson D.E.* Climbing the corporate ladder: do female and male executives follow the same route? // *Journal of applied psychology*. 2000. V. 85. № 1. P. 86–101.
 24. *Shockley K.M. et al.* Development of a new scale to measure subjective career success: A mixed-methods study // *Journal of Organizational Behavior*. 2016. V. 37. № 1. P. 128–153.
 25. *Siebert S.E., Kraimer M.L., Crant J.M.* What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success // *Personnel Psychology*. 2006. V. 54. № 4. P. 845–874.
 26. *Singh R., Ragins B.R., Tharenou P.* What matters most? The relative role of mentoring and career capital in career success // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. V. 75 (1). P. 56–67. DOI: 10.1016/j.jvb.2009.03.003
 27. *Spurk D., Abele A.E.* Synchronous and time-lagged effects between occupational self-efficacy and objective and subjective career success: Findings from a four-wave and 9-year longitudinal study // *Journal of Vocational Behavior*. 2014. V. 84. № 2. P. 119–132.
 28. *Spurk D., Hirschi A., Dries N.* Antecedents and Outcomes of Objective Versus Subjective Career Success: Competing Perspectives and Future Directions // *Journal of Management*. 2019. V. 45. № 1. P. 35–69.
 29. *Toor S.-U.-R., Ofori G.* Developing construction professionals of the 21st century: Renewed vision for leadership // *Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice*. 2008. V. 134 (3). P. 279–286.
 30. *Triana M.D.C. et al.* Perceived Workplace Gender Discrimination and Employee Consequences: A Meta-Analysis and Complementary Studies Considering Country Context // *Journal of Management*. 2019. V. 45. № 6. P. 2419–2447.
 31. *Women in Organizations: Challenging Gender Politics* / Eds. S. Ledwith, F. Colgan. London: MacMillan Business, 1996.
 32. *Zhang Z., Arvey R.D.* Effects of personality on individual earnings: Leadership role occupancy as a mediator // *Journal of Business and Psychology*. 2009. V. 24. № 3. P. 271–280.

GENDER INEQUALITY AT WORK AS A FACTOR OF WOMEN'S CAREER SUCCESS²

S. D. Gurieva*, L. V. Mararitsa**, T. V. Kazantseva***, O. E. Gundelakh****

St. Petersburg State University;

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9, Russia.

**ScD in Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology.*

E-mail: gurievasv@gmail.com

***PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology Department.*

E-mail: larisamararitsa@mail.ru

****Ph D. in Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology.*

E-mail: tatakaz@mail.ru

*****Master's Degree in Psychology.*

E-mail: olgabbelova@list.ru

Received 21.03.2023

Abstract. The research is devoted to the problem of studying mechanisms of influence of gender inequality on career success of working women. The aim of the study is to find the connection between manifestations of gender inequality and resources available for development in the workplace and the career success of a woman. A socio-psychological model of success factors for working women was developed, including both the organizational environment and career resources for predicting success. The study was conducted in two phases in 2020–2021 using an online survey on a sample of women working in organizations in different fields. In the first phase (206 women aged 19 to 62), the relationships of the individual constructs of the model were tested; in the second phase (781 women aged 18 to 82), the socio-psychological model was tested by structural modelling (SEM). The results of the study confirm a positive relationship of women's career success with the availability of organizational resources ($R = 0.56, p < 0.01$) and the ability to implement networking behavior ($R = 0.56, p < 0.01$), and a negative relationship with perceived organizational policies ($R = -0.38, p < 0.01$), with structural ($R = -0.24, p < 0.05$) and normative ($R = -0.2, p < 0.05$) gender inequalities. The results of testing the socio-psychological model and alternatives by structural modelling show that gender inequality has a negative effect on women's career success, but the main contribution to limiting women's career resources and reducing career success comes from non-transparent organizational policies.

Keywords: career success, women's leadership, perceived gender inequality, career resources, networking, perceived organizational policies.

REFERENCES

1. Kazanceva T.V., Gurieva S.D., Mararitsa L.B. Sub'ektivnoe perezivanie gendernogo neravenstva rabotajushimi zhenshhinami. *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal*. 2020. № 30. P. 35–52. (In Russian)
2. Mararitsa L.V. Networking: opredelenie fenomena i metody izmerenija. *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal*. 2014. № 9. P. 1–26. (In Russian)
3. Fenomen gendernogo neravenstva kak faktor kar'ernogo kapitala zhenshhiny, nauchnyj grant RFFI 19-013-00686A, 2019–2021 gg. Avtorskie metodiki issledovatel'skoj grupy (2021). URL: <http://gendersurvey.tilda.ws/methods> (data obrashhenija: 20.02.2022). (In Russian)
4. Aguinis H., Bradley K.J. Best Practice Recommendations for Designing and Implementing Experimental Vignette Methodology Studies. *Organizational Research Methods*. 2014. V. 17. № 4. P. 351–371.
5. Al Jisr S.A., Beydoun A.R., Mostapha N. A model of perceptions of politics: antecedents and outcomes. *Journal of Management Development*. 2020. V. 39. № 9–10. P. 1013–1028.
6. Benschop Y. The micro-politics of gendering in networking. *Gender, Work & Organization*. 2009. V. 16. № 2. P. 217–237.
7. Broadbridge A., Simpson R. 25 Years On: Reflecting on the Past and Looking to the Future in Gender and Management Research. *British Journal of Management*. 2011. V. 22. № 3. P. 470–483.
8. Castilla E.J. Gender, race, and the new (merit-based) employment relationship. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 2012. V. 51. № S1. P. 528–562.

² This work is supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00452 “Psychosocial design of the work environment as a factor in the subjective well-being of the employee and the innovative potential of the organization”.

9. *Chen Zh., Powell G.N.* No pain, no gain? A resource-based model of work-to-family enrichment and conflict. *Journal of Vocational Behavior*. 2012. V. 81. № 1. P. 89–98.
10. *Cloninger S.* Exploring the Lives of Women Who Lead: dissertation, 2017. URL: <https://aura.antioch.edu/etds/370> (date of access: 16.05.2021)
11. *Cohen P.N., Huffman M.L., Knauer S.* Stalled Progress? Gender Segregation and Wage Inequality Among Managers, 1980–2000. *Work and Occupations*. 2009. V. 36 (4). P. 318–342.
12. *Dan X. et al.* Relationships among structural empowerment, innovative behaviour, self-efficacy, and career success in nursing field in mainland China. *International Journal of Nursing Practice*. 2018. V. 24. № 5. Art. e12674.
13. *Dubbelt L., Rispens S., Demerouti E.* Gender discrimination and job characteristics. *Career Development International*. 2016. V. 21. № 3. P. 230–245.
14. *Eby L.T., Butts M., Lockwood A.* Predictors of success in the era of the boundaryless career. *Journal of Organizational Behavior*. 2003. V. 24. № 6. P. 689–708.
15. *Ferris G.R. et al.* Development and Validation of the Political Skill Inventory. *Journal of Management*. 2005. V. 31. № 1. P. 126–152.
16. *Forret M.L., Dougherty T.W.* Networking behaviors and career outcomes: differences for men and women? *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*. 2004. V. 25. № 3. P. 419–437.
17. *Francis V.* What influences professional women's career advancement in construction? *Construction Management and Economics*. 2017. V. 35. № 5. P. 254–275. DOI: 10.1080/01446193.2016.1277026
18. *Herrbach O., Mignonac K.* Perceived gender discrimination and women's subjective career success: The moderating role of career anchors. *Relations Industrielles/Industrial Relations*. 2012. V. 67. № 1. P. 25–50.
19. *Hirschi N.N., Baumeler F., Johnston C.S., Spurk D.* Assessing Key Predictors of Career Success: Development and Validation of the Career Resources Questionnaire. *Journal of Career Assessment*. 2018. V. 26. № 2. P. 338–358.
20. *Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R.* Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit. *Electronic Journal of Business Research Methods*. 2008. V. 6. № 1. P. 53–60.
21. *Kacmar K.M., Ferris G.R.* Perceptions of Organizational Politics Scale (POPS): Development and Construct Validation. *Educational and Psychological Measurement*. 1991. V. 51. № 1. P. 193–205.
22. *Kumra S., Vinnicombe S.* Impressing for success: A gendered analysis of a key social capital accumulation strategy. *Gender, Work & Organization*. 2010. V. 17. № 5. P. 521–546.
23. *Lyness K.S., Thompson D.E.* Climbing the corporate ladder: do female and male executives follow the same route? *Journal of applied psychology*. 2000. V. 85. № 1. P. 86–101.
24. *Shockley K.M. et al.* Development of a new scale to measure subjective career success: A mixed-methods study. *Journal of Organizational Behavior*. 2016. V. 37. № 1. P. 128–153.
25. *Siebert S.E., Kraimer M.L., Crant J.M.* What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology*. 2006. V. 54. № 4. P. 845–874.
26. *Singh R., Ragins B.R., Tharenou P.* What matters most? The relative role of mentoring and career capital in career success. *Journal of Vocational Behavior*. 2009. V. 75. № 1. P. 56–67.
27. *Spurk D., Abele A.E.* Synchronous and time-lagged effects between occupational self-efficacy and objective and subjective career success: Findings from a four-wave and 9-year longitudinal study. *Journal of Vocational Behavior*. 2014. V. 84. № 2. P. 119–132.
28. *Spurk D., Hirschi A., Dries N.* Antecedents and Outcomes of Objective Versus Subjective Career Success: Competing Perspectives and Future Directions. *Journal of Management*. 2019. V. 45. № 1. P. 35–69.
29. *Toor S.-U.-R., Ofori G.* Developing construction professionals of the 21st century: Renewed vision for leadership. *Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice*. 2008. V. 134. № 3. P. 279–286.
30. *Triana M.D.C. et al.* Perceived Workplace Gender Discrimination and Employee Consequences: A Meta-Analysis and Complementary Studies Considering Country Context. *Journal of Management*. 2019. V. 45. № 6. P. 2419–2447.
31. *Women in Organizations: Challenging Gender Politics.* Eds. S. Ledwith, F. Colgan. London: MacMillan Business, 1996.
32. *Zhang Z., Arvey R.D.* Effects of personality on individual earnings: Leadership role occupancy as a mediator. *Journal of Business and Psychology*. 2009. V. 24. № 3. P. 271–280.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 316.6

СПЛОЧЕННОСТЬ, НОРМА ПРОДУКТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАЛЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУПП И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП¹

© 2023 г. А. В. Сидоренков^{1,*}, Е. Ф. Бороховский^{2,**}

¹Южный федеральный университет;

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42, Россия.

²Университет Конкордия;

H3G 1M8, г. Монреаль (Квебек), бул. де Мезоннев, д. 1455, Канада.

*Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
управления и юридической психологии.

E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru

**PhD, профессор департамента образования, руководитель проектов систематических обзоров
исследовательского центра обучения и эффективности когнитивных процессов (CSLP).

E-mail: eborokhovski@education.concordia.ca

Поступила 02.12.2022

Аннотация. Изучена связь сплоченности и нормы продуктивности (в том числе в сочетании их друг с другом) с воспринимаемой предметно-деятельностной эффективностью (выполнение плана и текущих задач, успешность деятельности в трудных условиях) и социально-психологической эффективностью (удовлетворенность группой/подгруппой, психологический комфорт в группе/подгруппе) малых производственных групп и неформальных подгрупп. Исследование проведено среди 39 производственных групп ($N = 349$ работников) в разных сферах деятельности, в большинстве которых преобладала совместно-индивидуальная форма организации деятельности. Во всех обследованных группах обнаружены устойчивые неформальные подгруппы, количество которых варьировало от одной до трех. Сплоченность внутри групп и подгрупп позитивно и значимо сильнее связана с их социально-психологической эффективностью, чем предметно-деятельностной эффективностью. Эта связь является более сильной в группах по сравнению с подгруппами. Норма продуктивности подгрупп имеет значимую позитивную связь с выполнением ими плана и текущих задач. Не обнаружено значимой связи нормы продуктивности групп ни с одним показателем их предметно-деятельностной эффективности. Норма продуктивности и сплоченность создают позитивный интерактивный эффект относительно успешности деятельности в трудных условиях групп и выполнения плана и текущих задач подгруппами. Полученные результаты расширяют представление о непосредственных и опосредованных связях сплоченности и нормы продуктивности с двумя видами эффективности малых производственных групп и сформированных в них неформальных подгрупп.

Ключевые слова: малая группа, неформальная подгруппа, сплоченность, норма продуктивности, предметно-деятельностная эффективность, социально-психологическая эффективность.

DOI: 10.31857/S020595920024905-1

На протяжении всей истории исследования групп в организациях специалисты стремились изучить групповые явления и процессы, которые обуславливают эффективность групп. В частности, начиная с данного Л. Фестингером [17] определения

сплоченности этот конструкт стал активно рассматриваться как возможный предиктор групповой эффективности. В период с середины 1960-х и до начала 1990-х годов было опубликовано несколько обзоров исследований связи сплоченности и эффективности групп [21; 24; 35; 37], в которых были сделаны отличающиеся выводы. А именно: в одних ставился под сомнение эффект сплоченности относительно групповой эффективности [35; 36], тогда как в других отмечалось, что в целом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00099 “Роль неформальных подгрупп в эффективности производственных групп и команд”.

сплоченность способствует продуктивности группы [37]. С начала 1990-х годов было выполнено более 10 метаанализов [11; 19; 25; 30], которые позволили сформировать более дифференцированную картину связи “сплоченность—эффективность” на основе учета ряда переменных: типа групп, типа задач, показателей эффективности и способов ее оценки и др. Помимо сплоченности, исследователи обращали внимание, но заметно реже на групповые нормы — продуктивности [31], сотрудничества [9], общительности [26], коллективизма [23] и др. — как предикторы эффективности группы. Среди них особо надо выделить норму продуктивности. Причем такая норма рассматривалась не столько как самостоятельный предиктор групповой эффективности, сколько во взаимодействии со сплоченностью [33]. Есть несколько обстоятельств, обращающих на себя внимание. Во-первых, роль нормы продуктивности отдельно и в сочетании со сплоченностью в групповой эффективности чаще рассматривалась на выборках спортивных, нежели производственных групп.

Во-вторых, изучалась связь сплоченности и нормы продуктивности прежде всего с групповой предметно-деятельностной эффективностью, и мало данных, отображающих связь этих характеристик с групповой социально-психологической эффективностью, например удовлетворенностью членов группой, психологическим комфортом членов в группе.

В-третьих, связь сплоченности и нормы продуктивности с эффективностью рассматривается на уровне малой группы. Однако в подавляющем большинстве производственных групп возникают неформальные подгруппы [3], которые являются коллективными субъектами деятельности и внутригрупповой активности, обладают свойством сплоченности и совместимости, определенными интересами, нормами и др., а также характеризуются эффективностью. Поэтому логично изучать роль разных характеристик подгрупп (в том числе сплоченности и нормы продуктивности) в эффективности этих подгрупп. Это важно потому, что общегрупповые задачи (особенно при совместно-индивидуальной форме организации деятельности) часто выполняются на основе объединения усилий членов внутри неформальных подгрупп. То есть групповые задачи могут выполняться посредством деятельности подгрупп, а не только за счет совокупности действий всех членов группы. Это значит, что от эффективности подгрупп может зависеть эффективность всей группы. Естественно, возникает вопрос: какие социально-психологические

характеристики подгруппы могут обуславливать ее эффективность?

Цель исследования — изучить связь сплоченности и нормы продуктивности, в том числе в сочетании их друг с другом, с предметно-деятельностной эффективностью (ПДЭ) и социально-психологической эффективностью (СПЭ) малых производственных групп и неформальных подгрупп в группах.

Связь сплоченности и эффективности группы/подгруппы. Если обратиться к результатам метаанализов, то в них анализировались результаты, полученные: 1) по смешанной выборке, т.е. одновременно среди разных типов групп: студенческих, проектных, производственных, управленческих и др. [5; 16; 19; 25]; 2) по определенному виду деятельности групп: спортивных [7; 30], воинских [27], трудовых — проектных, производственных, сервисных [11; 12], предпринимательских [39], по разработке новых продуктов [14]; 3) в виртуальных командах с разным родом деятельности [10]. Во всех метаанализах рассматривалась только ПДЭ (performance, effectiveness и/или efficiency) групп, но не принималась во внимание их СПЭ. Была обнаружена значимая позитивная связь между сплоченностью и ПДЭ, но величина эффекта варьировалась. Однако авторы обратили внимание на некоторые важные моменты, касающиеся силы этой связи. Во-первых, размер эффекта зависит от уровня анализа (на основе способа измерения) сплоченности: индивидуального или группового [19]. В связи с этим авторы данного метаанализа высказались за оценивание сплоченности прежде всего на групповом уровне. Мы учли это соображение в данном исследовании и оценивали сплоченность на групповом уровне анализа.

Во-вторых, связь сплоченность—ПДЭ модулируется некоторыми переменными, такими как степень взаимозависимости задачи [19], численность, род занятий и продолжительность жизнедеятельности группы [10]. Например, сплоченность и ПДЭ более тесно связаны, когда в группах высокая взаимозависимость задач, чем когда она низкая [19]. (Взаимозависимость задачи — это зависимость членов группы друг от друга относительно доступа к важным ресурсам и взаимное координирование действий в рабочем процессе, что определяется особенностями организации работы по выполнению задачи [12].) Представления о типах задач (взаимозависимых и относительно автономных) пересекаются с идеей о формах организации совместной деятельности (ФОСД) — совместно-индивидуальной, совместно-последовательной и совместно-взаимодействующей — по критерию пространственно-операциональных связей между

членами, предложенной Л.И. Уманским [4]. То есть для совместно-взаимодействующей формы характерна высокая взаимозависимость задачи, а для совместно-индивидуальной — низкая взаимозависимость (относительная автономность) задачи. Однако понятие ФОСД шире содержания указанных типов задачи. В данном исследовании мы изучали преимущественно группы, в которых совместно-индивидуальная ФОСД являлась доминирующей. Следуя логике результатов указанных метаанализов, в таких группах сплоченность не будет значительно коррелировать с ПДЭ, но может сильно связаться с СПЭ.

В-третьих, исследователи задавались вопросом: зависит ли связь между сплоченностью и ПДЭ от типа сплоченности? То есть многие авторы считают, что сплоченность является многомерным конструктом, а потому стало принято выделять разновидности (аспекты) сплоченности, например ценностно-ориентационное единство [2] и предметно-ценностное единство [1], межличностная аттракция, приверженность групповой задаче и гордость за группу [25], деятельностная интеграция группы, социальная интеграция группы, индивидуальная привлекательность групповой деятельности и индивидуальная привлекательность групповой социальности [38]. Две последние модели не были убедительно подтверждены. В частности, вместо четырехфакторной модели [38] была подтверждена двухфакторная модель, включающая деятельностную и социальную интеграцию [15]. Метаанализ показал, что социальная интеграция, деятельностная интеграция и их суммарный показатель имели значимую связь с ПДЭ, а различия между ними не были статистически значимыми [7]. Учитывая этот факт, в данном исследовании мы оценивали интегральный показатель сплоченности, полученный на основе показателей двух видов сплоченности.

В-четвертых, связь может зависеть от способа измерения ПДЭ. В одном метаанализе обнаружено, что одинаковая картина связи сплоченности и ПДЭ наблюдается независимо от того, оценивается ли ПДЭ посредством самоотчетов или на основе фактических результатов деятельности (поведения) [7]. В другом выявлено, что более сильная корреляция между сплоченностью и ПДЭ наблюдается тогда, когда последняя оценивалась как поведение, связанное с оптимальным использованием ресурсов (efficiency), чем как результат (effectiveness) [5]. В нашем исследовании оценивалась воспринимаемая ПДЭ отдельно как результат и как процесс (поведение) в трудных условиях, а также СПЭ групп и подгрупп.

Отметим, что практически нет эмпирических исследований, за редким исключением и не на выборке трудовых коллективов [13], в которых бы изучалась связь сплоченности с СПЭ, конкретно с такими ее критериями, как удовлетворенность членов группой, психологический комфорт членов в группе, содействие группы профессиональному и/или личностному росту ее членов. Вместе с тем не следует пренебрегать СПЭ, так как она важна для психологического самочувствия и функционирования членов в группе и, как мы предполагаем, может влиять на ПДЭ группы. Кроме того, мы не обнаружили работ, которые были бы посвящены изучению связи сплоченности внутри неформальных подгрупп с их ПДЭ и СПЭ. Вероятно, связь сплоченности с двумя видами эффективности может иметь разную силу на уровне группы в целом и уровне неформальной подгруппы. Мы формулируем следующие гипотезы:

Гипотеза 1а. Сплоченность внутри малых производственных групп (с совместно-индивидуальной ФОСД как ведущей) и неформальных подгрупп сильнее связана с их социально-психологической эффективностью, чем предметно-деятельностной эффективностью.

Гипотеза 1б. Сплоченность имеет более сильную позитивную связь с социально-психологической эффективностью на уровне малых производственных групп, чем на уровне неформальных подгрупп.

Связь нормы продуктивности и эффективности группы/подгруппы. Групповая норма продуктивности (productivity norm, performance norm, task norm) чаще рассматривается на примере спортивных команд и понимается как коллективные ожидания членов относительно выполнения совместной деятельности и ее результатов [18], коллективные мнения о степени прилагаемых членами усилий по выполнению деятельности [8]. На наш взгляд, групповая норма продуктивности — это принятый в группе и разделяемый большинством членов стандарт выполнения деятельности, который предполагает определенную степень интенсивности и объем выполняемой работы. Исследования спортивных команд показали положительную связь между нормой продуктивности и командным успехом [22], удовлетворенностью результатами деятельности команды [28]. Данные о связи между интересующими нас переменными в трудовых коллективах редко встречаются в литературе. Например, обнаружено, что норма выполнения групповой задачи значимо позитивно, но не сильно коррелировала с эффективностью (качеством и точностью) деятельности коллективов социальных работников [33]. В данном исследовании эта норма измерялась

с точки зрения воспринимаемого членами количества усилий, затрачиваемых на работу, и чувства личной ответственности за достижение цели. Вероятно, что норма продуктивности в неформальных подгруппах в силу их малочисленности и высокой внутренней интеграции сильнее принимается и контролируется ее выполнение членами, чем норма продуктивности в контексте всей группы, особенно с совместно-индивидуальной ФОСД. Это обуславливает разную силу связи данной нормы с ПДЭ на уровне группы и подгрупп.

Гипотеза 2. Норма продуктивности имеет значимую позитивную связь с воспринимаемой предметно-деятельностной эффективностью неформальных подгрупп, которая сильнее связи между такими переменными малых производственных групп (с совместно-индивидуальной ФОСД как ведущей).

Интерактивный эффект сплоченности и нормы продуктивности относительно эффективности группы/подгруппы. Роль норм продуктивности в ПДЭ производственных групп рассматривается, как правило, в сочетании с групповой сплоченностью. Лабораторные эксперименты показали, что норма продуктивности является модератором связи сплоченности с результативностью выполнения задач [6; 32]. То есть когда норма продуктивности и сплоченность были высокими, группы демонстрировали небольшое улучшение результативности, но, когда норма продуктивности была низкой, а сплоченность высокой, группы показали небольшое ухудшение результативности. В исследованиях спортивных команд обнаружено, что в командах с более высокими нормами (в том числе продуктивности) и более высокой социальной сплоченностью была более высокая воспринимаемая членами групповая ПДЭ (в виде прилагаемых членами усилий), а наиболее низкая эффективность — в командах с более низкой социальной сплоченностью и более высокими нормами [29]. Любопытно, что нормы, относящиеся к выполнению задачи, и деятельностная интеграция (сплоченность) не были связаны с воспринимаемой групповой ПДЭ. В группах агентства по обслуживанию семьи и воинских подразделениях сочетание высокой сплоченности и высоких норм выполнения задач по сравнению с любой другой комбинацией приводило к воспринимаемой руководителем более высокой групповой ПДЭ (качество и точность работы, оптимальные операции подразделения) [33]. Однако в этих группах были вариации в эффектах иных сочетаний сплоченности и нормы продуктивности.

Отметим, что сложилась традиция рассматривать норму продуктивности как модератор в связи

сплоченность—эффективность. Она берет начало от предположения Р.М. Стогдилла [36], что нормы продуктивности являются ключевым фактором, влияющим на связь сплоченности с ПДЭ. Это обосновывается тем, что чем выше сплоченность группы, тем большее давление группа может оказывать на отдельных членов, чтобы их активность соответствовала групповым нормам. Однако можно по-иному посмотреть на этот вопрос. То есть высокая сплоченность, которая способствует согласованности действий членов группы в совместной деятельности, может усиливать позитивный эффект нормы продуктивности относительно групповой эффективности, особенно в группах с совместно-взаимодействующей ФОСД. Такой интерактивный эффект нормы продуктивности и сплоченности может наблюдаться в группах с совместно-индивидуальной ФОСД и, более очевидно, в неформальных подгруппах, внутри которых высока степень взаимосвязанности членов.

Гипотеза 3а. Связь между нормой продуктивности и воспринимаемой предметно-деятельностной эффективностью малых производственных групп (с совместно-индивидуальной ФОСД как ведущей) модулируется их сплоченностью.

Гипотеза 3б. Связь между нормой продуктивности и воспринимаемой предметно-деятельностной эффективностью неформальных подгрупп модулируется их сплоченностью.

МЕТОДИКА

Участники. Исследование проведено в 39 первичных структурных подразделениях (малых группах) в организациях с разным профилем деятельности: услуги (социальные и коммерческие), торговля, сервис и производство. Общее число респондентов по совокупности всех групп составило 349 человек. Количество членов в группах варьировалось от 5 до 17 ($M = 8.94$, $SD = 2.91$). Выборка включала 51.6% женщин и 48.4% мужчин в возрасте от 19 до 62 лет ($M = 37.9$). 15 групп были гомогенные по половому признаку, из них 10 полностью состояли из мужчин и 5 — из женщин. В подавляющем большинстве групп превалировала совместно-индивидуальная ФОСД. Обследование проводилось в полевых условиях (т.е. в организациях) и с устного согласия участников.

Во всех обследованных группах выявлены неформальные подгруппы ($N = 69$), количество которых было от одной до трех. В 66.7% групп выявлены две или более подгрупп. По всей указанной выше выборке обнаружено больше всего диад

(50.7% подгрупп), менее — триад (26.1%) и заметно меньше — подгрупп из четырех и пяти человек (по 11.6% соответственно).

Инструментарий. Исследование проводилось посредством компьютерной программы “Групповой профиль — Универсал” [34], в которую включены опросники для оценки сплоченности, нормы продуктивности, групповой эффективности и алгоритм выделения неформальных подгрупп, интегрированный с указанными опросниками. Для выделения неформальных подгрупп и их состава использовался формализованный алгоритм, который предполагает следующие этапы: 1) составление матрицы “описания”, характеризующей конкретное состояние группируемых переменных (членов); 2) установление численных значений связей (сходства) между группируемыми членами и построение матрицы коэффициентов сходства; 3) группировка членов в подгруппы и определение показателя, характеризующего качество (“плотность”) этих подгрупп; 4) отбор наиболее “плотных” подгрупп.

Измерение сплоченности группы и подгруппы осуществлялось с помощью опросника предметно-деятельностной (ПДС) и социально-психологической (СПС) сплоченности. Он состоит из двух субшкал по пять пунктов (с обратной формулировкой утверждений) в каждой из них, например: “Служивцы не склонны объединять усилия в работе” (ПДС), “Члены коллектива не стремятся учитывать интересы друг друга” (СПС). Оценка осуществляется на основе семибалльной шкалы. Опросник состоит из двух частей: “Группа в целом” (для оценки сплоченности группы в целом) и “Среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения” (для оценки сплоченности внутри подгрупп). Значения α Кронбаха были 0.763 для субшкалы ПДС и 0.753 для субшкалы СПС. (Здесь и далее приведены показатели α на уровне групп.) Принимая во внимание достаточно высокую корреляцию между субшкалами (0.84) и выявленное в одном из метаанализов отсутствие значимых отличий между связями подобных видов сплоченности с ПДЭ [7], было решено использовать интегральный показатель по двум субшкалам.

Норма продуктивности группы и подгруппы оценивалась посредством соответствующего опросника, который содержит пять пунктов в виде пословиц/поговорок, отображающих такие нормативы, как темп и объем выполняемой работы (например, “Тише едешь, дальше будешь”, “Всех дел не переделаешь”). Этот опросник, как и предыдущий, состоит из двух частей для оценки нормы продуктивности группы и каждой подгруппы,

а оценка пунктов делается по семибалльной шкале. Значение α Кронбаха было 0.834.

Из-за проблем с доступностью объективных данных предметно-деятельностной эффективности групп мы были вынуждены ограничиться субъективными показателями. Для оценки такой эффективности групп и подгрупп был использован одноименный опросник, который включает две субшкалы: “выполнение плана и текущих задач” (ПЗ) и “успешность деятельности в трудных условиях” (ТУ) по три пункта с обратной формулировкой в каждой. Например, “Группа (подгруппа) часто не выполняет план по основным направлениям или показателям деятельности” (субшкала ПЗ), “Группа (подгруппа) не умеет оперативно решать новые задачи или сложные проблемы” (субшкала ТУ). Первая субшкала оценивает результативность группы/подгруппы, а вторая — процесс выполнения работы в особых условиях. Оценка каждого пункта осуществлялась по семибалльной шкале отдельно членами группы (ПЗ-Ч и ТУ-Ч) и руководителем (ПЗ-Р и ТУ-Р). Члены группы оценивали только эффективность группы в целом. После завершения работы сотрудников с программой руководитель оценивал посредством того же набора пунктов данную эффективность группы и каждой подгруппы в специальном модуле, в котором представлены выделенные посредством формализованного алгоритма неформальные подгруппы и их состав. Значения α Кронбаха были для субшкалы ПЗ — 0.851 и субшкалы ТУ — 0.927.

Социально-психологическая эффективность группы и подгруппы измерялась посредством другого опросника, из которого были использованы две субшкалы: “удовлетворенность членов группой/подгруппой” (УД) и “психологический комфорт членов в группе/подгруппе” (ПК). Каждая субшкала включает два пункта с обратной формулировкой, например: “Я не испытываю чувство удовлетворенности от того, что происходит в группе” (субшкала УД) и “Я чувствую себя не уютно и/или напряженно в группе” (субшкала ПК). Оценка каждого пункта осуществлялась членами группы на основе семибалльной шкалы. Опросник состоит из двух частей — “В группе в целом” и “Среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения” — для оценки двух показателей этой эффективности, соответственно группы в целом и каждой неформальной подгруппы. Значения α Кронбаха были 0.856 для субшкалы УД и 0.827 для субшкалы ПК.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сплоченность, норма продуктивности и эффективность группы/подгруппы. Таблица 1 показывает описательную статистику и корреляции между переменными, включенными в проверку гипотез 1 и 2. Так как ранговая корреляция является методом непараметрического анализа, то не требуется проверка на нормальность распределения исследованных переменных. Согласно гипотезе 1а, сплоченность как групп, так и подгрупп сильнее связана с их СПЭ, чем ПДЭ. Выявлено, что сплоченность одновременно групп и подгрупп значимо не коррелирует ни с одним из двух показателей их ПДЭ, но значимо положительно связана с обоими показателями их СПЭ. Мы сравнили коэффициенты корреляции, представленные в табл. 1, с использованием преобразования Фишера. То есть мы сравнили значения корреляции “сплоченность — ПДЭ (по каждому показателю)” с значениями корреляции “сплоченность — СПЭ (по каждому показателю)”. На уровне группы все отличия корреляций статистически значимы (в семи сравниваемых корреляций $p < 0.001$ и в одной $p < 0.01$). На уровне подгруппы в трех из четырех сравнений установлены значимые отличия в связях ($p < 0.05$, $p < 0.01$ и $p < 0.001$), но в одном — незначимое: “сплоченность — выполнение плана и текущих задач подгруппой/удовлетворенность подгруппой” ($Z = -0.742$, $p = 0.229$). Следовательно, гипотеза 1 подтверждена.

Таблица 1. Описательные статистики и корреляция Спирмена между переменными на уровне малой группы и неформальной подгруппы

Переменные характеристик и эффективности групп/подгрупп	<i>M</i>	<i>SD</i>	2	3	4	5	6	7	8
1. Сплоченность	41.47 54.06	10.03 9.16	0.67*** 0.01	0.09 —	0.21 —	-0.06 0.21	-0.08 0.12	0.67*** 0.30*	0.84*** 0.61***
2. Норма продуктивности	19.72 21.62	5.14 5.59		0.04 —	0.24 —	-0.17 0.36*	-0.03 0.22	0.53*** 0.30*	0.64*** 0.07
3. Выполнение плана и текущих задач (Ч)	15.94 —	2.47 —			0.77*** —	0.36 —	0.26 —	0.01 —	0.14 —
4. Деятельности в трудных условиях (Ч)	15.77 —	2.38 —				0.34 —	0.33 —	0.11 —	0.19 —
5. Выполнение плана и текущих задач (Р)	15.92 16.22	3.95 3.78					0.64*** 0.58***	-0.03 0.47**	-0.047 -0.25
6. Деятельности в трудных условиях (Р)	15.73 16.33	3.87 3.74						-0.03 0.69***	-0.16 -0.22
7. Удовлетворенность	7.65 10.21	1.97 1.99							0.71*** 0.07
8. Психологический комфорт	8.71 10.98	2.16 2.06							

Примечание. Ч — оценка эффективности членами группы и Р — оценка эффективности руководителем. Числовые значения над чертой — показатели на уровне малой группы, а под чертой — на уровне неформальной подгруппы. * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

В гипотезе 1б предполагалось, что сплоченность групп по сравнению со сплоченностью подгрупп имеет более сильную позитивную связь с СПЭ, соответственно групп и подгрупп. Несмотря на то что обе корреляции на уровне групп и подгрупп статистически значимы, обнаружены существенные отличия в сравниваемых корреляциях: “сплоченность группы/подгруппы — удовлетворенность группой/подгруппой” ($Z = 2.009$, $p = 0.022$) и “сплоченность группы/подгруппы — психологический комфорт в группе/подгруппе” ($Z = 2.053$, $p = 0.020$). Таким образом, гипотеза 1б полностью подтверждена.

Гипотеза 2 посвящена проверке предположения о том, что существует более сильная позитивная связь между нормой продуктивности и воспринимаемой ПДЭ неформальных подгрупп, чем малых групп. В табл. 1 видно, что норма продуктивности неформальных подгрупп значимо связана с одним из двух показателей их эффективности, таким как выполнение плана и текущих задач. Мера этой корреляции статистически значимо отличается от значения корреляции между соответствующими переменными на уровне группы ($Z = -2.198$, $p = 0.014$). Не выявлены значимые связи нормы продуктивности с обоими показателями воспринимаемой ПДЭ группы (по оценкам как членов, так и руководителя). Итак, гипотеза 2 подтвердилась частично в том смысле, что норма продуктивности подгрупп по сравнению с такой же нормой групп имеет

позитивную значимую и более сильную связь с одним из двух показателей воспринимаемой ПДЭ.

Интерактивный эффект сплоченности и нормы продуктивности относительно эффективности группы/подгруппы. В соответствии с гипотезой 3, связь нормы продуктивности с воспринимаемой ПДЭ групп (гипотеза 3а) и подгрупп (гипотеза 3б) моделируется их сплоченностью. Мы проверили моделирующий эффект сплоченности в связи нормы продуктивности (независимая переменная) с двумя показателями (зависимые переменные) данной эффективности. Для анализа эффекта модерации использовался подход бутстрэппинга, скорректированный на смещение. Этот подход не требует нормально распределенной выборки по сравнению с другими широко используемыми методами. Процедура выполнялась с использованием PROCESS macro [20] (Model 1) посредством программного пакета SPSS 23. Перед анализом переменные центрировались по среднему значению. Если ноль не попадает в доверительный интервал, результаты указывают на значимую модерацию. Результаты анализа представлены в табл. 2. Обнаружено, что на уровне групп сплоченность значимо модерирует связь нормы продуктивности с успешностью деятельности в трудных условиях ($B = 0.023$, $p < 0.01$, 95% CI [0.006, 0.043]), по оценкам членов группы, но существенно не модерирует связь нормы продуктивности с выполнением плана и текущих задач по оценкам членов и двумя показателями эффективности по оценкам руководителя. Таким образом, гипотеза 3а подтвердилась только относительно одного показателя эффективности по оценкам членов.

Таблица 2. Модерация связи между нормой продуктивности и предметно-деятельностной эффективностью групп и подгрупп посредством их сплоченности

Характеристики модели	Предметно-деятельностная эффективность					
	Группы				Подгруппы	
	ПЗ-Ч	ТУ-Ч	ПЗ-Р	ТУ-Р	ПЗ-Г	ТУ-Г
Intercept (b_3)	0.020*	0.023**	0.011	0.029	0.036*	0.022
<i>Независимая переменная</i>						
Норма продуктивности (b_1)	-0.089	-0.031	-0.139	-0.034	0.160	0.136
<i>Модерирующая переменная</i>						
Сплоченность (b_2)	0.074	0.070	0.011	0.019	0.113	0.034
R^2	0.166	0.243	0.098	0.107	0.310	0.164
ΔR^2	0.155	0.216	0.058	0.100	0.135	0.052
F	6.516*	10.024**	1.628	2.820	5.500*	1.770
LLCI	0.000	0.006	-0.005	0.002	0.016	0.000
ULCI	0.041	0.043	0.058	0.062	0.090	0.089

Примечание. Показатели воспринимаемой ПДЭ группы/подгруппы: ПЗ-Ч/ПЗ-Р — выполнение плана и текущих задач (по оценкам членов/руководителя) и ТУ-Ч/ТУ-Р — успешность деятельности в трудных условиях (по оценкам членов/руководителя). * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$.

В свою очередь, сплоченность подгрупп значимо модерирует связь их нормы продуктивности с выполнением плана и текущих задач ($B = 0.036$, $p < 0.05$, 95% CI [0.016, 0.090]), но не имеет значимого модерирующего эффекта на связь нормы продуктивности с успешностью деятельности в трудных условиях. Следовательно, гипотеза 3б подтвердилась относительно одного из двух показателей ПДЭ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Как было показано, внутренняя сплоченность малых групп и неформальных подгрупп положительно связана прежде всего с их СПЭ, нежели с ПДЭ. По крайней мере, это убедительно продемонстрировано на примере групп с преобладающей у них совместно-индивидуальной ФОСД. Для такой деятельности и ее результативности не требуется высокая согласованность действий, которая в значительной степени обусловливается сплоченностью. Но сплоченность группы, как психологическое единство ее членов, является важной предпосылкой для удовлетворенности членов группой/подгруппой и психологического комфорта в группе/подгруппе. Об этом свидетельствуют полученные результаты. Вместе с тем мы допускаем существование рециркуляционной связи, т.е. обратное влияние таких показателей СПЭ на сплоченность группы/подгруппы. Чем больше члены будут удовлетворены своей группой/подгруппой и комфортнее себя в ней чувствовать, тем больше основания будет для их единения. Любопытно, что сплоченность имеет более слабую позитивную связь с СПЭ в подгруппах, чем в группах.

Сама по себе сплоченность внутри подгрупп значительно выше, чем сплоченность внутри групп ($Z = -5,843$, $p = 0.000$), а потому, вероятно, не играет решающего значения в СПЭ подгрупп.

Также обнаружено, что норма продуктивности неформальных подгрупп, в отличие от малых групп, имеет позитивную связь с таким показателем их ПДЭ (по оценкам руководителя), как выполнение плана и текущих задач. Вероятно, это обусловлено некоторыми факторами, а именно норма продуктивности подгрупп несколько выше, чем таковая норма групп ($Z = -1,884$, $p = 0.06$). Хотя уровень значимости отличий не является статистически значимым (больше 0,05), можно говорить о некоторой тенденции. Дополнительно количество групп, в которых норма продуктивности хотя бы одной подгруппы: 1) значимо выше (разница показателей больше одного стандартного отклонения) нормы продуктивности группы, было 35,9%; 2) значимо ниже нормы продуктивности группы — 5,1%; 3) примерно такое же, как норма продуктивности группы (отличие в пределах одного стандартного отклонения), — 59%. В пяти группах, включающих две и более подгрупп, норма продуктивности всех подгрупп была существенно выше, чем такая норма этих групп. Другой фактор, как мы предполагаем, заключается в том, что внутри подгрупп по сравнению с группой в целом сильнее выражены взаимоответственность и взаимопонимание. Это способствует снижению координационных и мотивационных потерь, что, в свою очередь, благоприятствует позитивной связи нормы продуктивности с воспринимаемой ПДЭ подгрупп.

Норма продуктивности и сплоченность как групп, так и подгрупп создают значительный позитивный интерактивный эффект (положительный знак коэффициента регрессии b_3 в табл. 2) относительно одного из двух показателей ПДЭ: успешность деятельности в трудных условиях для групп, по оценкам членов, и выполнение плана и текущих задач для подгрупп по оценкам руководителя, хотя по отдельности эти характеристики значимо не связаны с такой эффективностью. То есть влияние нормы продуктивности на соответствующие показатели эффективности зависит от сплоченности. Надо обратить внимание на знак коэффициентов регрессии. Коэффициент b_1 для нормы продуктивности является положительным на уровне групп и подгрупп, а b_2 для сплоченности — отрицательным среди групп и положительным среди неформальных подгрупп. Получается, что группы, которые имели более низкую сплоченность, демонстрировали более успешную деятельность

в трудных условиях, тогда как подгруппы, имевшие более высокую сплоченность, показывали более высокую результативность по выполнению плана и текущих задач. Результат на уровне групп не согласуется с данными исследования трудовых и воинских подразделений, в которых их эффективность оценивалась руководителем [33]. Полагаем, что к полученному нами результату на уровне групп следует относиться осторожно. Тем более что эффект обнаружен относительно показателя эффективности по оценкам членов группы. Некоторые исследователи считают, что восприятие эффективности работниками является более искаженной, чем ее оценка руководителем, которая не лишена предвзятости, но основывается на лучшем знании (по сравнению с знаниями работников) деятельности группы [33].

Перспектива исследования заключается в изучении рассмотренных нами связей на примере производственных групп, в которых преобладает совместно-взаимодействующая ФОСД. В таких группах эффекты сплоченности и нормы продуктивности относительно предметно-деятельностной эффективности могут быть сильнее. Еще одна важная исследовательская линия заключается в изучении роли сплоченности, нормы продуктивности и других характеристик неформальных подгрупп в эффективности группы в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи проявляют интерес к сплоченности и норме продуктивности как предикторам предметно-деятельностной эффективности малых производственных групп. Вместе с тем они крайне редко изучают или вовсе игнорируют проблему: 1) связи этих характеристик с социально-психологической эффективностью групп; 2) роль этих характеристик в предметно-деятельностной и социально-психологической эффективности неформальных подгрупп, которые возникают в малых группах; 3) интерактивных эффектов сплоченности и нормы продуктивности относительно двух видов эффективности производственных групп и неформальных подгрупп. В данном исследовании была предпринята попытка восполнить пробелы, имеющиеся в данной проблемной области, на примере производственных групп с доминирующей совместно-индивидуальной ФОСД. Однако необходимы дальнейшие исследования, в которых бы учитывались некоторые факторы (иные формы организации совместной деятельности, контекстуальные переменные, инструменты и способы оценки

и др.), затрагивающие связи между рассмотренными переменными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во МГУ, 1979.
2. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Групповая сплоченность как ценностно-ориентационное единство // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 43–64.
3. Сидоренков А.В., Шипитко О.Ю. Внутригрупповые противоречия, конфликты и эффективность групп в организации: монография. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2017.
4. Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 54–71.
5. Beal D.J., Cohen R.R., Burke M.J., McLendon C.L. Cohesion and performance in groups: A meta-analytic clarification of construct relations // Journal of Applied Psychology. 2003. V. 88. P. 989–1004.
6. Berkowitz L. Group standards, cohesiveness, and productivity // Human Relations. 1954. V. 7. P. 509–519.
7. Carron A.V., Colman M.M., Wheeler J., Stevens D. Cohesion and performance in sport: A meta-analysis // Journal of Sport & Exercise Psychology. 2002. V. 24. P. 168–188.
8. Carron A.V., Prapavessis H., Estabrooks P. Team norm questionnaire. Unpublished manuscript, University of Western Ontario. London, Ontario, Canada, 1999.
9. Chatman J.A., Flynn F.J. The influence of demographic heterogeneity on the emergence and consequences of cooperative norms in work teams // Academy of Management Journal. 2001. V. 44. P. 956–974.
10. Chaudhary M., Chopra S., Kaur J. Cohesion as a cardinal antecedent in virtual team performance: A meta-analysis // Team Performance Management. 2022. V. 28. № 5/6. P. 398–414.
11. Chiocchio F., Essiembre H. Cohesion and performance: A meta-analytic review of disparities between project teams, production teams, and service teams // Small Group Research. 2009. V. 40. № 4. P. 382–420.
12. Courtright S.H., Thurgood G.R., Stewart G.L., Pierotti A.J. Structural interdependence in teams: An integrative framework and meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 2015. V. 100. № 6. P. 1825–1846.
13. Duffy M.K., Shaw J.D. The Salieri syndrome: Consequences of envy in groups // Small group research. 2000. V. 31. № 1. P. 3–23.
14. Durmusoglu S.S., Calantone R.J. New product development team performance: A historical meta-analytic review of its nomological network // Journal of Business and Industrial Marketing. 2022.
15. Dyce J.A., Cornell J. Factorial validity of the Group Environment Questionnaire among musicians // Journal of Social Psychology. 1996. V. 136. P. 263–264.
16. Evans C.R., Dion K.L. Group cohesion and performance: A meta-analysis // Small Group Research. 1991. V. 22. P. 175–186.
17. Festinger L. Informal social communication // Psychological Review. 1950. V. 57. P. 271–282.
18. Gammage K.L., Carron A.V., Estabrooks P.A. Team cohesion and individual productivity: The influence of the norm for productivity and the identifiability of individual effort // Small Group Research. 2001. V. 32. № 1. P. 3–18.
19. Gully S.M., Devine D.J., Whitney D.J. A meta-analysis of cohesion and performance: Effects of level of analysis and task interdependence // Small Group Research. 1995. V. 26. № 4. P. 497–525.
20. Hayes A.F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. 4th ed. Guilford Press, 2018.
21. Hogg M.A. The social psychology of group cohesiveness: From attraction to social identity. N.Y.: New York University Press, 1992.
22. Kim M. Performance norms and performance by teams in basketball competition // Perceptual and Motor Skills. 1995. V. 80. P. 770–781.
23. Lee H., Choi H.-S. Independent self-concept promotes group creativity in a collectivistic cultural context only when the group norm supports collectivism // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. 2022. V. 26. № 1. P. 71–84.
24. Lott A.J., Lott B.D. Group cohesiveness as interpersonal attraction: A review of relationships with antecedent and consequent variables // Psychological Bulletin. 1965. V. 64. P. 259–309.
25. Mullen B., Copper C. The relation between group cohesiveness and performance: An integration // Psychological bulletin. 1994. V. 115. № 2. P. 210–227.
26. Ogunfowora B. et al. The impact of team moral disengagement composition on team performance: The roles of team cooperation, team interpersonal deviance, and collective extraversion // Journal of Business and Psychology. 2021. V. 36. № 3. P. 479–494.
27. Oliver L.W. et al. A quantitative integration of the military cohesion literature // Military Psychology. 1999. V. 11. P. 57–83.
28. Onađa Z., Tepecib M. Team effectiveness in sport teams: The effects of team cohesion, intra team communication and team norms on team member satisfaction and intent to remain // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. V. 150. P. 420–428.

29. *Patterson M.M., Carron A.V., Loughead T.M.* The influence of team norms on the cohesion-self-reported performance relationship: A multi-level analysis // *Psychology of Sport and Exercise*. 2005. V. 6. P. 479–493.
30. *Prapavessis H., Carron A.V.* Cohesion and work output // *Small Group Research*. 1997. V. 28. № 2. P. 294–301.
31. *Saji B.S.* Workforce diversity, temporal dimensions and team performance // *Cross Cultural Management: An International Journal*. 2004. V. 11. № 4. P. 40–59.
32. *Schachter S., Ellertson N., McBride D., Gregory D.* An experimental study of cohesiveness and productivity // *Human Relations*. 1951. V. 4. P. 229–238.
33. *Shanley M., Langfred C.W.* The importance of organizational context: An empirical test of work group cohesiveness and effectiveness in two government bureaucracies // *Public Administration Quarterly*. 1998. V. 21. № 4. P. 465–485.
34. *Sidorenkov A.V., Pavlenko R.V.* GROUP PROFILE computer technique: A tool for complex study of small groups // *SAGE Open*. 2015. V. 5. № 1. P. 1–13.
35. *Steiner I.D.* Group process and productivity. N.Y.: Academic Press, 1972.
36. *Stogdill R.M.* Group productivity, drive, and cohesiveness // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1972. V. 8. P. 26–43.
37. *Summers I., Coffelt T., Horton R.E.* Work-group cohesion // *Psychological Reports*. 1988. V. 63. P. 627–636.
38. *Widmeyer W.N., Brawley L.R., Carron A.V.* Measurement of cohesion in sport teams: The Group Environment Questionnaire. London, Canada: Spodym Publishers, 1985.
39. *Yoo S., Lee J., Lee Y.* Entrepreneurial team conflict and cohesion: Meta-structural equation modeling // *Entrepreneurship Research Journal*. 2021.

COHESION, PRODUCTIVITY NORMS AND EFFECTIVENESS OF SMALL WORD GROUPS AND INFORMAL SUBGROUPS²

A. V. Sidorenkov^{1,*}, E. F. Borokhovskiy^{2,**}

¹*Southern Federal University;*

344006, Rostov-on-Don, Sadovaya str., 105/42, Russia.

²*University of Concordia;*

H3G 1M8, Montreal (Quebec City), Boulevard de Maisonneuve, 1455, Canada.

^{*}*ScD (Psychology), Professor, Professor of the Department of Management Psychology and Legal Psychology.
E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru*

^{**}*PhD, Professor, Department of Education, Project Manager of Systematic Reviews at the Research Centre
for Learning and Cognitive Performance (CSLP).
E-mail: eborokhovski@education.concordia.ca*

Received: 02.12.2022

Abstract. The relationship of cohesion and productivity norms (including their combination with each other) to perceived performance effectiveness (fulfillment of the plan and current tasks, success of activity in difficult conditions) and social effectiveness (group/subgroup satisfaction, psychological comfort in the group/subgroup) of small work groups and informal subgroups has been studied. The study was conducted among 39 production groups ($N = 349$ employees) in different occupational areas, most of which were dominated by joint-individual forms of organization. All of the surveyed groups were found to have stable informal subgroups, the number of which varied from one to three. Cohesion within groups and subgroups was positively and significantly more strongly related to social effectiveness than to performance effectiveness. This relationship is stronger in groups compared to subgroups. The subgroups' norm of productivity has a significant positive correlation with their fulfillment of the plan and current tasks. No significant correlation was found between the groups' productivity norm and any indicator of their performance effectiveness. The norm of productivity and cohesion creates a positive interactive effect regarding the success of the groups in difficult conditions and the subgroups' fulfillment of plan and current tasks. The findings extend the understanding of the direct and mediated links between cohesion and productivity norms and the two types of effectiveness of small work groups and the informal subgroups formed in them.

² The research was supported financially by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00099 “The Role of Informal Subgroups in the Effectiveness of Production Groups and Teams”.

Keywords: small group, informal subgroup, cohesion, productivity norm, performance effectiveness, social effectiveness.

REFERENCES

1. *Doncov A.I.* Problemy gruppovoj splochnosti. Moscow: Izd-vo MGU, 1979. (In Russian)
2. *Petrovskij A.V., Shpalinskij V.V.* Gruppovaja splochnost' kak cennostno-orientacionnoe edinstvo. Psihologicheskaja teorija kollektiva. Ed. A.V. Petrovskogo. Moscow: Pedagogika, 1979. P. 43–64. (In Russian)
3. *Sidorenkov A.V., Shipit'ko O.Ju.* Vnutrigruppovy protivorechija, konflikty i jeffektivnost' grupp v organizacii: monografija. Rostov-na-Donu: Mini Tajp, 2017. (In Russian)
4. *Umanskij L.I.* Metody jeksperimental'nogo issledovanija social'no-psihologicheskikh fenomenov. Metodologija i metody social'noj psihologii. Moscow: Nauka, 1977. P. 54–71. (In Russian)
5. *Beal D.J., Cohen R.R., Burke M.J., McLendon C.L.* Cohesion and performance in groups: A meta-analytic clarification of construct relations. *Journal of Applied Psychology*. 2003. V. 88. P. 989–1004.
6. *Berkowitz L.* Group standards, cohesiveness, and productivity. *Human Relations*. 1954. V. 7. P. 509–519.
7. *Carron A.V., Colman M.M., Wheeler J., Stevens D.* Cohesion and performance in sport: A meta-analysis. *Journal of Sport & Exercise Psychology*. 2002. V. 24. P. 168–188.
8. *Carron A.V., Prapavessis H., Estabrooks P.* Team norm questionnaire. Unpublished manuscript, University of Western Ontario. London, Ontario, Canada, 1999.
9. *Chatman J.A., Flynn F.J.* The influence of demographic heterogeneity on the emergence and consequences of cooperative norms in work teams. *Academy of Management Journal*. 2001. V. 44. P. 956–974.
10. *Chaudhary M., Chopra S., Kaur J.* Cohesion as a cardinal antecedent in virtual team performance: A meta-analysis. *Team Performance Management*. 2022. V. 28. № 5/6. P. 398–414.
11. *Chiocchio F., Essiembre H.* Cohesion and performance: A meta-analytic review of disparities between project teams, production teams, and service teams. *Small Group Research*. 2009. V. 40. № 4. P. 382–420.
12. *Courtright S.H., Thurgood G.R., Stewart G.L., Pierotti A.J.* Structural interdependence in teams: An integrative framework and meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*. 2015. V. 100. № 6. P. 1825–1846.
13. *Duffy M.K., Shaw J.D.* The Salieri syndrome: Consequences of envy in groups. *Small group research*. 2000. V. 31. № 1. P. 3–23.
14. *Durmusoglu S.S., Calantone R.J.* New product development team performance: A historical meta-analytic review of its nomological network. *Journal of Business and Industrial Marketing*. 2022.
15. *Dyce J.A., Cornell J.* Factorial validity of the Group Environment Questionnaire among musicians. *Journal of Social Psychology*. 1996. V. 136. P. 263–264.
16. *Evans C.R., Dion K.L.* Group cohesion and performance: A meta-analysis. *Small Group Research*. 1991. V. 22. P. 175–186.
17. *Festinger L.* Informal social communication. *Psychological Review*. 1950. V. 57. P. 271–282.
18. *Gammage K.L., Carron A.V., Estabrooks P.A.* Team cohesion and individual productivity: The influence of the norm for productivity and the identifiability of individual effort. *Small Group Research*. 2001. V. 32. № 1. P. 3–18.
19. *Gully S.M., Devine D.J., Whitney D.J.* A meta-analysis of cohesion and performance: Effects of level of analysis and task interdependence. *Small Group Research*. 1995. V. 26. № 4. P. 497–525.
20. *Hayes A.F.* Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. 4th ed. Guilford Press, 2018.
21. *Hogg M.A.* The social psychology of group cohesiveness: From attraction to social identity. N.Y.: New York University Press, 1992.
22. *Kim M.* Performance norms and performance by teams in basketball competition. *Perceptual and Motor Skills*. 1995. V. 80. P. 770–781.
23. *Lee H., Choi H.-S.* Independent self-concept promotes group creativity in a collectivistic cultural context only when the group norm supports collectivism. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2022. V. 26. № 1. P. 71–84.
24. *Lott A.J., Lott B.D.* Group cohesiveness as interpersonal attraction: A review of relationships with antecedent and consequent variables. *Psychological Bulletin*. 1965. V. 64. P. 259–309.
25. *Mullen B., Copper C.* The relation between group cohesiveness and performance: An integration. *Psychological bulletin*. 1994. V. 115. № 2. P. 210–227.
26. *Ogunfowora B. et al.* The impact of team moral disengagement composition on team performance: The roles of team cooperation, team interpersonal deviance, and collective extraversion. *Journal of Business and Psychology*. 2021. V. 36. № 3. P. 479–494.
27. *Oliver L.W. et al.* A quantitative integration of the military cohesion literature. *Military Psychology*. 1999. V. 11. P. 57–83.
28. *Onađa Z., Tepecib M.* Team effectiveness in sport teams: The effects of team cohesion, intra team communication and team norms on team member satisfaction and intent to remain. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. V. 150. P. 420–428.

29. *Patterson M.M., Carron A.V., Loughhead T.M.* The influence of team norms on the cohesion-self-reported performance relationship: A multi-level analysis. *Psychology of Sport and Exercise*. 2005. V. 6. P. 479–493.
30. *Prapavessis H., Carron A.V.* Cohesion and work output. *Small Group Research*. 1997. V. 28. № 2. P. 294–301.
31. *Saji B.S.* Workforce diversity, temporal dimensions and team performance. *Cross Cultural Management: An International Journal*. 2004. V. 11. № 4. P. 40–59.
32. *Schachter S., Ellertson N., McBride D., Gregory D.* An experimental study of cohesiveness and productivity. *Human Relations*. 1951. V. 4. P. 229–238.
33. *Shanley M., Langfred C.W.* The importance of organizational context: An empirical test of work group cohesiveness and effectiveness in two government bureaucracies. *Public Administration Quarterly*. 1998. V. 21. № 4. P. 465–485.
34. *Sidorenkov A.V., Pavlenko R.V.* GROUP PROFILE computer technique: A tool for complex study of small groups. *SAGE Open*. 2015. V. 5. № 1. P. 1–13.
35. *Steiner I.D.* Group process and productivity. N.Y.: Academic Press, 1972.
36. *Stogdill R.M.* Group productivity, drive, and cohesiveness. *Organizational Behavior and Human Performance*. 1972. V. 8. P. 26–43.
37. *Summers I., Coffelt T., Horton R.E.* Work-group cohesion. *Psychological Reports*. 1988. V. 63. P. 627–636.
38. *Widmeyer W.N., Brawley L.R., Carron A.V.* Measurement of cohesion in sport teams: The Group Environment Questionnaire. London, Canada: Spodym Publishers, 1985.
39. *Yoo S., Lee J., Lee Y.* Entrepreneurial team conflict and cohesion: Meta-structural equation modeling. *Entrepreneurship Research Journal*. 2021.

УДК 159.972

ОСОБЕННОСТИ ТЕМПЕРАМЕНТА И ХАРАКТЕРА В СЕМЬЯХ С РЕКУРРЕНТНЫМ ДЕПРЕССИВНЫМ И БИПОЛЯРНЫМ АФФЕКТИВНЫМ РАССТРОЙСТВАМИ

© 2023 г. Е. Д. Касьянов^{1,*}, А. О. Кибитов^{1,2,**}, Г. Э. Мазо^{1,***}

¹ФГБУ “Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева” Минздрава России;
192019, г. Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, д. 3, Россия.

²ФГБУ “Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского” Минздрава России;
119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23, Россия.

*Младший научный сотрудник отделения трансляционной психиатрии.
E-mail: ohkasyan@yandex.ru

**Доктор медицинских наук, руководитель лаборатории молекулярной генетики, ведущий научный сотрудник отделения трансляционной психиатрии.

E-mail: druggen@mail.ru

***Доктор медицинских наук, заместитель директора по инновационному научному развитию, руководитель отделения трансляционной психиатрии.

E-mail: galina-mazo@yandex.ru

Поступила 25.05.2022

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей темперамента и характера в семьях с расстройствами настроения (рекуррентным депрессивным расстройством (РДР) и биполярным аффективным расстройством (БАР)). Многие черты темперамента и характера имеют тенденцию агрегироваться в семьях и влиять на риск развития РДР и БАР. Вместе с тем в российской популяции ранее не проводилось исследований с оценкой черт темперамента и характера в зависимости от присутствия расстройств настроения в семьях. Гипотеза исследования: пациенты с расстройствами настроения и их кровные родственники имеют специфические особенности темперамента и характера. Было исследовано 36 пробандов с РДР и БАР и 68 их кровных родственников, а также 23 пробанда без расстройств настроения и 53 их кровных родственника. Использовался Опросник Клонингера для оценки черт характера и темперамента (TCI-125). Результаты исследования показали, что пробанды с расстройствами настроения в сравнении с кровными родственниками имели значимо более высокие баллы по таким измерениям TCI-125, как поиск новизны, избегание опасности, зависимость от поощрения. Однако основной вклад в выявленные различия вносили именно родственники без расстройств настроения. При сравнении со здоровыми пробандами пробанды с расстройствами настроения имели более высокий балл только по измерению избегания опасности. Кроме того, при сравнении здоровых родственников пробандов с расстройствами настроения и здоровых родственников пробандов без расстройств настроения было выявлено, что более высокий балл по измерению поиска новизны был ассоциирован с отсутствием родственников с расстройствами настроения. Сделан вывод о наличии специфических черт темперамента в семьях с расстройствами настроения, которые могут рассматриваться в качестве кандидатов в эндофенотипы РДР и БАР.

Ключевые слова: темперамент, характер, депрессия, биполярное расстройство, семейное исследование.

DOI: 10.31857/S020595920024906-2

Важное значение в реагировании человека на триггеры внешней среды, а также в развитии расстройств настроения играет личность человека, в особенности ее главная эмоциональная составляющая — темперамент [2]. Темперамент определяется как наследственное, биологически обусловленное

ядро личности, которое остается стабильным на протяжении всей жизни и определяет базовый уровень реактивности, настроения и энергетического потенциала человека [3; 17]. При этом некоторые черты темперамента, предрасполагающие к развитию расстройств настроения, агрегируются

в семьях пациентов с рекуррентным депрессивным расстройством (РДР) или биполярным аффективным расстройством (БАР) [8].

Одной из центральных моделей личности является психобиологическая модель Клонингера, на основе которой был разработан Опросник для оценки темперамента и характера (ТСИ-125) [4]. В данной модели *темперамент* описывает наследственную предрасположенность к основным типам реакций на стимулы и, как считается, опосредуется функционированием моноаминовых нейромедиаторов в головном мозге, в то время как *характер* отражает когнитивные процессы и Я-концепцию, которые развиваются в течение жизни [16].

Согласно Клонингеру [5], базисная трактовка дименсий темперамента имеет следующий вид: более высокий балл по дименсии (1) поиска новизны выявляет более выраженную тенденцию к активной реакции на новый стимул в целях получения вознаграждения или избегания фрустрации; дименсия (2) избегания опасности концептуализируется как склонность к торможению реакции на негативный стимул, приводящая к тревожным переживаниям, чувству неопределенности и социофобическим явлениям; дименсия (3) зависимости от поощрения определяет выраженность положительного подкрепления и просоциального поведения; дименсия (4) упорство описывает способность поддерживать поведение, несмотря только на периодическое подкрепление. Характер, с другой стороны, определяется в терминах индивидуальных различий в самооценках, которые развиваются на протяжении всей жизни в ответ на социально-культурные влияния. Характер включает в себя три дименсии: 1) самостоятельность, которая представляет собой способность регулировать и адаптировать поведение к требованиям ситуации для достижения лично выбранных целей; 2) кооперативность, выражающую степень, в которой человек в целом полезен и приятен в отношениях с другими людьми, и 3) самотрансцендентность, которая связана со способностью вспоминать прошлое и представлять будущее в своем жизненном пути, а также испытывать единство с природой и развивать духовные ценности.

Важно отметить, что ТСИ обладает хорошей надежностью, внутренней согласованностью и стабильностью с течением времени [5; 12; 14], а также доказательствами наследуемости в общей популяции [12–14]. Так, оценки наследуемости для дименсий ТСИ варьируются от 30 до 60% в общей популяции. Тем не менее в немногих исследованиях непосредственно оценивалась их наследуемость в семьях с расстройствами настроения. В исследовании Савитц с коллегами наследуемость дименсии избегания опасности

составила 57%, зависимости от поощрения — 40%, упорства — 26% и самостоятельности — 30% [15]. При этом дименсии поиска новизны, кооперативности и самотрансцендентности в данном исследовании не были признаны наследуемыми. В более позднем исследовании Гринвуд с коллегами все дименсии, за исключением избегания опасности и зависимости от поощрения, были признаны наследуемыми, причем самым высоким уровнем наследуемости обладала дименсия характера — самостоятельность (37%) [10]. Авторы объясняют данные различия как с точки зрения размера и состава выборки (пациенты с БАР), так и отличающимися методами анализа.

Тем не менее наибольшее количество литературы посвящено изучению клинической значимости черт темперамента и характера у лиц с расстройствами настроения. Согласно последнему метаанализу, высокий уровень избегания опасности и низкий уровень самостоятельности наиболее часто воспроизводились у пробандов с расстройствами настроения (пробанд — лицо, с которого начинается составление родословной при генеалогическом анализе), а также у их непораженных сиблингов, что соответствует данным генетической эпидемиологии [17]. При этом пробанды с БАР характеризовались более высокими показателями по дименсиям поиска новизны и самотрансцендентности, чем здоровые добровольцы, непораженные сиблинги и пробанды с РДР [17]. Имеются также данные, что дименсии темперамента и характера связаны с определенными клиническими характеристиками, такими как ответ на терапию, рекуррентность, суицидное поведение и неблагоприятный детский опыт [4; 6; 15; 17]. Вместе с тем в российской популяции ранее не проводилось семейных исследований расстройств настроения с оценкой различий черт темперамента и характера в зависимости от присутствия расстройств настроения в семьях.

Гипотеза исследования. Пациенты с расстройствами настроения и их кровные родственники имеют специфические особенности темперамента и характера.

Цель исследования — проанализировать характеристики черт темперамента и характера у пациентов с РДР и БАР, их кровных родственников и у семей без расстройств настроения.

МЕТОДИКА

Данное семейное кросс-секционное исследование выявляемости аффективных расстройств у кровных родственников пробандов с ДЭ/РДР или БАР

и пробандов без каких-либо психических расстройств одобрено Независимым этическим комитетом при НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева (протокол № 7, № ЭК-2013). Сбор материала для исследования производился на базе отделения трансляционной психиатрии НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева.

Участниками исследования являлись лица европейского происхождения, подписавшие информированное согласие на участие в исследовании и отвечающие следующим *критериям включения*:

1. Пациенты (пробанды) старше 18 лет, состояние которых отвечало диагностическим критериям МКБ-10 для депрессивного эпизода (ДЭ) или РДР (F32 или F33), а также БАР (F31). В исследование включались пациенты с коморбидными расстройствами тревожного спектра и расстройствами пищевого поведения.

1.1. Кровные родственники пробандов с ДЭ/РДР или БАР первой и второй степеней родства в возрасте старше 18 лет (необходимо обоюдное подтверждение кровного родства пациентом и родственником первой или второй степеней родства).

2. Пробанды старше 18 лет без ДЭ/РДР или БАР, а также других установленных в процессе осмотра психических расстройств.

2.1. Кровные родственники пробандов без ДЭ/РДР или БАР первой и второй степеней родства в возрасте старше 18 лет (необходимо обоюдное подтверждение кровного родства пациентом и родственником первой или второй степеней родства).

Критериями *невключения* для всех участников исследования являлись: сопутствующий психический диагноз, соответствующий критериям МКБ-10 в рубриках психических органических расстройств (F00-09), расстройств шизофренического спектра (F20-29), а также личностных расстройств (F60-99); эпизоды судорог в анамнезе, за исключением случаев единичных простых фебрильных судорог в возрасте от 6 месяцев до 5 лет; наличие в анамнезе тяжелой травмы головного мозга, острого нарушения кровообращения или инфекционного заболевания нервной системы с устойчивым неврологическим дефицитом, а также тяжелые соматические заболевания в стадии декомпенсации.

Критериями исключения для всех участников исследования являлись: желание прекратить участие в нем; неспособность продолжать участие из-за агрессивного поведения, а также угрозы для собственной жизни или жизни других людей.

Каждый из участников проходил комплексное обследование по специально разработанной карте

исследования, которая включала стандартные социодемографические и антропометрические данные, сведения об отягощенном семейном анамнезе психическими расстройствами и соматическими заболеваниями, а также различные клинические характеристики аффективных расстройств. На этапе включения в исследование все участники (пациенты и их кровные родственники) проходили диагностическое психиатрическое интервью на основе критериев МКБ-10. Семейный анамнез изучался со слов каждого участника по родственникам первой и второй линий родства, но окончательная верификация основывалась только на проведении диагностического интервью с доступными родственниками. В ходе исследования использовалась русскоязычная версия Опросника Клонингера для оценки черт характера и темперамента (Temperament Character Inventory, TCI-125) в адаптации А.Г. Ефремова и С.Н. Ениколопова [1; 5].

Статистический анализ и визуализация данных проводились на языке программирования R (версия 4.0.2) в RStudio v1.4.1717. В качестве мер центральной тенденции использовались медиана и межквартильный размах — Md (IQR). Категориальные переменные описывались процентными долями с приведением абсолютных чисел — $\%(n)$. Распределение количественных переменных определялось согласно критерию Колмогорова–Смирнова. Межгрупповые сравнения были проведены при помощи непараметрических критериев. Для анализа количественных переменных использовался тест Краскела–Уоллиса и пост-хок-критерий Манна–Уитни для попарных сравнений. Для анализа категориальных переменных использовался критерий χ^2 Пирсона. Для определения факторов риска применялась бинарная логистическая регрессия с различными зависимыми и независимыми переменными. В качестве критического уровня значимости (p), при котором отвергалась нулевая гипотеза, было выбрано значение 0.05. Значение $0.05 < p < 0.09$ принималось в качестве тенденции к значимости.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С целью сравнения частоты выявления расстройств настроения среди родственников пробандов с РДР и БАР (исследовательская группа — 36 семей) и родственников пробандов без каких-либо психических расстройств (группа сравнения — 23 семьи) были сформированы две основные группы (табл. 1). Все участники исследования, включая кровных родственников, после получения информированного согласия были осмотрены

Таблица 1. Описание групп семейного исследования

Исследовательская группа ($n = 104$)		Группа сравнения ($n = 76$)	
Пробанды с расстройствами настроения, $n = 36$ (%)	Родственники пробандов с расстройствами настроения, $n = 68$ (%)	Пробанды без расстройств настроения, $n = 23$ (%)	Родственники пробандов без расстройств настроения, $n = 53$ (%)
Из них: — с РДР $n = 16$ (44.4%) — с БАР $n = 20$ (55.6%)	Из них: — здоровых $n = 33$ (48.5%) — с РДР $n = 14$ (20.6%) — с БАР $n = 21$ (30.9%)	Из них: — здоровых $n = 23$ (100%)	Из них: — здоровых $n = 49$ (89.8%) — с РДР $n = 4$ (8.2%) — с БАР $n = 1$ (2%)

психиатром по единой схеме, диагнозы были верифицированы на основании MINI.

Характеристика семейных случаев. В исследовательскую группу было включено 36 семей с пробандами с диагнозами РДР 44.4% ($n = 16$) и БАР 55.6% ($n = 20$), а также их родственники как первой степени родства 75% ($n = 51$), так и второй — 25% ($n = 17$). В группу сравнения было включено 23 семьи со здоровыми пробандами (см. табл. 1). Все родственники пробандов без расстройств настроения были первой степени родства ($n = 53$).

Только у пяти пробандов с БАР не былоотягощенного семейного анамнеза, в остальных случаях были выявлены родственники с каким-либо расстройством настроения. Доля пробандов с РДР без отягощенного семейного анамнеза составила 31.25% ($n = 5$), во всех остальных случаях у пробандов с РДР также были выявлены родственники с каким-либо расстройством настроения. Только у 12.5% ($n = 2$) пробандов с РДР выявлялись родственники с подтвержденным диагнозом БАР, и только в 15% ($n = 3$) семей пробандов с БАР выявлялись родственники с РДР. В контрольной группе в 21.7% семей ($n = 5$) наблюдались родственники с расстройствами настроения у пробандов без каких-либо психических расстройств.

Как видно из табл. 2, пробанды исследовательской группы и группы сравнения не различались

по полу, возрасту и длительности образования ($p > 0.05$). Родственники пробандов с расстройствами настроения были значимо младше родственников пробандов без расстройств настроения ($p = 0.02$), но не различались по полу и длительности образования ($p > 0.05$).

Оценка темперамента и характера в семейных случаях. Как видно из рисунка, пробанды с расстройствами настроения в сравнении с кровными родственниками имели статистически значимо более высокие баллы TCI-125 по таким измерениям, как поиск новизны ($p = 0.004$), избегание опасности ($p = 0.01$), зависимость от поощрения ($p = 0.02$), а также самотрансцендентность на уровне тенденции к значимости ($p = 0.08$).

Однако при стратификации родственников в зависимости от наличия или отсутствия расстройств настроения не было выявлено статистически значимых различий по показателям TCI-125 у пробандов и родственников с расстройствами настроения ($p > 0.05$) (табл. 3). При этом в сравнении с родственниками без расстройств настроения у пробандов выявлялись те же различия, что и со всеми родственниками до стратификации по наличию РДР или БАР. В связи с чем можно сделать заключение о том, что основной вклад в выявленные различия между пробандами и родственниками вносили именно родственники без расстройств настроения.

Таблица 2. Характеристика пробандов и их кровных родственников, в том числе при стратификации последних по наличию расстройств настроения

	Исследовательская группа ($n = 104$)		Группа сравнения ($n = 76$)		p -value Пробанды	p -value Родственники
	Пробанды ($n = 36$)	Родственники ($n = 68$)	Пробанды ($n = 23$)	Родственники ($n = 56$)		
Пол (жен/муж)	24/12 (66.7%/33.3%)	41/27 (60.3%/39.7%)	13/10 (56.5%/43.5%)	19/24 (54.7%/45.3%)	0.4	0.6
Возраст (лет)	32 (11.2)	46.7 (17.2)	30.5 (6.9)	55 (6.7)	0.9	0.02
Образование (лет)	14.1 (1.7)	11.2 (5.7)	14.9 (2.1)	13.8 (2.9)	0.6	0.3
Рост (см)	171.6 (7.9)	172 (9)	173.4 (11.8)	170 (9.8)	0.7	0.2
Масса тела (кг)	78.1 (9.4)	7.4 (11.5)	72.7 (14.2)	73.8 (11.7)	0.2	0.2
ИМТ (кг/см ²)	26.6 (2.2)	26,1 (3.1)	23.9 (3.7)	25.6 (4.4)	0.001	0.3

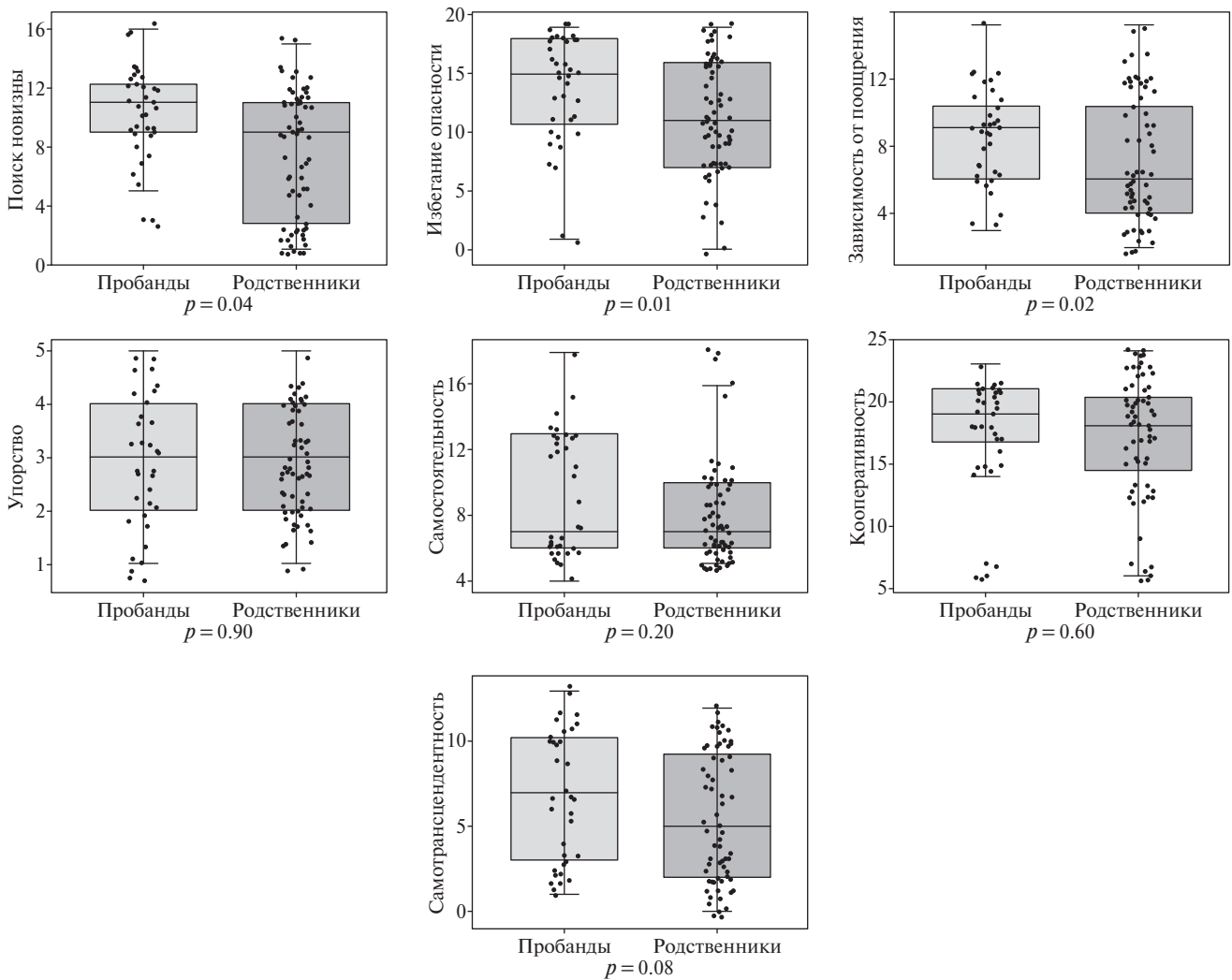

Рис. Различия дименсий темперамента и характера у пробандов в сравнении с кровными родственниками

Таблица 3. Различия дименсий темперамента и характера у пробандов в сравнении с кровными родственниками в зависимости от наличия расстройств настроения

Дименсии TCI-125	Пробанды (n = 36)	Родственники (n = 68)					
		Все	p-value	С РДР и БАР (n = 35)	p-value	Без РДР и БАР (n = 33)	p-value
Поиск новизны	10.2 (3.4)	7.5 (4.4)	0.004	9.7 (3.4)	0.6	5.2 (3.9)	0.001
Избегание опасности	13.6 (4.7)	11.3 (4.9)	0.01	12.2 (4.4)	0.1	10.2 (5.1)	0.003
Зависимость от поощрения	8.6 (2.8)	7 (3.8)	0.02	8.4 (3.8)	0.9	5.7 (3.2)	0.001
Упорство	2.9 (1.3)	2.9 (0.9)	0.9	2.7 (0.9)	0.5	3.1 (0.9)	0.6
Самостоятельность	18 (33.5)	13.9 (6)	0.2	13.5 (5.6)	0.6	14.4 (6.5)	0.1
Кооперативность	17.7 (4.1)	17.2 (4.9)	0.6	18 (3.5)	0.8	16.4 (6)	0.5
Самотрансценденность	6.9 (3.9)	5.5 (3.9)	0.08	6.5 (3.8)	0.6	4.3 (3.8)	0.009

На следующем этапе анализа сравнивались пробанды и родственники исследовательской группы и группы сравнения. Как видно из табл. 4, пробанды с расстройствами настроения имели значимо более высокий балл по дименсии избегания опасности ($p = 0.002$) в сравнении с пробандами без расстройств настроения. Вместе с тем родственники

пробандов с РДР и БАР не имели статистически значимых различий с родственниками здоровых пробандов ($p > 0.05$); отмечалась лишь тенденция к значимости к более низкому баллу по дименсии зависимости от поощрения ($p = 0.07$).

Особый интерес представляло сравнение здоровых родственников пробандов с расстройствами

Таблица 4. Различия дименсий темперамента и характера у пробандов и кровных родственников исследовательской и контрольной групп

Характеристика	Исследовательская группа (<i>n</i> = 104)		Группа сравнения (<i>n</i> = 76)*			
	Пробанды (<i>n</i> = 36)	Родственники (<i>n</i> = 68)	Пробанды (<i>n</i> = 23)	<i>p</i> -value пробанды	Родственники (<i>n</i> = 56)	<i>p</i> -value родственники
Поиск новизны	10.2 (3.4)	7.5 (4.4)	10.3 (2.9)	0.9	8.9 (3.7)	0.1
Избегание опасности	13.6 (4.7)	11.3 (4.9)	9.7 (4.9)	0.002	12.2 (4.9)	0.5
Зависимость от поощрения	8.6 (2.8)	7 (3.8)	7.2 (2.9)	0.2	8 (2.6)	0.07
Упорство	2.9 (1.3)	2.9 (0.9)	2.57 (13.8)	0.5	2.6 (1.6)	0.5
Самостоятельность	18 (33.5)	13.9 (6)	13.8 (5)	0.6	14.8 (5.6)	0.7
Кооперативность	17.7 (4.1)	17.2 (4.9)	16.6 (4.4)	0.2	17.7 (3.9)	0.8
Самотрансцендентность	6.9 (3.9)	5.5 (3.9)	6.5 (3.5)	0.7	6.2 (3.2)	0.3

настроения и здоровых родственников пробандов без истории РДР или БАР (табл. 5). Так, здоровые родственники пробандов с расстройствами настроения имели статистически значимо более низкий балл по таким дименсиям, как поиск новизны ($p = 0.001$), избегание опасности ($p = 0.09$), зависимость от поощрения ($p = 0.001$) и самотрансцендентность ($p = 0.003$), в сравнении с родственниками пробандов без аффективных расстройств.

Для регрессионного анализа была построена модель, в которой для параметра наличия или отсутствия родственников с расстройствами настроения в качестве предикторов вводились дименсии TCI-125, а также пол и возраст в качестве ковариат. Было выявлено, что более высокий балл по дименсии поиска новизны был ассоциирован с отсутствием родственников с расстройствами настроения ($p = 0.03$, $\beta = 0.8$, ДИ 95% [0.7–1.1]).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В данном семейном исследовании были выявлены три основных наблюдения. Во-первых, пробанды с расстройствами настроения в сравнении со здоровыми пробандами имели более высокие баллы по дименсии “избегание опасности”. Во-вторых, те же пробанды в сравнении со своими пораженными родственниками не имели значимых

различий, но при сравнении с здоровыми кровными родственниками имели значимо более высокие баллы по таким дименсиям, как поиск новизны, избегание опасности и зависимость от поощрения. В-третьих, при сравнении здоровых родственников пробандов с расстройствами настроения и здоровых родственников пробандов без расстройств настроения было выявлено, что более высокий балл по дименсии поиска новизны был ассоциирован с отсутствием отягощенного семейного анамнеза.

Семейные исследования в целом демонстрируют сходный паттерн с нашими результатами сравнения пробандов с расстройствами настроения и их родственников по таким основным дименсиям темперамента, как избегание опасности, поиск новизны и, реже, зависимость от поощрения [7; 10; 11; 17]. Те же исследования, однако, демонстрируют больше различий между пробандами с расстройствами настроения (в особенности между пациентами с БАР) и здоровым контролем по всем дименсиям характера и, реже, дименсии поиска новизны [Там же]. Вместе с тем более высокие показатели избегания опасности были более характерны для пробандов с расстройствами настроения в сравнении как с родственниками, так и здоровым контролем, что было также показано и в нашем исследовании.

В исследовании Гринвуд с коллегами [10] при сравнении здоровых родственников пробандов с БАР и здорового контроля отмечались значимые

Таблица 5. Различия дименсий темперамента и характера у здоровых родственников пробандов с расстройствами настроения и здоровых родственников пробандов без аффективных расстройств

Характеристика	Здоровые родственники пробандов с РДР и БАР (<i>n</i> = 33)	Здоровые родственники пробандов без РДР и БАР (<i>n</i> = 49)	<i>p</i> -value
Поиск новизны	5.2 (3.9)	8.9 (3.7)	0.001
Избегание опасности	10.2 (5.1)	12.5 (4.7)	0.09
Зависимость от поощрения	5.7 (3.2)	8.2 (2.6)	0.001
Упорство	3.1 (0.9)	2.5 (1.6)	0.1
Самостоятельность	14.4 (6.5)	14.5 (5.6)	0.8
Кооперативность	16.4 (6)	17.7 (4)	0.5
Самотрансцендентность	4.3 (3.8)	6.4 (3.1)	0.003

различия только в дименсии избегания опасности, тогда как в нашем исследовании для данной дименсии имела лишь тенденция к статистической значимости. При этом в исследовании Эванс с коллегами [7] в подобных же подгруппах значимых различий ни для одной из дименсий ТСИ-125 выявлено не было. Однако результаты нашего исследования, касающиеся здоровых родственников пробандов с расстройствами настроения, следует трактовать вне контекста отягощенного семейного анамнеза и косвенных оценок генетического риска. Подобные оценки были бы релевантны только при сравнении сиблингов пробандов с расстройствами настроения и без них. Учитывая тот факт, что в группе здоровых родственников пробандов с расстройствами настроения были как сиблинги ($n = 6$), так и родители, полученные результаты стоит обсуждать больше с психологической точки зрения. Так, более низкий балл по дименсии поиска новизны может, например, способствовать большей ассортативности браков (если говорить только о родителях). То есть эта черта в большей степени может способствовать тому, что здоровые лица заводят длительные отношения с людьми с расстройствами настроения. Дальнейшие исследования с большим размером выборки помогут более точно описать возможные различия между здоровыми родственниками пробандов с и без расстройств настроения.

Примечательно, что дименсии характера, которые отражают в большей степени социально-культурные влияния, значимо не различались среди семей с расстройствами настроения и без них. Кроме того, пробанды и родственники с расстройствами настроения значимо не различались по дименсиям темперамента и характера. Учитывая тот факт, что темперамент в большей степени связан с нейробиологическими процессами, а его определенные характеристики тесно связаны с расстройствами настроения, причем нередко эти же характеристики проявляются у непораженных родственников пробандов, такие дименсии темперамента, как поиск новизны и избегание опасности, могут рассматриваться в качестве эндофенотипов расстройств настроения [15]. Эндофенотипы (промежуточные фенотипы) — это количественные маркеры, нейробиологически связанные с заболеванием и демонстрирующие надежность измерения, стабильность и наследуемость [9]. На наш взгляд, эндофенотипы, основанные на дименсиях темперамента, могут быть более информативными для расстройств настроения, нежели нейрокогнитивные, так как первые в большей степени отражают базовый уровень реактивности, настроения и энергетического потенциала человека [3; 17].

Однако данная гипотеза требует дальнейших независимых исследований.

Ранее было показано, что клиническая и нейробиологическая гетерогенность, наблюдаемая у пациентов с расстройствами настроения, связана с личностными чертами, которые могут служить полезными эндофенотипами в генетических исследованиях [10]. Так, исследование генетического сцепления (genetic linkage study), основанное на семейном дизайне, выявило значительные пики сцепления для поиска новизны (хромосомы 7q21 и 10p15), упорства (хромосомы 6q16, 12p13 и 19p13) и самостоятельности (хромосомы 4q35, 8q24 и 18q12) у пациентов с БАР [10]. Таким образом, подобные результаты предполагают, что личностные характеристики могут быть полезны при анализе генетической архитектуры расстройств настроения.

Важно указать на ряд ограничений настоящей работы. Во-первых, данное исследование не было лонгитюдным, а имело кросс-секционный характер с ретроспективной оценкой течения заболевания, что также могло в некоторой степени снизить качество данных о течении расстройств настроения у пациентов. Во-вторых, в исследование включались пациенты из большого клинического центра (НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева), что, в свою очередь, могло искусственно завысить процент пациентов с отягощенным семейным анамнезом вследствие более тяжелого течения их расстройства настроения и, следовательно, более частого обращения за медицинской помощью. В-третьих, использование строгих критериев включения для пробандов с расстройствами настроения исследовательской группы (наличие хотя бы одного пораженного родителя или обязательно двух родителей, если они были психически здоровыми) могло также завысить процент пациентов с отягощенным семейным анамнезом. В-четвертых, недостаточная статистическая мощность могла привести к ошибке второго рода. В-пятых, мы отдельно не сравнивали пациентов и их родственников в зависимости от наличия диагноза РДР и БАР, что не позволяет однозначно экстраполировать полученные результаты на одну из данных нозологий.

ВЫВОДЫ

Таким образом, пробанды с расстройствами настроения имеют значимые различия в дименсиях темперамента и характера в сравнении как с кровными родственниками, так и с пробандами без расстройств настроения. Низкий балл по дименсии поиска новизны у здоровых родственников

ассоциирован с отягощенным семейным анамнезом по расстройствам настроения. Предложена гипотеза о том, что такие дименсии темперамента, как поиск новизны и избегание опасности, могут рассматриваться в качестве эндофенотипов расстройств настроения. Требуются дальнейшие семейные исследования черт темперамента и характера в зависимости от наличия или отсутствия расстройств настроения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремов А.Г., Ениколопов С.Н. Апробация биосоциальной методики Клонинджера — структура характера и темперамента (ТСИ-125) и методики выраженности шизотипических черт (SPQ-74) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2002. № 1. С. 92–93.
2. Разумникова О.М. Опросник Р. Клонингер для определения темперамента и характера // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 150–152.
3. Azorin J.M. et al. Les endophénotypes tempéramentaux [Temperamental endophenotypes] // Encephale. 2012. V. 38. № 3. P. 70–74. (In French)
4. Balestri M. et al. Temperament and character influence on depression treatment outcome // Journal of Affective Disorders. 2019. V. 252. P. 464–474.
5. Cloninger C.R. A psychobiological model of temperament and character // Archives of General Psychiatry. 1993. V. 50. № 12. P. 975–990.
6. Csorba J. et al. Novelty seeking: difference between suicidal and non-suicidal Hungarian adolescent outpatients suffering from depression // Journal of Affective Disorders. 2010. V. 20. № 1–3. P. 217–220.
7. Evans L. et al. Familiality of temperament in bipolar disorder: support for a genetic spectrum // Journal of Affective Disorders. 2005. V. 85. № 1–2. P. 153–168.
8. Fountoulakis K.N. et al. The Role of Temperament in the Etiopathogenesis of Bipolar Spectrum Illness // Harvard Review Psychiatry. 2016. V. 24. № 1. P. 36–52.
9. Gottesman I.I., Gould T.D. The endophenotype concept in psychiatry: etymology and strategic intentions // Am Journ Psychiatry. 2003. V. 160. № 4. P. 636–645.
10. Greenwood T.A. et al. Heritability and linkage analysis of personality in bipolar disorder // Journ Affect Disord. 2013. V. 151. № 2. P. 748–755.
11. Harley J.A. et al. Bipolar Disorder and the TCI: Higher Self-Transcendence in Bipolar Disorder Compared to Major Depression // Depression Research and Treatment. 2011. V. 2011. Art. 529638.
12. Heath A.C., Cloninger C.R., Martin N.G. Testing a model for the genetic structure of personality: a comparison of the personality systems of Cloninger and Eysenck // Journ Pers Soc Psychol. 1994. V. 66. P. 762–775.
13. Heiman N. et al. Investigating age differences in the genetic and environmental structure of the tridimensional personality questionnaire in later adulthood // Behav Genet. 2003. V. 33. P. 171–180.
14. Keller M.C. et al. Widespread evidence for non-additive genetic variation in Cloninger's and Eysenck's personality dimensions using a twin plus sibling design // Behav Genet. 2005. V. 35. P. 707–721.
15. Savitz J., van der Merwe L., Ramesar R. Personality endophenotypes for bipolar affective disorder: a family-based genetic association analysis // Genes Brain Behav. 2008. V. 7. № 8. P. 869–876.
16. Teraishi T. et al. Personality in remitted major depressive disorder with single and recurrent episodes assessed with the Temperament and Character Inventory // Psychiatry Clin Neurosci. 2015. V. 69. № 1. P. 3–11.
17. Zaninotto L. et al. A meta-analysis of temperament and character dimensions in patients with mood disorders: Comparison to healthy controls and unaffected siblings // Journ Affect Disord. 2016. V. 194. P. 84–97.

FEATURES OF TEMPERAMENT AND CHARACTER IN FAMILIES WITH RECURRENT DEPRESSIVE AND BIPOLAR AFFECTIVE DISORDERS

E. D. Kasyanov^{1,*}, A. O. Kibitov^{1,2,**}, G. E. Mazo^{1,***}

¹*Federal State Budgetary Institution "V.M. Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology" of the Ministry of Health of the Russian Federation;
192019, St. Petersburg, Bekhtereva str., 3, Russia.*

²*Federal State Budgetary Institution "V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation;
119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23, Russia.*

**Junior Researcher of the Translational Psychiatry Department.
E-mail: ohkasyan@yandex.ru*

***Doctor of Medical Sciences, Deputy Director for Innovative Scientific Development,
Head of the Translational Psychiatry Department.
E-mail: druggen@mail.ru*

****Doctor of Medical Sciences, Head of the Laboratory of Molecular Genetics,
Leading Researcher of the Department of Translational Psychiatry.
E-mail: galina-mazo@yandex.ru*

Received 25.05.2022

Abstract. The research is devoted to the study of temperament and character characteristics in families with mood disorders (recurrent depressive disorder (RDB) and bipolar affective disorder (BD)). Many temperament and character traits tend to aggregate in families and influence the risk of RDD and BD. At the same time, no studies have been conducted in the Russian population with an assessment of temperament and character traits depending on the presence of mood disorders in families. The hypothesis of the study: patients with mood disorders and their relatives have specific features of temperament and character. 36 probands with RDD and BD and 68 of their relatives were examined, as well as 23 probands without mood disorders and 53 of their relatives. A Cloninger's Temperament and Character Inventory (TCI-125) was used to assess personality traits. The results of the study showed that probands with mood disorders, in comparison with their relatives, had significantly higher scores on such TCI-125 dimensions as novelty seeking, harm avoidance, and reward dependence. However, the main contribution to the identified differences was made by relatives without mood disorders. Probands with mood disorders had a higher score on the dimension of harm avoidance compared to healthy probands. In addition, a higher score on the novelty seeking dimension was associated with the absence of relatives with mood disorders when comparing healthy relatives of probands with mood disorders and healthy relatives of probands without mood disorders. It is concluded that there are specific temperament traits in families with mood disorders that can be considered as candidates for the endophenotypes of RDD and BD.

Keywords: temperament, character, depression, bipolar disorder, family study.

REFERENCES

1. Efremov A.G., Enikolopov S.N. Approbation of the biosocial Cloninger technique — the structure of character and temperament (TCI-125) and the technique of the severity of schizotypal traits (SPQ-74). *Vestn. MSU. Ser. 14. Psychology*. 2002. № 1. P. 92–93. (In Russian)
2. Razumnikova O.M. R. Cloninger's questionnaire for determining temperament and character. *Siberian Psychological Journal*. 2005. № 22. P. 150–152 (In Russian)
3. Azorin J.M. et al. Les endophénotypes tempéramentaux [Temperamental endophenotypes]. *Encephale*. 2012. V. 38. № 3. P. 70–74. (In French)
4. Balestri M. et al. Temperament and character influence on depression treatment outcome. *Journal of Affective Disorders*. 2019. V. 252. P. 464–474.
5. Cloninger C.R. A psychobiological model of temperament and character. *Archives of General Psychiatry*. 1993. V. 50. № 12. P. 975–990.
6. Csorba J. et al. Novelty seeking: difference between suicidal and non-suicidal Hungarian adolescent outpatients suffering from depression. *Journal of Affective Disorders*. 2010. V. 20. № 1–3. P. 217–220.
7. Evans L. et al. Familiarity of temperament in bipolar disorder: support for a genetic spectrum. *Journal of Affective Disorders*. 2005. V. 85. № 1–2. P. 153–168.

8. *Fountoulakis K.N. et al.* The Role of Temperament in the Etiopathogenesis of Bipolar Spectrum Illness. *Harvard Review Psychiatry*. 2016. V. 24. № 1. P. 36–52.
9. *Gottesman I.I., Gould T.D.* The endophenotype concept in psychiatry: etymology and strategic intentions. *Am Journ Psychiatry*. 2003. V. 160. № 4. P. 636–645.
10. *Greenwood T.A. et al.* Heritability and linkage analysis of personality in bipolar disorder. *Journ Affect Disord*. 2013. V. 151. № 2. P. 748–755.
11. *Harley J.A. et al.* Bipolar Disorder and the TCI: Higher Self-Transcendence in Bipolar Disorder Compared to Major Depression. *Depression Research and Treatment*. 2011. V. 2011. Art. 529638.
12. *Heath A.C., Cloninger C.R., Martin N.G.* Testing a model for the genetic structure of personality: a comparison of the personality systems of Cloninger and Eysenck. *Journ Pers Soc Psychol*. 1994. V. 66. P. 762–775.
13. *Heiman N., Stallings M.C., Hofer S.M., Hewitt J.K.* Investigating age differences in the genetic and environmental structure of the tridimensional personality questionnaire in later adulthood. *Behav Genet*. 2003. V. 33. P. 171–180.
14. *Keller M.C., Coventry W.L., Heath A.C., Martin N.G.* Widespread evidence for non-additive genetic variation in Cloninger's and Eysenck's personality dimensions using a twin plus sibling design. *Behav Genet*. 2005. V. 35. P. 707–721.
15. *Savitz J., van der Merwe L., Ramesar R.* Personality endophenotypes for bipolar affective disorder: a family-based genetic association analysis. *Genes Brain Behav*. 2008. V. 7. № 8. P. 869–876.
16. *Teraishi T. et al.* Personality in remitted major depressive disorder with single and recurrent episodes assessed with the Temperament and Character Inventory. *Psychiatry Clin Neurosci*. 2015. V. 69. № 1. P. 3–11.
17. *Zaninotto L. et al.* A meta-analysis of temperament and character dimensions in patients with mood disorders: Comparison to healthy controls and unaffected siblings. *Journ Affect Disord*. 2016. V. 194. P. 84–97.

УДК 159.97

ПОЛОВЫЕ/ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФОБИЙ ЗАБОЛЕВАНИЙ

© 2023 г. И. В. Groшев^{1,2,*}, Ю. А. Давыдова^{1,**}

¹АНО НИИ образования и науки;

123056, г. Москва, ул. Большая Грузинская, д. 32, стр. 3, Россия.

²ФГБНУ “Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии”;

141534, Московская область, Солнечногорский район, д. Лыткино, 777, Россия.

* Доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заместитель

директора по науке НИИ образования и науки. E-mail: aus_tgy@mail.ru

** Кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по связям с общественностью
НИИ образования и науки.

E-mail: UA_Davidova@mail.ru

Поступила 11.05.2022

Аннотация. Исследована связь между заболеванием и формированием его фобической фабулы у мужчин и женщин. Методология работы базировалась на вторичном анализе результатов проведенных и опубликованных исследований по имеющимся объектам (заболеваниям) фобий. На основе метаанализа данных более 70 научных работ получена выборка из 35 620 тыс. человек и выявлено 136 заболеваний, на которые у мужчин и женщин формируются фобические тревожные расстройства, из них в группе мужчин — 44 заболевания, у женщин — 76 заболеваний; 15 болезней одновременно детерминируют появление и формирование стойких фобий в обеих группах. Данный вид фобий встречается во многих случаях у женщин, что обуславливается такими факторами, как соматизация, контекст симптома заболевания, обсессия, компульсия и др. У мужчин, использующих “компенсаторные стратегии”, процент фобий тела меньше. Выделено четыре условные группы заболеваний, одинаково вызывающих страх у мужчин и женщин. На основе когнитивного подхода описан процесс моделирования фобического пространства и показано, что мужчины чаще используют параметр “реальное”, женщины — параметр “воображаемое”. В фобическое пространство женщин включаются замещения в виде различных чувств и эмоций, которые имеют разную степень фобийности. В основе процесса у женщин находится сильная фобическая установка. Показано, что троирование этиологии фобий тела не позволяет однозначно утверждать об их причинной детерминированности. В качестве вывода делается заключение о большей распространенности и преобладании по частоте развития и коморбидности фобий тела в группе женщин. Однако однозначно констатировать, чем обусловлено это гендерное различие, на данный момент не представляется возможным, что актуализирует дальнейшее изучение фобий заболеваний у мужчин и женщин.

Ключевые слова: женщины, заболевания, здоровье, мужчины, поведенческие паттерны, половые/гендерные¹ различия, расстройство, симптоматика, страхи, факторы, фобии.

DOI: 10.31857/S020595920024907-3

Биологические и психосоциальные особенности мужчин и женщин определяют их различия по многим показателям, включая соотношение в распространенности заболеваемости и подверженности ей в разных возрастах, течении болезни, выздоровлении, иммунном, психическом и социальном статусе.

Соотношение полов людей с теми или иными заболеваниями резко отклоняется от пропорции 1:1.

Эти различия могут быть обусловлены биологическими особенностями мужчин и женщин, спецификой репродуктивной функции, психосоциальными факторами. Э. Гринглас показала, что различия мужчин и женщин являются динамической как биологической, так и социально-психологической детерминантой, глубоко и всеобъемлюще влияющей на здоровье [2, с. 137].

В предыдущих наших работах [5] были представлены данные о различиях мужчин и женщин в некоторых видах заболеваний и частоте заболеваемости. Продолжая исследовать данную

¹ В статье синонимично используются понятия “пол” и “гендер”. В научном дискурсе эти понятия различаются: под полом понимаются психофизиологические различия между мужчинами и женщинами, под гендером — социокультурные различия.

проблематику, мы задались вопросом о том, существуют ли фобии тех или иных заболеваний, детерминированные фактором пола? И если да, то какие болезни вызывают наибольший страх у мужчин и женщин, формируя фобическое тревожное расстройство (ФТР)²? Фобии являются, с одной стороны, невротическим нарушением (психическим расстройством), представляющим собой примордиальные и эссенциальные реакции индивидов, фреймирующие их восприятие и определяющие их поведенческий репертуар, а с другой — предиктором рефлексии страха того или иного заболевания. Заболевания могут быть как стимулами фобий, так и реакцией на них. Иными словами, заболевание предопределяет другое заболевание, его глубину, протекание и клинические особенности. В настоящее время данную проблематику актуализировала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 с ее вирулентностью и высокой мерой патогенности, вызывающая вот уже четырехлетний общесоциальный мировой стресс и активизацию различных страхов.

К наиболее маркированным, провоцирующим психосоматическую симптоматику, детерминирующую психическую соматизацию и вызывающим возникновение ФТР у мужчин и женщин, как указывают некоторые зарубежные ученые [22; 24; 33], относятся такие объекты страха, как болезнь(и), боль и врач(и). В связи с этим, а также учитывая вышеизложенное, подтверждается определенная целесообразность изучения фобий заболеваний через призму половых/гендерных различий, что позволяет актуализировать к данной проблеме научный интерес. Исследование носит пилотный характер и представляет собой движение в направлении верификации феномена фобий тела (ФТ) (согласно классификации, предложенной С. Джуан [22]) в пределах ФТР, включающего в себя страх болезни(ей), синдромов, боязнь медицинских процедур и лечения, частей тела, а также несоциального поведения.

Частотность использования слова “фобия” на онтологическом поле современных исследований. Результаты исследования фобической фразеологии, употребляемой в американском обществе, проведенного Н. Афшари с соавторами, демонстрируют

актуальность проблемы. [11]. Выявлена частота употребления фобической фразеологии и стилистических средств, связанных со страхами, в коммуникативных процессах американцев, а также в разных типах текстов. Анализ коммуникативных тем, вербализуемых в течение дня, позволил авторам выявить основные темы американского образа жизни с характерной для него фразеологией, как в личностной, так и в социально-общественной сферах. К ним были отнесены (по частоте использования): здоровье, феминизм, фобии (страхи, фобические состояния), политкорректность, успех в жизни, защита гражданских и личных прав, гендерное равенство и др.³ Исходя из полученных результатов, исследователи пришли к выводу о том, что тематика фобийности — одна из лингвистических и психологических доминант современности, а фобии в широком проявлении являются маркером увеличивающейся соматизации американского общества.

Импактность и “влиятельность” понятия фобий подтверждают многие научные источники (доклады на конференциях и семинарах, научные статьи и т.п.) (более подробно см. [4–6]). Вышеприведенные данные можно конвертировать в заключение о том, что изучение фобий является актуальной научной проблематикой, учитывая значительный интерес к ее исследованию со стороны как мирового, так и российского научного сообщества.

Распространенность фобий среди мужчин и женщин. Исследователи указывают, что на каждый взятый год от 10 до 12% взрослого населения имеют фобии [13; 16]. Более того, показатели растут, так как в прошлом диагностическими критериями для ФТР уточнялось, что людям с подобным диагнозом свойственно замалчивать о своих состояниях. В одном из исследований было показано, что риск возникновения фобии в течение жизни равен 13.3% [26]. Аналогичная частота заболеваний была зарегистрирована и в другом исследовании, хотя срезовая частота⁴ заболевания выше и составляет приблизительно 15% [36]. Сведения прочих, методически трудоемких, описательных эпидемиологических исследований, проведенных в разных странах мира, подтверждают, что около 40–50% населения когда-либо в жизни страдали фобическими расстройствами [17].

² Фобическое тревожное расстройство — это иррациональный страх, имеющий обсессивную природу, постоянно и стойко возникающий, представленный навязчиво и сильно, выражающийся в определенном модусе проявления тревоги в виде боязни одушевленных или неодушевленных (специфических) объектов, отдельных предметов, действий, событий и, в частности, различных заболеваний (называемых стимулами фобий), развивающийся в ответ на определенные как внутренние импульсы, так и внешние ситуации.

³ К сожалению, такого рода исследований в России пока не проводилось. Можно полагать, что результаты были бы интересными не только для лингвистов, социологов, политологов, но и для психологов.

⁴ Срезовая частота — частота заболеваний, зарегистрированная в течение месяца.

Что касается половых/гендерных различий, многочисленные данные подтверждают тот факт, что фобии особенно широко распространены среди женщин, частота заболеваний в год составляет около 21%, для мужчин — 11% [6; 23]. Данные проведенного нами анализа литературы по коморбидности показывают, что в течение жизни ФТР поражают приблизительно 38–42% женщин и более 20% мужчин [3]. При этом среди самых частых психиатрических диагнозов ФТР значится на втором месте у женщин и на четвертом — у мужчин [7]. Сравнительная частота их развития значительно варьирует в зависимости не только от типа фобии, возраста мужчин и женщин, но и от родительского (родственного) фактора. Средний возраст появления ФТР у мужчин и женщин также имеет значительные колебания [33].

Таким образом, среди основных консигнаторов, влияющих на различные концепты фобийности, исследователи помимо всего прочего выделяют гендерный фактор, проявляющийся в половых различиях. При этом необходимо отметить, что фактор пола/гендера не только в фобических установках, но и в реальных поведенческих моделях является одним из основных детерминант, который в исследованиях указывают в основном лишь зарубежные ученые. Российский же дискурс по данной проблематике, как правило, идет по пути анализа причин, особенностей и методов преодоления различных видов фобий, но при этом почти не затрагиваются аспекты о гендерной/половой детерминированности явления фобийности.

Нам не удалось обнаружить работ отечественных исследователей, конкретно посвященных выявлению половых/гендерных различий в реакциях, связанных со страхом, объектом которого являются те или иные существующие заболевания. В связи с этим мы попытались ответить на следующие вопросы. Имеется ли какая-либо зависимость проявления фобий от гендерного фактора и обусловлена ли частота фобийности к тем или иным заболеваниям (или группам заболеваний) этим фактором? Какие фобии заболеваний в значительной степени распространены среди мужчин и в группе женщин? Для каких заболеваний фобии у людей обоих полов заданного возраста развиваются одинаково часто? Происходит ли детерминация фобийности половой дифференцированностью, наследственной гетерогенностью, возрастным фактором и другими составляющими?

Предпринята попытка сравнительного анализа и систематизации некоторых результатов исследований, современных научных данных медицинской, социологической, психиатрической, психо-

логической и другой литературы по профилю заболеваемости ФТР с учетом гендерно-половозрастных различий. Данная проблема до сих пор остается актуальной комплексной задачей изучения человека для клинической, медицинской и социальной психологии как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Однако, несмотря на ее многоаспектность, более подробно рассмотрим влияние лишь одного фактора на частоту ФТР, а именно фактора пола/гендера.

Цель, объект и предмет исследования. Актуальность заключается в том, что, несмотря на широкое использование термина “фобия” в медицинских, психиатрических и психологических науках, нами не было обнаружено российских научных исследований, которые бы описывали гендерные/половые особенности детерминированности фобий заболеваний.

Цель исследования — выявление, анализ и систематизация существующих результатов исследований фобийности, в частности фобий к тем или иным группам заболеваний, относящихся к ФТ, а также детерминант (идентификационных факторов), влияющих на процесс их формирования. К последним относятся гендер/пол, возраст начала проявления фобии, распространенность среди близких родственников и населения в целом, соотношение полов и гендерное преимущество.

Объект исследования — мужчины/юноши/мальчики, женщины/девушки/девочки населения тех стран, в которых проводились замеры.

Предмет исследования — особенности влияния гендера/пола на процесс формирования и проявления фобий к тем или иным (той или иной группе) заболеваниям(й).

МЕТОДИКА

Методология исследования базировалась на вторичном анализе результатов ранее проведенных исследований. При этом выбор фобий определялся лишь одним признаком их принадлежности к группе фобий, детерминирующих выявленный спектр заболеваний. Никакие другие виды фобий (к животным, явлениям природы, продуктам питания, абстрактным понятиям, ситуациям, веществам, иностранцам, действиям, цветам и др.) анализу не подвергались. Работая с базой данных, представленных в научной литературе по фобиям, нам не удалось обнаружить “протянутых” в онтогенезе исследовательских показателей в форме, которая стала бы релевантной по времени проведения исследований, возрастному фактору, образованию

и др. Представленные в работе существующие фобии к 136 заболеваниям, которые выявлены нами и на которые они формируются, на данный момент являются исчерпывающими, так как в проанализированной литературе, включая МКБ-10 и DSM-IV, не было обнаружено еще каких-либо заболеваний, вызывающих фобии. Основанием для объединения данных о конкретной фобии болезни являлся параметр пола/гендера. Именно через призму наличия половых различий в существующих и обнаруженных фобиях анализировался исследовательский материал⁵.

В основе вторичного анализа данных — результаты исследований конкретных объектов (в данном случае заболеваний) фобийности. Работа осуществлялась с массивами исследовательских данных, позволившими получить картину фобийности по имеющимся объектам (заболеваниям) фобий. Все данные ассемблировались вне зависимости от привязки к какому-то конкретному периоду (времени) исследований, так как этот принцип не дал бы возможности интегрировать полученную информацию. Источники информации выбирались не по каким-то определенным принципам, как, впрочем, и периоды исследований, а информация собиралась по всем возможным проведенным исследованиям по каждой фобии в отдельности с дальнейшей ее аппроксимацией в целях представления выявленной информации в определенном формате.

В процессе теоретического анализа зарубежных исследований, во-первых, выбирались статьи лишь тех ученых, которые были посвящены изучению фобий с выделением при этом гендерной/половой их составляющих (хотя картина в итоге получилась немного “смазанной” другими аспектами данной проблематики) и отвечали на вопросы, имеющие значение для целеполагания работы (например, количество респондентов в исследовании, их возраст, соотношение мужчин и женщин в представленных выборках⁶, распространенность среди населения и (близких) родственников и др.); во-вторых, фиксировалась (по возможности) частота ссылок на отобранные работы зарубежных исследователей; в-третьих, использовался поиск по многим базам

данных, включая электронные библиотеки, которые отражают популярность не только тех или иных теоретических дискурсов, а также практическую признанность тематики публикаций, выступая ориентиром для выбора учеными актуальной исследовательской проблематики (например, научные базы КиберЛенинка, РИНЦ, социальная сеть Academia.edu, сайты практически всех ведущих университетов мира и издаваемых ими научных журналов (Кембриджский университет⁷, Оксфордский университет⁸, Калифорнийский университет в Беркли⁹, Йельский университет¹⁰, Гарвардский университет¹¹ и ряд других)), рабочие материалы, посвященные изучению фобий: от докладов на конференциях до научных статей¹²; в-четвертых, в качестве ключевых выступали такие слова, как фобия, заболевание, половые/гендерные различия, мужчины, женщины¹³. Таким образом, в представленной нами работе использовался вторичный анализ результатов ранее проведенных исследований о различиях фобий, опубликованных за рубежом, поиск которых осуществлялся по всем возможным базам с выделением определенных ключевых слов по каждой фобии в отдельности (сюжету фобии), связанных с болезнями у разных полов, и дальнейшим их обобщением.

Период времени анализируемых исследований составил более 40 лет, с 1980 по 2021 г. Возраст респондентов (пациентов), включая детей и пожилых, находился в пределах от 5 до 50 лет и старше. Это может являться определенным критерием валидации представленных данных и их корреляции между собой. В анализируемых работах имелись различия во времени проведения исследований, в использовании различных опросников, в типах

⁷ См.: URL: <http://search.cam.ac.uk/web?query=xenophobia&offset=0&max=10>

⁸ См.: URL: <https://www.ox.ac.uk/funnelback/search?query=xenophobia&wssl=1>

⁹ См.: URL: <http://www.berkeley.edu/search?q=xenophobia>

¹⁰ См.: URL: <https://www.yale.edu/search/google/xenophobia?query=xenophobia>

¹¹ См.: URL: <http://www.harvard.edu/searches?searchtext=xenophobia#gsc.tab=0&gsc.q=xenophobia&gsc.page=1>

¹² Более подробно данный аспект представлен в наших предыдущих работах (см., например, [4; 6]).

¹³ Возможность оценить, насколько слово специфично для отдельных предметных областей, позволяет коэффициент Жуайна (D), который для слова “фобия” равен 87. Чем коэффициент ближе к 100, тем слово равномернее встречается в текстах разного направления и значимо для большего числа предметных областей, т.е. не является узкоспециализированным. Анализ алфавитного списка лемм показывает, что частота (ipm) слова “фобия” составляет 1.83. Следовательно, в современном языке, как указывает К.Д. Пипия, слово “фобия” употребляется в разных научных направлениях, что показывает признание данного слова с точки зрения языка [8, с. 43].

⁵ Мы исходили из того факта, что если у одного автора в каком-либо году выявлялись половые различия и в работе другого автора эти различия подтверждались или повторялись, т.е. носили по времени пролонгированный характер, это как раз и подтверждало действительное их наличие, что и отражалось в приведенных данных.

⁶ Обычно большая разница между мужской и женской группами респондентов наталкивает на вопросы о достоверности большего/меньшего влияния того или иного явления на мужчин или женщин.

выборки респондентов. Мы рассматривали лишь те фобии, по которым исследовались достаточно многочисленные группы пациентов (не менее 150 человек), поскольку на малых выборках результаты опроса являются менее репрезентативными.

На основе метаанализа более 70 научных работ получена выборка свыше 35 тыс. человек¹⁴. Всего в исследованиях по результатам публикаций приняли участие 35 620 респондентов, из них женщин/девушек/девочек — 19 904 человека, а мужчин/юношей/мальчиков — 15 716 человек. Количество респондентов, принявших участие в исследованиях, дифференцированных по признаку пола, не демонстрирует значимость тех или иных фобий, а презентует лишь количественную составляющую участвующих респондентов, которых могло бы быть и больше, и меньше¹⁵.

Количественная методология (количество респондентов фиксирует лишь количественный параметр выборки) была дополнена качественной — анализом результатов, позволившим выявить и более четко рефлексировать гендерную направленность в целях определения направлений дальнейшего изучения явления фобийности у мужчин и женщин.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В итоге проведенного метаанализа нами было выявлено 136 заболеваний, на которые у мужчин и женщин формируются ФТР. Иными словами, пол/гендер и диагностируемое заболевание стали в работе одними из основных установленных предикторов, что позволило проанализировать отдельно нозологическую специфику и влияние на нее половых различий, а также их сочетанное воздействие, т.е. изменение признака в зависимости от определенного пола при конкретной нозологии.

Дифференцируя заболевания через призму пола/гендера, мы обнаружили 15 болезней, которые и у мужчин, и у женщин вызывают стойкие фобии. Основываясь на этом, некоторые зарубежные ученые полагают, что ФТ отличаются от большей части других фобий тем, что они в равной мере встречаются среди мужчин и женщин [21; 35].

¹⁴ Разные выборки у авторов по каждому объекту фобий мы суммировали, получив итоговое число.

¹⁵ Как правило, в зарубежных и отечественных эмпирических исследованиях обязательно указывается количество респондентов, что подтверждает валидность самого исследования и его результаты. Исходя из этого были представлены числовые значения участников исследований, указанных в анализируемых работах.

Однако существуют данные из некоторых популяционных исследований, в которых была установлена более высокая распространенность ФТ среди женщин [18]. Это может быть связано с тем, что в клинических исследованиях нередко недооценивается частота этого ФТР в группе женщин, так как у них чаще диагностируется избегающее личностное расстройство [12], которое в определенной степени стигматизирует ФТ. Взаимосвязь у женщин ФТ и личностных расстройств тревожного кластера, представляющих собой единый континуум, подтверждается рядом исследований [28; 30]. У мужчин, можно полагать, меньшая распространенность данного вида фобий, вероятно, связана с тем, что они чаще, чем женщины, прибегают к выработке и использованию компенсаторных стратегий, например, к алкоголю, наркотическим и другим средствам, что может приводить к недооценке фобийности в популяционных исследованиях.

Как правило, фобические опасения у мужчин и женщин, характеризуясь персистирующей направленностью, концентрируются вокруг конкретного заболевания. При этом тревога может возникать при любых обстоятельствах, связанных с болезнью, и не имеет тенденции к снижению интенсивности с течением времени, что находит свое подтверждение во многих исследованиях [14; 32]. Распространенность фобий заболеваний в группах мужчин и женщин имеет следующую картину (рис. 1).

Гистограмма наглядно демонстрирует (по численному соотношению) четыре условных группы заболеваний, одинаково вызывающих страх у мужчин и женщин. Принципом такого деления явились принцип распространенности в сочетании с принципом преобладания той или иной фабулы фобии у одного из полов. В первую группу заболеваний, вызывающих наибольший страх, согласно результатам исследований, попали коронавирусная инфекция и онкологическое(и)е заболевание(я) (рак). Информация об этих болезнях у мужчин и женщин, помимо ФТ, может обуславливать тревожно-депрессивные расстройства со значительной соматогенной астенией, повышенной утомляемостью и слабостью, частота которых достигает 40% случаев [19]. Эти болезни на общем тревожном фоне являются триггером страха и стресса, детерминируя возникновение пароксизмов тревоги [11].

Во вторую группу включены зубная боль, а также собственное безумие и диарея. В третьей условной группе находятся психические заболевания, СПИД, ВИЧ, алопеция, проктит, геморрой,

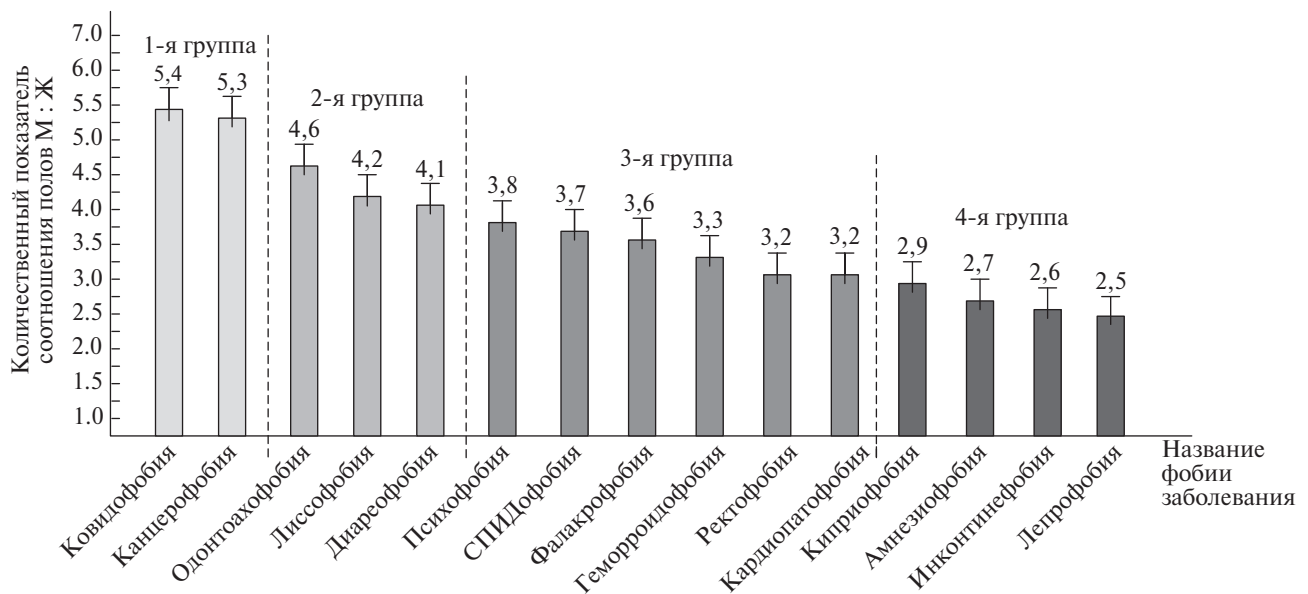

Рис. 1. Гистограмма распространности фобий заболеваний в группах мужчин и женщин

заболевания прямой кишки и кровяное давление с его повышенным или пониженным уровнями. Четвертая группа включает заболевания, передающиеся половым путем, амнезию, недержание мочи и болезнь Хансена (лепра). Сложно нозологически структурировать представленные данные, так как заболевания находятся в разных классах, рубриках и подразбиках МКБ-10.

В группе мужчин 44 заболевания вызывают ФТ (рис. 2). У женщин 76 заболеваний детерминируют появление и их формирование (рис. 3). Представленная информация наглядно демонстрирует маркер различия в реакциях, связанных со страхом к заболеваниям у мужчин и женщин (не учитывая при этом возрастной фактор): у них разные заболевания вызывают ФТ, они по-разному их оценивают и, соответственно, ведут себя по-разному.

У мужчин наибольший страх вызывает эректильная дисфункция, а заболевание, связанное с появлением слепых пятен в области зрения, — наименьший. У женщин ожирение провоцирует максимально глубокое фобическое расстройство, а спинная сухотка не вызывает столь сильного страха. Женщины чаще испытывают фобии от таких заболеваний, как базедова болезнь, бесплодие, болезнь вообще, генитальные бородавки, фобия(и), послеродовая депрессия, условно выделенных нами в первую группу по количественному показателю соотношения мужского пола к женскому. Мужчины чаще страдают от фобий, связанных с импотенцией, бессонницей, глухотой, заболеваниями сердца, хронической болью, инсультом, сифилисом и другими заболеваниями.

Интересен выявленный факт в отношении анартрияфобии и пселлизофобии. Так, согласно ранее представленным нами данным [5], утрата членораздельной речи и заикание являются заболеваниями, чаще вызывающими страх у женщин. Однако результаты других исследований демонстрируют иную клиническую картину — проявления чаще у мужчин. Объяснить полученную иррелевантность однозначно довольно сложно, поскольку необходимо знать условия замеров, сезонность (так называемые приливы и отливы ФТ), характеристики выборки, используемые методики и другие факторы. Более того, мы полагаем, что значение имеют качественные различия в гендерной культуре, разные уровни социальной реальности, ментальности и ряд других.

Количественное преобладание ФТ у женщин, вызываемыми заболеваниями, в отличие от мужчин, может быть обусловлено многими факторами. Среди консигнаторов, способствующих их развитию, можно выделить *соматизацию*. Женщины, в отличие от мужчин, чаще суггестируют себя на том или ином заболевании, т.е. начинают прислушиваться к своему организму, используя при этом мыслительные, симптоматические и другие процессы и состояния. Это приводит как к личностной инкапсуляции заболевания, так и усилению у них соматизации не только в отношении отдельных болезней, но и к нарастанию соматки более тяжелых регистров. Иными словами, фобии заболеваний, по нашему мнению, формируются двумя встречными потоками: от личностной

установки о наличии заболевания и страха¹⁶ перед ним к концептуализации предрассудка и, наоборот, от конструкции фобии к личностному осознанию детерминирующего ее заболевания с последующим переходом фобической установки в реальные поведенческие паттерны. Процесс такой циркуляции, однако, не позволяет ответить на вопрос: фобия порождает заболевание или заболевание детерминирует формирование фобий? Однозначно рефлексировать это взаимодействие не представляется возможным.

Другими детерминантами могут являться *когнитивные факторы* (наличие той или иной медицинской информации, личностные убеждения в отношении своего состояния здоровья/нездоровья), так называемый *контекст симптома того или иного заболевания* (ответная реакция окружающих и субъективные ожидания касательно нее), *степень субъективной актуальности или объем вовлеченности в отношении симптома* (высокая субъективная актуальность ассоциируется с тенденцией к преувеличению симптома заболевания и формированием коморбидных идей отношения к нарушению определенных функций организма (например, заболеваниям желудочно-кишечного тракта, мозга, вирусным, кожным заболеваниям, заболеваниям аутистического спектра и т.д.), проявляющимся формированием соответствующей фобической фабулы (гастроэнтерикофобии, менингитофобии, герпесофобии, дерматопатофобии, аутизмфобии и т.д.) заболевания(й)), а также *обсессия* (невозможность отвлечься или переключиться от мыслей о наличии заболевания), *компульсия* (повторение определенных действий, постоянно подтверждающих наличие симптомов заболевания) и *аффективный фон* (например, при депрессии и тревоге соматические симптомы более выражены). Данное предположение находит свое подтверждение в ряде публикаций [10; 28; 30]. Более того, именно в этих случаях формирование ФТ у женщин можно интерпретировать в том числе и в рамках личностного развития [31; 34].

Фобии заболеваний можно рассматривать не только как аскриптивный и психологический продукт, но и как следствие формирующейся социальной реальности, например ковидофобия. Троирование фобий биологическими, психологическими и социальными составляющими, т.е.

тройная избыточность их этиологии, не позволяет до сих пор утверждать, являются ли причиной предрасположенности людей к страху какие-то конкретные факторы. Именно поэтому фобии выступают объектами исследования одновременно многих наук (социологии, медицины, психиатрии, психологии и др.). По нашему мнению, факторы, значимые для этиологии и патогенеза фобий заболеваний, могут находиться на разных уровнях, — биологическом (генетическом, нейробиологическом, нейроэндокринологическом), психологическом, социальном. Исходя из гипотезы о существовании врожденных программ поведения человека, можно высказать предположение о том, что биологические свойства человека изначально организованы, ограничены в определенные программы, или метафункциональные системы [1]. Поэтому внутреннее, на которое действует внешнее, выступает уже не только в виде условий [9, с. 109], но и в виде факторов, структур, программ, причин индивидуального поведения. Следовательно, риск формирования фобий заболеваний — это сумма совместного в разной степени влияния биопсихосоциальных сенсibiliзирующих факторов или факторов риска ее формирования, которые должны рассматриваться в сложной системе, представляющей собой многофакторную модель.

При анализе условий, детерминирующих у мужчин и женщин формирование ФТ, обычно идентифицируются те переменные, которые поведенчески и/или когнитивно обуславливают и поддерживают расстройство, являясь его катализатором. Можно полагать, что возникновение фобий заболеваний опосредовано и самой динамикой поведения человека, что может означать замаскированность причин возникновения более высоким уровнем свойств индивидуальности — личностными и социально-психологическими. Так, в частности, при моделировании фобического пространства мужчинами и женщинами особая роль принадлежит критерию “реальное/воображаемое”. В качестве метода анализа, позволяющего экзантикулировать значение данного критерия, как правило, используется когнитивный подход. Интересной в этом плане является работа С.Л. Кляйна, К.Л. Фланагана [25], в которой приводятся данные по гендерным группам. Так, при моделировании фобического пространства мужчины чаще используют параметр реального, а женщины в процесс моделирования обычно включают параметр воображаемого. То есть женское фобическое пространство зачастую очерчено нерелевантными границами существующей действительности, в отличие от мужского. В фобическое пространство женщин включаются все возможные замещения в виде

¹⁶ При активизации большого страха той или иной болезни происходит активизация значительного количества мелких, вследствие чего из подсознания поднимаются страхи, не имеющие отношения к данному заболеванию, но порождающие различные психосоматические состояния и усиливающие, как указывают некоторые исследователи [15; 27], формирование фобии именно данного заболевания.

различных чувств и эмоций. Они при этом имеют различную степень фобийности: от более легкой (например, непонимание, отрицание и т.д.) до более тяжелой (например, раздражение, нетерпимость, агрессия, гнев и т.д.), которую позволяет более глубоко дифференцировать психологический подход. В основе процесса моделирования фобического пространства женщинами, в отличие от мужчин, находится сильная фобическая установка, где имеет место как угроза, так и провокация страха перед тем или иным конкретным заболеванием. Вышеприведенные данные находят свое подтверждение в ряде других научных исследований (см., например, [20; 29]), в которых приводятся данные о фобических состояниях и степени фобийности мужчин и женщин. Однако более глубокий анализ данного аспекта исследуемой проблемы выходит за рамки вынесенной в статье темы.

ВЫВОДЫ

В целом фобии заболеваний преобладают в группе женщин; однако распространенность некоторых фобий выше в группе мужчин. При этом у женщин по имеющимся объектам (заболеваниям) фобий выявляется разнообразный их набор, что может быть связано как с большей количественной составляющей женщин по имеющимся общим выборкам респондентов, так и большим в целом разнообразием объектов, провоцирующим появление фобий. Однако, учитывая приблизительное количественное соотношение и сопоставимость числа обследованных женщин числу обследованных мужчин (около 20 тыс. и 16 тыс. соответственно), такое большое разнообразие фобий заболеваний у женщин по сравнению с мужчинами — результат, заслуживающий особого внимания и дальнейшего исследования.

Данные, представленные в работе, основаны на показателях в основном зарубежных исследований, среди теоретических и практических исследований работы отечественных авторов на настоящий момент отсутствуют. Следовательно, и говорить о выявленных гендерных/половых особенностях фобической фабулы заболеваний можно лишь в отношении тех стран, в которых проводились данные исследования, а аппроксимировать их на все современное общество, применительно к любой стране, любой культуре в определенной степени неправомерно. Более того, отсутствие отечественных исследований по данной проблематике не позволяет отразить российские особенности и специфику формирования фобий заболеваний. В контексте этого возникает много проблемных

вопросов, например, влияет ли фактор национальности на частоту формирования ФТ? В каких странах преобладают какие заболевания, которые детерминируют появление этой части существующей линейки фобий? Требуют дальнейшего изучения психопатологическая структура ФТ и особенности ее динамики у мужчин и женщин в зависимости, например, от коморбидной личностной патологии и др.

В целом результаты представленного нами материала позволяют надеяться, что помимо утилитарной функции они послужат источником новых идей в разных областях теоретизирования и практической работы, создавая возможности для организации дальнейшего изучения фобийности через призму половых/гендерных различий, что созвучно потребностям не только зарубежных исследователей, но и российских психологов.

В завершение необходимо сказать, что трудно назвать достаточными имеющиеся в настоящее время данные о гендерных/половых различиях, в том числе и о причинной детерминированности ФТ (возраст начала проявления фобии, соотношение полов, гендерное преимущество, связь с близкими родственниками, распространенность среди населения), основываясь на которых было бы возможно однозначно констатировать, чем обусловлено это гендерное различие, например более высокой врожденной предрасположенностью женщин к такой реакции, как фобия, или же действием других сенсibiliзирующих факторов. Все это актуализирует дальнейшее изучение фобий заболеваний у мужчин и женщин, представляя научный и практический интерес в контексте изучения индивидуальных различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П.К. Социальное и биологическое в природе человека // Материалы симпозиума по соотношению биологического и социального в человеке. М.: Наука, 1975. С. 301–318.
2. Гринглас Э. Психофизиологическая характеристика ранних субклинических изменений регуляции гомеостаза // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 132–139.
3. Грошев И.В. Анализ современных исследований гендерно-половозрастных характеристик социофобических психических расстройств, детерминирующих поведенческие паттерны личности // Российский психиатрический журнал. 2010. № 3. С. 16–24.
4. Грошев И.В. Гендерные особенности ксенофобии (обзор зарубежных исследований) // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 139–147.

5. *Грошев И.В.* Пол и болезни: краткий обзор современных исследований // Социология медицины. 2004. Т. 5. № 2. С. 35–50.
6. *Грошев И.В., Давыдова Ю.А., Пряникова Т.И.* Гендерные различия ксенофобии в современном обществе // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 4. С. 88–110.
7. *Каплан Г.И., Сэддок Б. Дж.* Клиническая психиатрия: В 2 т.: Пер. с англ. М.: Медицина, 1994. Т. 1.
8. *Липия К.Д.* Ксенофобские настроения в российском общественном мнении и пути их предотвращения: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2017.
9. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1976.
10. *Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995.
11. *Afshari N., Farokhzadian J., Abdi K., Sheikhbardsiri H.* Gender Matter, Social Phobia and High-Risk Behaviors in Young Medical Students // Ethiop J Health Sci. 2021. V. 31. № 2. P. 359–370.
12. *Arrais K.C. et al.* Social anxiety disorder women easily recognize fearful, sad and happy faces: the influence of gender // Journal of Psychiatric Research. 2010. V. 44. № 8. P. 535–540.
13. *Blazer D.C., Hughes D., George L.K.* Generalized anxiety disorder // Psychiatric disorders in America: The epidemiologic catchment area study / Eds. L.N. Robins, D.A. Regier. N.Y.: Maxwell Macmillan International, 1991. P. 271–304.
14. *Boll S. et al.* Disorders Attentional mechanisms of social perception are biased in social phobia // Journal of Anxiety Disorders. 2016. № 40. P. 83–93.
15. *Choy Y., Fyer A.J., Goodwin R.D.* Specific phobia and comorbid depression: a closer look at the National Comorbidity Survey data // Compr. Psychiatry. 2020. V. 48. P. 132–136.
16. *Crow T.J.* Molecular pathology of schizophrenia: More than one disease process? // Brit. Med. J. 1980. V. 280. P. 66–78.
17. *Davey G.* Phobias. L.: John Wiley, 1997.
18. *Farahani S.H., Rafie poor A., Razian S.* The Role of Gender in the Social Anxiety // Rooyesh-e-Ravanshenasi Journal. 2019. V. 7. № 10. P. 243–254.
19. *Feng Z., Liu X., Chen Z.* Characteristics of mental health problems among general public during the COVID-19 epidemic // J. Southwest Univ. Social Sci. Ed. 2020. № 46. P. 109–115.
20. *Heimberg R.G. et al.* Social anxiety disorder in DSM-5 // Depression and Anxiety. 2014. V. 31. № 6. P. 472–479.
21. *Joseph S., Yule W., Williams R.* Understanding Post-Traumatic stress. Chichester: John Wiley, 1997.
22. *Juan S.* Who's Afraid of Butterflies? Australia: c/o Harper Collins Publishers, 2011.
23. *Kessler L.N.* Panic and phobia. N.Y.: Maxwell Macmillan International, 1994.
24. *Klahn A.L. et al.* Commonalities and differences in the neural substrates of threat predictability in panic disorder and specific phobia // Neuroimage Clin. 2017. V. 14. P. 530–537.
25. *Klein S.L., Flanagan K.L.* Sex differences in immune responses // Nature Reviews Immunology. 2016. V. 16. № 10. P. 16–26.
26. *Lacôte C.* Note's sur la phobie // La Phobie / Ed. M. Lerude-Flechet. P.: A.L.I., 2008. P. 234–301. (In French)
27. *Liebowitz M.R., Heimberg R.G., Fresco D.M.* Social phobia or social anxiety disorder: what's in a name? // Archives of General Psychiatry. 2000. V. 57. P. 181–192.
28. *Liebowitz M.R., Marshall R.D.* Pharmacological treatments: clinical applications // Social phobia: diagnosis, assessment, and treatment / Eds. R.G. Heimberg, M.R. Liebowitz, D.A. Hope, F.R. Schneier. N.Y., L.: The Guilford Press, 1996. P. 366–383.
29. *McCullough L.D. et al.* NIH initiative to balance sex of animals in preclinical studies: generative questions to guide policy, implementation and metrics // Biology of sex differences. 2014. V. 5. № 1. P. 15–24.
30. *Rapee R.M.* Descriptive Psychopathology of Social Phobia // Social phobia: diagnosis, assessment and treatment / Eds. R.G. Heimberg, M.R. Liebowitz, D.A. Hope, F.R. Schneier. N.Y.: The Guilford Press, 1995. P. 41–59.
31. *Reich J. et al.* A prospective follow-along study of the course of social phobia // Psychiatry Research. 1994. V. 54. № 3. P. 249–258.
32. *Tibi L. et al.* The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample // Br. J. Clin. Psychol. 2021. Sep. V. 60. № 3. P. 312–332.
33. *Trumpf J. et al.* Becker Specific phobia predicts psychopathology in young women // Soc. Psychiat. Epidemiol. 2010. V. 45. P. 1161–1166.
34. *Tyrer P.* The national service framework: A scaffold for mental health // British Medical Journal. 1999. № 319. P. 1017–1018.
35. *Veale D.* Treatment of social phobia // Advances in Psychiatric Treatment. 2003. № 9. P. 258–264.
36. *Wittchen H.-U., Perkonig A.* Epidemiologie psychischer Störungen. Grundlagen, Häufigkeit, Risikofaktoren und Konsequenzen // Enzyklopadie der Psychologie, Themenbereich D Praxisgebiete. Band. 1, Grundlagen der Klinischen Psychologie / A. Ehlers, K. Hahlweg (Hrsg.). Göttingen: Hogrefe, 1996. P. 69–144.

DIFFERENCES IN PHOBIA PHOBIAS ASSOCIATED WITH DISEASES IN MEN AND WOMEN

I. V. Groshev^{1,2,*}, Yu. A. Davydova^{1,**}

¹ANO Research Institute of Education and Science;

123056, Moscow, Bolshaya Gruzinskaya str., 32, bldn. 3, Russia.

²Federal Scientific and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation;

141534, Solnechnogorsky district, Moscow region, Lytkino village, 777, Russia.

*Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Science
of the Research Institute of Education and Science.

E-mail: aus_tgy@mail.ru

**Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Public Relations
at the Research Institute of Education and Science.

E-mail: UA_Davidova@mail.ru

Received 11.05.2022

Abstract. The relationship between the presence of the disease and the formation of its phobic plot in men and women has been investigated. The methodology of the work was based on a secondary analysis of the results of conducted and published studies on the existing objects (diseases) of phobias. Based on a meta-analysis of data from more than 70 scientific papers, a sample of 35 620 thousand people was obtained and 136 diseases were identified for which men and women form FTD, of which 44 diseases in the group of men, 76 diseases in women; 15 diseases simultaneously determine the appearance and formation of persistent phobias in both sex groups. It is concluded that this type of phobias occurs in many cases in women who suffer from it more often, which is caused by such factors as somatization, the context of the symptom of the disease, obsession, compulsion, etc. Men using compensatory strategies have a lower percentage of FT. There are four conditional groups of diseases that equally cause fear in men and women. Based on the use of the cognitive approach, the process of modeling the phobic space is described and it is shown that men use the “real” parameter more often, women use the “imaginary” parameter. The phobic space of women includes substitutions in the form of various feelings and emotions that have different degrees of phobia. At the heart of this process in women is a strong “phobic” attitude. It is shown that the prediction of the etiology of FT does not allow us to unequivocally assert their inherent determinacy. As a conclusion, the conclusion is made about the greater prevalence and prevalence in the frequency of development and comorbidity of FT in the group of women. However, it is not possible to state unequivocally what causes this gender difference at the moment, which actualizes further study of phobias of diseases in men and women.

Keywords: women, diseases, health, men, behavioral patterns, gender/gender differences, disorder, symptoms, fears, factors, phobias.

REFERENCES

1. Anokhin P.K. Social'noe i biologicheskoe v prirode cheloveka. Materialy simpoziuma po sootnosheniju biologicheskogo i social'nogo v cheloveke. Moscow: Nauka, 1975. P. 301–318. (In Russian)
2. Gringlas E. Psihofiziologicheskaja harakteristika rannih subklinicheskikh izmenenij reguljacji gomeostaza. Psichologicheskii zhurnal. 1994. V. 15. № 2. P. 132–139. (In Russian)
3. Groshev I.V. Analiz sovremennykh issledovanij gendernopolovozrastnykh harakteristik sociofobicheskikh psichicheskikh racctrojstv, determinirujushhih povedencheskie patterny lichnosti. Rossijskij psichiatricheskij zhurnal. 2010. № 3. P. 16–24. (In Russian)
4. Groshev I.V. Gendernye osobennosti ksenofobii (obzor zarubezhnykh issledovanij). Socis. 2021. № 5. P. 139–147. (In Russian)
5. Groshev I.V. Pol i bolezni: kratkij obzor sovremennykh issledovanij. Sociologija mediciny. 2004. V. 5. № 2. P. 35–50. (In Russian)
6. Groshev I.V., Davydova Yu.A., Pryanikova T.I. Gendernye razlichija ksenofobii v sovremennom obshchestve. Voprosy psichologii. 2021. V. 67. № 4. P. 88–110. (In Russian)
7. Kaplan G.I., Sadok B.J. Klinicheskaja psichiatrija: in 2 v.: per. s angl. Moscow, 1994. V. 1. (In Russian)
8. Pipia K.D. Ksenofobskie nastroyeniya v rossijskom obshchestvennom mnenii i puti ih predotvrashheniya: Dis. ... kand. sociol. nauk. Moscow, 2017. (In Russian)
9. Rubinstein S.L. Problemy obshhej psichologii. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian)

10. *Sokolova E.T., Nikolaeva V.V.* Personality features in borderline disorders and somatic diseases. Moscow: SvR-Argus, 1995. (In Russian)
11. *Afshari N., Farokhzadian J., Abdi K., Sheikhbardsiri H.* Gender Matter, Social Phobia and High-Risk Behaviors in Young Medical Students. *Ethiop. J. Health Sci.* 2021. V. 31. № 2. P. 359–370.
12. *Arrais K.C. et al.* Social anxiety disorder women easily recognize fearful, sad and happy faces: the influence of gender. *Journal of Psychiatric Research.* 2010. V. 44. № 8. P. 535–540.
13. *Blazer D.C., Hughes D., George L.K.* Generalized anxiety disorder. *Psychiatric disorders in America: The epidemiologic catchment area study.* Eds. L.N. Robins, D.A. Regier. New York: Maxwell Macmillan International, 1991. P. 271–304.
14. *Boll S. et al.* Disorders Attentional mechanisms of social perception are biased in social phobia. *Journal of Anxiety Disorders.* 2016. № 40. P. 83–93.
15. *Choy Y., Fyer A.J., Goodwin R.D.* Specific phobia and comorbid depression: a closer look at the National Comorbidity Survey data. *Compr. Psychiatry.* 2020. V. 48. P. 132–136.
16. *Crow T.J.* Molecular pathology of schizophrenia: More than one disease process? *Brit. Med. J.* 1980. V. 280. P. 66–78.
17. *Davey G.* Phobias. London: John Wiley, 1997.
18. *Farahani S.H., Rafie poor A., Razian S.* The Role of Gender in the Social Anxiety. *Rooyesh-e-Ravanshenasi Journal.* 2019. V. 7. № 10. P. 243–254.
19. *Feng Z., Liu X., Chen Z.* Characteristics of mental health problems among general public during the COVID-19 epidemic. *J. Southwest Univ. Social Sci.* Ed. 2020. № 46. P. 109–115.
20. *Heimberg R.G., et al.* Social anxiety disorder in DSM-5. *Depression and Anxiety.* 2014. V. 31. № 6. P. 472–479.
21. *Joseph S., Yule W., Williams R.* Understanding Post-Traumatic stress. Chichester: John Wiley, 1997.
22. *Juan S.* Who's Afraid of Butterflies? Australia: c/o Harper Collins Publishers, 2011.
23. *Kessler L.N.* Panic and phobia. New York: Maxwell Macmillan International, 1994.
24. *Klahn A.L. et al.* Commonalities and differences in the neural substrates of threat predictability in panic disorder and specific phobia. *Neuroimage Clin.* 2017. V. 14. P. 530–537.
25. *Klein S.L., Flanagan K.L.* Sex differences in immune responses. *Nature Reviews Immunology.* 2016. V. 16. № 10. P. 16–26.
26. *Lacôte C.* Note's sur la phobie. *La Phobie.* Ed. M. Lerude-Flechét. Paris: A.L.I., 2008. P. 234–301. (In French)
27. *Liebowitz M.R., Heimberg R.G., Fresco D.M.* Social phobia or social anxiety disorder: what's in a name? *Archives of General Psychiatry.* 2000. V. 57. P. 181–192.
28. *Liebowitz M.R., Marshall R.D.* Pharmacological treatments: clinical applications. *Social phobia: diagnosis, assessment, and treatment.* Eds. R.G. Heimberg, M.R. Liebowitz, D.A. Hope, F.R. Schneier. New York, London: The Guilford Press, 1996. P. 366–383.
29. *McCullough L.D. et al.* NIH initiative to balance sex of animals in preclinical studies: generative questions to guide policy, implementation and metrics. *Biology of sex differences.* 2014. V. 5. № 1. P. 15–24.
30. *Rapee R.M.* Descriptive Psychopathology of Social Phobia. *Social phobia: diagnosis, assessment and treatment.* Eds. R.G. Heimberg, M.R. Liebowitz, D.A. Hope, F.R. Schneier. New York: The Guilford Press, 1995. P. 41–59.
31. *Reich J. et al.* A prospective follow-along study of the course of social phobia. *Psychiatry Research.* 1994. V. 54. № 3. P. 249–258.
32. *Tibi L. et al.* The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample. *Br. J. Clin. Psychol.* 2021. Sep. V. 60. № 3. P. 312–332.
33. *Trumpf J. et al.* Becker Specific phobia predicts psychopathology in young women. *Soc. Psychiat. Epidemiol.* 2010. V. 45. P. 1161–1166.
34. *Tyrer P.* The national service framework: A scaffold for mental health. *British Medical Journal.* 1999. № 319. P. 1017–1018.
35. *Veale D.* Treatment of social phobia. *Advances in Psychiatric Treatment.* 2003. № 9. P. 258–264.
36. *Wittchen H.-U., Perkonig A.* Epidemiologie psychischer Störungen. Grundlagen, Häufigkeit, Risikofaktoren und Konsequenzen. *Enzyklopadie der Psychologie, Themenbereich D Praxisgebiete.* Band. 1, Grundlagen der Klinischen Psychologie. A. Ehlers, K. Hahlweg (Hrsg.). Gottingen: Hogrefe, 1996. P. 69–144.

УДК 159.972

ОСОБЕННОСТИ АКТИВНОСТИ СТРУКТУР ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРИ ШИЗОФРЕНИИ В ПРОЦЕССЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ¹

© 2023 г. О. В. Щемелева*, С. В. Муравьева**, В. С. Лебедев***, Е. А. Вершинина****

Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН;
199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6, Россия.

* Научный сотрудник лаборатории физиологии зрения.

E-mail: oshchemeleva@gmail.com

** Кандидат медицинских наук, научный сотрудник лаборатории физиологии зрения.

*** Аспирант лаборатории физиологии зрения.

**** Кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории информационных технологий и математического моделирования.

Поступила 31.10.2021

Аннотация. Одними из особенностей работы головного мозга людей, страдающих шизофренией, являются изменения активности при зрительной категоризации одушевленных и неодушевленных объектов. Целью данного исследования был анализ мозговой активности людей, страдающих шизофренией, в ходе зрительной категоризации ими объектов, имеющих различные семантические и физические характеристики. Предполагалось, что паттерны мозговой активности на ранних и поздних этапах зрительной обработки различаются у этих людей и людей из нормативной выборки. С помощью метода зрительных вызванных потенциалов изучали особенности активности головного мозга у 25 людей, страдающих шизофренией от 1 года до 7 лет, при категоризации ими изображений живой и неживой природы, низкой и высокой пространственной частоты. Было выявлено, что амплитуды P170 (N170) в левом и правом задневисочных и центральном отведениях, а также амплитуды P300 в центральном отведении у людей с шизофренией не отличаются при категоризации одушевленных и неодушевленных объектов. Такие особенности работы мозга не характерны для людей из нормативной выборки. Выявленный результат важен для лучшего понимания перестройки работы мозга при зрительном восприятии объектов разных категорий, возникающей при развитии шизофрении.

Ключевые слова: шизофрения, когнитивные зрительные потенциалы, высокая и низкая частота, объекты живой и неживой природы, категоризация объектов.

DOI: 10.31857/S020595920024908-4

Одним из самых важных в когнитивной нейропсихологии по-прежнему остается вопрос, каким образом мозг преобразует перцептивную информацию в осмысленные понятия и категории [10; 11; 14; 16; 18; 34]. Новые методы нейровизуализации и обработки данных позволяют глубже изучить процесс перестройки нейронных процессов, лежащих в основе распознавания объектов.

Ряд исследований зрительной системы человека рассматривают такую характеристику, как одуше-

ленность (различение объектов живой и неживой природы), в качестве ключевого принципа организации репрезентаций об объектах. Это свойство имеет первостепенное значение для нашего понимания зрительного мира, обеспечивая базовое упорядочение нашего восприятия [16; 18–20].

Согласно результатам исследований, полученным методами функциональной магнитно-резонансной томографии [18], магнитоэнцефалографии и электроэнцефалографии [13; 16; 18], при категоризации одушевленных объектов возникают паттерны активности мозга человека, отличные от тех, которые наблюдаются при категоризации неодушевленных объектов. Декодирование данных временных рядов с использованием магнитоэнцефалографии

¹ Исследование выполнено в рамках финансирования научно-исследовательского проекта «Технологии оптимизации и восстановления когнитивных функций человека виртуальной средой» (проект Российского научного фонда № 14-15-00918 в Институте физиологии им. И.П. Павлова РАН).

и электроэнцефалографии дало возможность исследовать временные рамки формирования репрезентаций объектов в головном мозге человека, раскрывая динамическую эволюцию структуры категорий объектов с течением времени [16]. Результаты исследования магнитоэнцефалографии и электроэнцефалографии при применении немногих отличающихся визуальных задач и объектов показали, что начало и пик декодирования одушевленности объектов возникают между 66 и 157 мс или от 80 мс до 240 мс [13] после предъявления объекта. Ход обработки объектов очень динамичен и быстро развивается. Исследования процесса категоризации одушевленности объектов, которые используют метод оценки вызванных потенциалов, анализируют соотношения амплитуд N100—P200; P(N)300; N400 [3; 17].

Процесс перестройки нейронных сетей при шизофрении по сравнению с группой здоровых людей при категоризации объектов живой и неживой природы остается до конца не изученным [5; 6; 30].

В недавнем исследовании категоризации объектов живой и неживой природы у людей с умеренными когнитивными расстройствами (*MCI*) Karim и коллеги рассматривали задачу зрительной категоризации одушевленности объектов как более сложную, чем типичные задачи на память, что делает ее более чувствительной к тонким изменениям нейронных процессов у людей из ненормативных выборок. Методом вызванных потенциалов было выявлено снижение амплитуды P300 [19; 25].

Также было показано, что существует связь между изменением восприятия и интеграционных процессов у людей с шизофренией и изменениями в восприятии зрительных стимулов с определенными пространственными и временными характеристиками, работой определенных нейронных систем (низкочастотной — магно-системой и высокочастотной — парвосистемой) [4; 5; 24].

Для оценки когнитивных изменений у людей, страдающих шизофренией, а также людей, находящихся в группе риска, применяется метод когнитивных зрительных вызванных потенциалов в ответ на определенную задачу [2; 17; 24; 27]. В качестве маркеров шизофрении выделяют аномалии в амплитудах ряда компонентов: P50, N100, MMN, P300, N 400, P500 [5; 11; 21; 29; 32].

Целью данного исследования была оценка особенностей активности мозга людей, страдающих шизофренией, при восприятии и категоризации объектов живой и неживой природы, имеющих различные пространственно-частотные характеристики.

На основе приведенных выше данных об изменениях амплитуд вызванных потенциалов предполагалось, что паттерны мозговой активности на ранних и поздних этапах зрительной обработки при категоризации объектов живой и неживой природы различаются у людей, страдающих шизофренией, и людей из нормативной выборки.

МЕТОДИКА

В исследовании на основе добровольного информированного согласия приняли участие 25 людей с параноидной формой шизофрении легкой и средней степени тяжести (F20 по МКБ-10): 17 мужчин и 8 женщин в возрасте от 20 до 35 лет с продолжительностью болезни от 1 до 7 лет без офтальмологической патологии. Данные 7 человек не были включены в выборку из-за невозможности выделения компонентов вызванных потенциалов в силу сильной зашумленности записи ЭЭГ. Все участники исследования находились в стационаре и получали терапию атипичными антипсихотиками (арипипразол). Условия проведения исследований соответствовали этическим нормам Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Все участники исследования подписывали информированное согласие.

Среди симптомов, которые наблюдались у людей с шизофренией, участвовавших в исследовании, необходимо отметить эмоциональную однообразность, гипомимичность, напряженность, настороженность, тревожность. Были характерны также слуховые галлюцинации (голоса). Для них было характерно доминирование продуктивных симптомов над негативными. Наблюдались нарушения структурирования мышления, снижение способности к концентрации внимания и сосредоточению, но не было выявлено нарушений поведения.

Функциональные изменения зрительной системы анализировались с помощью метода когнитивных зрительных вызванных потенциалов, описанного ранее [3; 5]. Участник исследования располагался в затемненной комнате без посторонних раздражителей перед экраном монитора (17 дюймов) на расстоянии 1 м. Предъявлялись изображения объектов, подвергнутые цифровой фильтрации путем свертки изображений с DoG-функцией (сокр. от Difference of Gaussians), представляющей собой разность двух двумерных функций Гаусса с различной полушириной. Параметры фильтров были подобраны так, чтобы изображения объектов вызывали избирательную активацию двух систем зрения: высокочастотной парво-системы (с максимальным

значением пропускания на частоте 10 цикл/град) и низкочастотной магно-системы (на частоте 1 цикл/град). Был использован набор из 90 монохромных контурных изображений в оттенках серого цвета — половина изображений живой природы, половина — неживой природы (рис. 1). Каждая сессия состояла из 360 предъявлений, 45 изображений объектов каждой из четырех категорий (живое/неживое в виде изображения с высоким/низким значением пропускания) предъявлялись в случайном порядке дважды на экране монитора. Средняя яркость и контраст всех изображений были одинаковы. Интервал между предъявлениями — 1700 мс, длительность предъявления изображения объекта — 170 мс, помимо этого было предусмотрено время (500 мс) для нажатия участником исследования на кнопку при решении задачи.

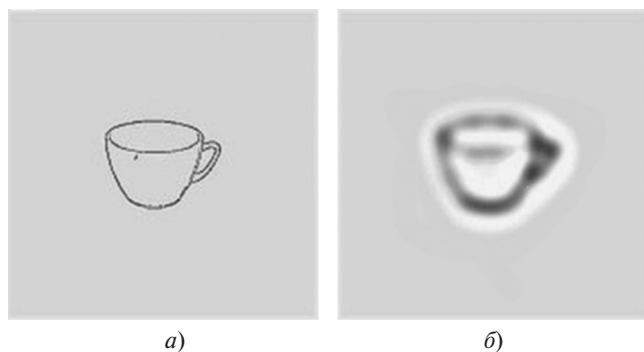

Рис. 1. Пример черно-белого изображения — объекта неживой природы, подвергнутого цифровой фильтрации путем свертки с DoG-функцией в области высоких (а) и низких пространственных частот (б)

Требовалось максимально быстрое нажатие человеком на одну клавишу мыши, когда он видит объект живой природы, и на другую клавишу, когда на экране предъявлен объект неживой природы. Половина людей в ответ на предъявление объекта живой природы нажимала левую клавишу мыши, а другая половина — правую клавишу (в случайном порядке). В записи регистрировались метки проб на момент предъявления объекта на экране независимо от того, когда человек нажимал на кнопку.

Вызванные потенциалы регистрировались с помощью энцефалографа “Мицар-ЭЭГ-202” и программы WinEEG с помощью шапочки Electrocap с 19 электродами, расположенными на поверхности головы по системе 10–20 в отведениях Fp1, Fp2, F7, F3, Fz, F4, F8, T3, C3, Cz, C4, T4, T5, P3, Pz, P4, T6, O1, O2. Референтные электроды располагались на мочках ушей, а заземляющий электрод — в лобной области. Частота дискретизации

составляла 250 Гц, полоса пропускания усилителей — 0.32–35 Гц.

Для обработки записи ЭЭГ использовался метод, описанный ранее [3; 5]. Коррекцию артефактов морганий глаз провели с помощью метода независимых компонентов [2; 3; 7]. После автоматического метода фильтрации независимых компонентов проводилось ручное удаление артефактов. Участок выделялся и вырезался, при дальнейшем усреднении эти участки не учитывались. Коррекция по базовой линии осуществлялась автоматически, задаваясь в программе WinEEG. Изолиния составила 300 мс до начала предъявления изображения объекта. Эпоха анализа продолжительностью в 700 мс была разделена на временные интервалы, соответствующие компонентам: N60, P100 (N100), N170 (P170), N200, N250 (P250), P300, P500. Для каждой области мозга выбирался более точный временной интервал [9]. В каждом временном окне находили значения амплитуды, соответствующие пикам основных компонентов вызванного потенциала (максимум для позитивных волн и минимум для негативных волн) для каждого отведения (табл. 1). С помощью программы WinEEG было проведено усреднение 90 эпох вызванных потенциалов для каждого из 4 типов объектов по отдельности.

Статистический анализ данных проводился с использованием двухфакторного дисперсионного анализа *ANOVA* с зависимыми переменными — амплитудами вызванных потенциалов и факторами — частота (высокие/низкие частоты) и вид объекта (живые/неживые объекты природы) с последующими апостериорными множественными сравнениями по Бонферрони. Статистические решения принимались на 5%-м уровне значимости, данные представлены средними и стандартными отклонениями $Mean \pm SD$ (на графике представлены средние с ошибками средних SE). Расчеты проводились с использованием программного комплекса в программе SPSS Inc 13 [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе статистической обработки данных были выделены компоненты зрительных вызванных потенциалов, по которым выявлены значимые различия амплитуды в зависимости от факторов: частота изображения, вид объекта и их взаимодействия (табл. 2).

Результаты сравнений амплитуд компонентов показывают, что на ранних этапах обработки зрительной информации уже начиная с 60 мс значительно отличаются амплитуды волн при изменении

Таблица 1. Временные интервалы, соответствующие компонентам зрительных вызванных потенциалов, для различных отведений

Отведение	Компонент		Начальная граница периода, мс	Конечная граница периода, мс
Cz	N	100	136	156
Cz	P	170	160	248
Cz	N	250	252	320
Cz	P	300	324	464
Cz	P	500	468	696
T5, T6	N	60	72	100
T5, T6	P	100	104	180
T5, T6	N	200	184	220
T5, T6	P	250	224	320
Pz	P	170	216	332
Pz	N	250	336	380
Pz	P	300	384	428
Pz	P	500	432	700
O1, O2	N	60	92	120
O1, O2	P	100	120	180
O1, O2	N	170	184	216
O1, O2	P	250	220	384

Таблица 2. Значимости главных эффектов p ANOVA, $df_1 = 1$, $df_2 = 24$ (значимые эффекты при $p < 0.05$ выделены жирным шрифтом) по отведениям для компонентов вызванных потенциалов

Отведение	Компонент	Время	Частота изображения (ВЧ—НЧ)	Вид объекта (Жив—Нежив)	Взаимодействие факторов
O1	N	60	0.020	0.677	0.242
O2	N	60	0.030	0.379	0.709
T5	N	60	0.184	0.550	0.042
T6	N	60	0.384	0.579	0.591
Cz	N	100	0.333	0.507	0.701
O1	P	100	0.000	0.982	0.193
O2	P	100	0.000	0.844	0.031
T5	P	100	0.003	0.441	0.758
T6	P	100	0.181	0.889	0.181
Cz	P	170	0.005	0.265	0.572
O1	N	170	0.017	0.794	0.212
O2	N	170	0.003	0.373	0.713
Pz	P	170	0.059	0.007	0.686
T5	N	200	0.184	0.949	0.027
T6	N	200	0.862	0.442	0.740
Cz	N	250	0.916	0.01	0.044
O1	P	250	0.395	0.004	0.295
O2	P	250	0.386	0.023	0.393
Pz	N	250	0.828	0.003	0.053
T5	P	250	0.002	0.006	0.972
T6	P	250	0.010	0.001	0.926
Cz	P	300	0.181	0.051	0.95
Pz	P	300	0.158	0.006	0.463
Cz	P	500	0.258	0.392	0.335
Pz	P	500	0.000	0.243	0.851

пространственно-частотных характеристик изображений. Наблюдаются достоверные отличия амплитуд в затылочных отведениях (О1 и О2) для компонентов N60, P100, N170 и височных отведениях (левая сторона Т5) — для P100 и P250, в центральном вертексном отведении (Cz) — для компонента P170, в теменном отведении (Pz) — для компонента P170 (на уровне тенденции) и P500, в задневисочном отведении (правая сторона: Т6) — для компонента P250. Начиная с 170 мс зафиксировано значимое различие амплитуд в зависимости от изменения семантики объекта (объект живой/неживой природы) в центрально-теменном отведении (Pz). Различие амплитуд компонента P250 (N250) в зависимости от изменения семантики объекта зафиксировано во всех исследованных зонах коры головного мозга: затылочных, задневисочных, центрально-теменном и центральном вертексном отведении.

Амплитуды компонентов P100 и N170 в затылочных отведениях, P100 в задневисочных и P170 в центрально-теменном отведении были достоверно выше при категоризации объектов, изображенных с помощью низких пространственных частот, чем при категоризации объектов, изображенных с помощью высоких пространственных частот. В центрально-теменном и центральном (вертекс) отведении достоверного различия для компонентов P100, N170, P300 и P500 при категоризации объектов, изображенных преимущественно на основе низких и высоких пространственных частот, выявлено не было. От категории объекта этот эффект не зависел. А в правом задневисочном отведении амплитуда компонента P100 и в центрально-теменном отведении амплитуда компонента P170 на низких пространственных частотах были достоверно выше, чем на высоких только при категоризации объектов неживой природы.

Было обнаружено значимое различие амплитуд компонентов при категоризации объектов живой и неживой природы, изображенных на основе низких пространственных частот: для компонента N60 — в левом задневисочном отведении (Т5) (рис. 2), для компонента N250 — в центральном (вертекс) отведении (Cz), для компонента P250 — в правом затылочном (О2) и левом задневисочном отведениях (Т5). Достоверное различие амплитуд при категоризации объектов живой и неживой природы при их изображении с помощью высоких пространственных частот было получено: для компонента P100 — в правом затылочном отведении (О2), для компонента N250 — в центрально-теменном отведении (Pz), для компонента P250 — в левом затылочном отведении (О1) (табл. 3).

Амплитуда всех вышеперечисленных компонентов в ответ на изображения живой природы была достоверно выше амплитуды компонентов, возникающих в ответ на изображения неживой природы. В центральном (вертекс) отведении для компонентов P100 (N100), N170 (P170), P300 и P500; в правом задневисочном отведении для компонентов N60, P100 (N100); в затылочных отведениях N60, P100 (N100); в левом затылочном отведении N170 (P170); в задневисочных отведениях N200; в центральном теменном отведении для компонента P500 достоверного отличия выявлено не было (см. рис. 2). В задневисочных и затылочных отведениях компонент P300 невозможно было выделить из-за сильной зашумленности зарегистрированной электрической активности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ранее в исследованиях категоризации у людей без патологии с использованием регистрации позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), МЭГ, ЭЭГ и ФМРТ было показано, что при распознавании одушевленных и неодушевленных объектов активируются разные структуры головного мозга [13; 15; 16; 18]. В исследованиях патологии психики обнаружены случаи избирательного ухудшения распознавания одушевленных или неодушевленных объектов, например, при болезни Альцгеймера [19].

Предварительные данные, полученные нами на небольшой группе людей с шизофренией, показали, что при категоризации объектов живой и неживой природы вероятность правильных ответов у людей с шизофренией соответствует данным контрольной нормативной группы [5]. В настоящем исследовании люди, страдающие шизофренией, принимали атипичный антипсихотик арипипразол, однако необходимо отметить, что в недавней масштабной работе, где изучалось влияние различных антипсихотиков на ЭЭГ человека, у группы пациентов, которая принимала арипипразол, не выявили значимых отличий в спектральной активности в сравнении с контрольной группой, не принимавшей антипсихотики [28].

При анализе записи ЭЭГ людей с шизофренией в настоящем исследовании было выявлено, что для объектов живой и неживой природы различается амплитуда компонента N60 в левом задневисочном отведении при низкой пространственной частоте изображения, что может указывать на начало процесса различения данных объектов. Это сопоставимо с данными, полученными другими исследователями на нормативной выборке: предъявление

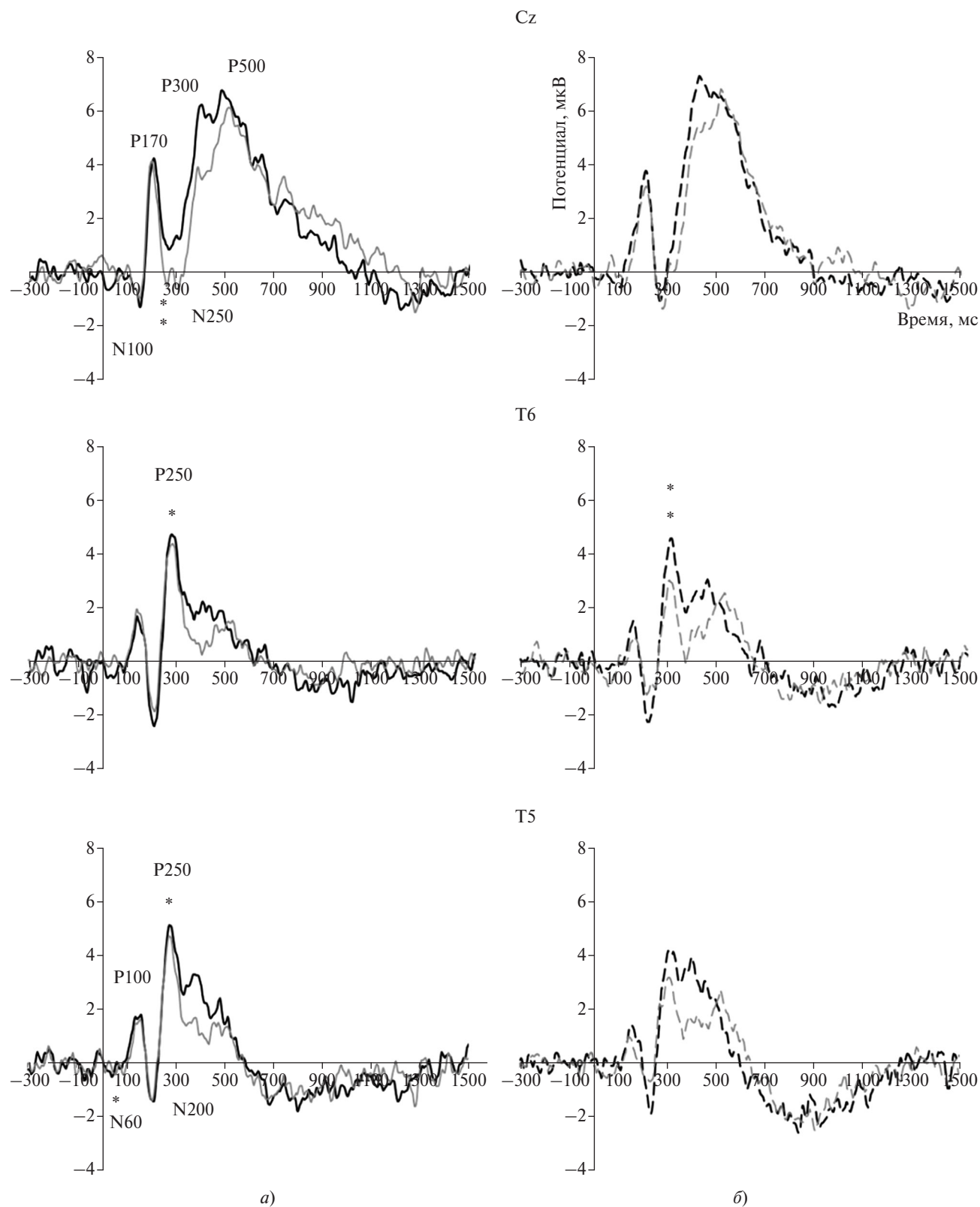

Рис. 2. Усредненные вызванные потенциалы, зарегистрированные у людей с шизофренией в центральном отведении (Cz), в затылочно-височном отведении слева (T5) и справа (T6) при категоризации изображений объектов живой (черная линия) и неживой (серая линия) природы, отфильтрованные по низким (а) и по высоким (б) пространственным частотам

Примечание. Звездочками показаны достоверные различия в зависимости от уровня значимости при сравнении соотношения амплитуд одного компонента внутри каждой группы по низким и высоким пространственным частотам. Уровень значимости: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$.

Таблица 3. Усредненные значения амплитуд компонентов вызванных потенциалов по отведениям в зависимости от вида объекта (мкВ). Значимости главных эффектов p ANOVA, $df_1 = 1$, $df_2 = 24$ ($p < 0.05$) для объектов разной семантики (живой и неживой природы), изображенных с помощью низких и высоких пространственных частот

Отведение	Компонент	При высоких частотах			При низких частотах		
		Ж	НЖ	p Anova	Ж	НЖ	p Anova
Cz	N100	-1.27	-1.10	—	-1.05	-0.52	—
	P170	3.53	2.85	—	4.82	4.64	—
	N250	-1.99	-1.96	—	-0.96	-2.82	0.007**
	P300	5.56	4.72	—	4.91	4.11	—
	P500	8.06	8.07	—	7.92	7.11	—
T5	N60	-0.99	-1.45	—	-1.19	-0.40	0.018*
	P100	2.83	2.67	—	4.37	4.03	—
	N200	-0.93	-1.50	—	-0.71	-0.19	—
	P250	7.17	6.37	—	8.40	7.62	0.026*
T6	N60	-1.25	-1.22	0.024*	-0.82	-1.17	0.064
	P100	3.25	2.79	—	3.29	3.84	—
	N200	-1.37	-1.22	—	-1.41	-1.01	—
	P250	6.94	5.63	—	7.96	6.71	—
Pz	P170	7.80	6.53	0.005**	8.50	7.52	0.011*
	N250	2.80	0.83	0.001**	2.19	1.62	—
	P300	6.54	4.82	0.018*	5.66	4.44	0.021*
	P500	7.96	7.40	—	6.25	5.86	—
O1	N60	-1.56	-2.05	—	-0.87	-0.57	—
	P100	2.37	1.77	—	5.20	5.79	—
	N170	-1.92	-2.35	—	-0.27	0.38	—
	P250	9.52	8.00	0.003**	9.57	8.78	—
O2	N60	-1.58	-1.90	—	-0.60	-0.72	—
	P100	3.11	2.15	0.017*	5.54	6.65	—
	N170	-1.84	-1.67	—	0.54	1.01	—
	P250	10.66	9.88	—	11.35	10.07	0.025*

Примечание. Ж — объекты живой природы; НЖ — объекты неживой природы. Звездочками показаны достоверные различия в зависимости от уровня значимости при сравнении соотношения амплитуд одного компонента внутри каждой группы. Уровень значимости: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$.

объектов живой и неживой природы характеризуется вызванными потенциалами, различия между которыми начинают возникать через 80 ± 20 мс после появления объекта и достигают своего пика в течение 250 ± 50 мс. Данный эффект характерен для задневисочных, центральных и теменных областей головного мозга [13]. В проведенном нами исследовании амплитуда потенциалов, возникавших при предъявлении объектов живой природы, превышала амплитуду потенциалов, возникавших на объекты неживой природы в затылочных, левом задневисочном и центральных отведениях в зависимости от пространственных частот изображения. При низкой частоте изображения это было характерно для компонента N60 в левом задневисочном отведении (T5) (см. рис. 2), для компонента N250 — в центральном отведении (Cz), для компонента P250 — в правом затылочном (O2) и левом задневисочном отведениях (T5). Достоверное различие амплитуд вызванных потенциалов на объекты живой и неживой природы, изображенные на основе

высоких пространственных частот, было получено для компонента P100 — в правом затылочном отведении (O2), для компонента N250 — в центральном-теменном отведении (Pz), для компонента P250 — в левом затылочном отведении (O1).

Данные, полученные на группе людей без патологии, выполнявших подобную экспериментальную задачу, показали, что при категоризации объектов живой и неживой природы в интервале времени 150–220 мс амплитуда N170 в правом и левом задневисочных отведениях, P/N250 и P300 для всей зоны интереса зависит от категории объектов [3].

Нами получены данные об отсутствии у людей с шизофренией достоверных различий амплитуд ранних компонентов в интервалы времени 150–220 в левом и правом задневисочных и центральном отведениях при предъявлении объектов живой и неживой природы. Эти результаты можно косвенно сравнить с данными, полученными Maher и коллегами при исследовании аналогичной группы

участников исследования: было показано отсутствие различия в амплитуде P170 (N170) в правом задневисочном отведении на стимулы, содержащие лица, по сравнению с амплитудой того же компонента на изображения неодушевленных объектов (деревья), тогда как у людей без патологии это различие было зафиксировано для всех видов объектов, представленных разными уровнями контрастности [23; 31].

В настоящем исследовании также было обнаружено, что у людей с шизофренией компонент P300 достоверно не отличается по амплитуде в центральном отведении при предъявлении объектов живой и неживой природы. В ряде исследований было показано, что амплитуда P300 пропорциональна ресурсам внимания, выделенным для данной задачи [8; 22]. Можно предположить, что отсутствие значимого увеличения P300 на объекты живой природы по сравнению с объектами неживой природы у людей с шизофренией отражает меньшее распределение ресурсов внимания на объекты живой природы по сравнению с нормативной выборкой. Исследования Ogibe и коллег продемонстрировали прогрессирующее снижение амплитуды P300 в ответ на визуальные стимулы на ранней стадии шизофрении (в течение первого года после возникновения у людей с шизофренией первого эпизода) [26].

Оценка взаимодействия семантических и физических характеристик предъявляемых объектов и их связи с работой зрительной системы позволила выявить компоненты и зоны, на которые влияют оба вида характеристик. В левом задневисочном отведении амплитуды ряда компонентов (N60, N200) и левом затылочном отведении (N60) на изображения низкой частоты ниже амплитуды компонентов, возникающих на изображения высокой пространственной частоты, только для объектов неживой природы. А для объектов живой природы этот эффект не выявлен.

По полученным нами данным, вне зависимости от одушевленности объекта имеет место достоверное различие амплитуд потенциалов, возникающих при предъявлении объектов, изображенных на основе высоких и низких пространственных частот: в затылочных, задневисочных и центральных отведениях для компонентов P100, и P170 (N170) P100 — амплитуда потенциалов на предъявление изображений низкой пространственной частоты была выше, чем на предъявление изображений высокой пространственной частоты. Амплитуды также достоверно не различались для компонентов P100, N170, P300 и P500, т.е. не зависели от вида объекта. В отдельных отведениях (правом задневисочном и центрально-теменном) амплитуда

вызванных потенциалов была выше на объекты неживой природы по сравнению с объектами живой природы.

В ходе наших ранних исследований у нормативной выборки было выявлено другое соотношение амплитуд вызванных потенциалов. В затылочных, задневисочных, теменных и центральных отведениях амплитуды компонентов P100, P170 (N170), N250(P250), P300 и P500 были достоверно ниже при предъявлении изображений низкой пространственной частоты по сравнению с изображениями высокой пространственной частоты вне зависимости от категории объекта [5]. Как отмечается, обработка высокочастотных изображений связана с парво-системой. Эта система по результатам исследований у новорожденных формируется позже [33] и может быть развита благодаря дополнительному зрительному опыту [12].

Итак, с помощью электрофизиологического метода категоризации одушевленности у людей, страдающих шизофренией от 1 года до 7 лет, были получены данные, указывающие на изменения паттернов их мозговой активности при распознавании объектов живой и неживой природы, которые могут свидетельствовать о преимущественном снижении у них активности парво-системы (системы объектного зрения).

Выявленный результат важен для лучшего понимания перестройки нейронных сетей при зрительном восприятии объектов разных категорий, возникающих при развитии шизофрении.

В ходе исследования было проведено усреднение 90 эпох вызванных потенциалов для каждого вида объектов по отдельности. Этого количества было достаточно для получения статистически значимых различий, что подтверждается результатами более ранних наших работ [3; 5], где были получены различия от ранних (P100 и N100) до поздних вызванных потенциалов (P300—P500). В дальнейшем представляется целесообразным увеличение числа эпох для подтверждения полученных результатов на большей выборке.

ВЫВОДЫ

1. У людей, страдающих шизофренией, выявлены паттерны мозговой активности, отражающие репрезентации объектов живой и неживой природы, отличные от таковых паттернов у ранее обследованных людей без патологии.

2. У людей, страдающих шизофренией, не выявлено достоверных различий амплитуд вызванных потенциалов в интервале времени 150—220 мс

в левом и правом задневисочных и центральном отведениях при предъявлении объектов живой и неживой природы, которые обнаруживаются у людей из нормативной выборки.

3. У людей, страдающих шизофренией, не обнаружено достоверных различий в амплитуде P300 в центральном отведении при предъявлении объектов живой и неживой природы, которые характерны для мозговой активности людей без патологии.

4. У людей, страдающих шизофренией, при предъявлении им объектов живой природы возникали вызванные потенциалы, амплитуды которых в затылочных, задневисочных и центральных отведениях превышали амплитуды вызванных потенциалов при предъявлении объектов неживой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вершинина Е.А., Сафарова Г.Л.* О применении методов математической статистики в клинических и экспериментальных исследованиях // *Успехи геронтологии*. 2019. Т. 32. № 6. С. 1052–1062.
2. *Кропотов Ю.Д., Пронина М.В., Поляков Ю.И., Пономарев В.А.* Функциональные биомаркеры в диагностике психических заболеваний: когнитивные вызванные потенциалы // *Физиология человека*. 2013. Т. 39. № 1. С. 14–25.
3. *Моисеев Г.А. и др.* Классификация и распознавание изображений живой и неживой природы // *Оптический журнал*. 2015. Т. 82. № 10. С. 53–64.
4. *Муравьева С.В. и др.* Стимуляция работы зрительной системы с помощью когнитивной задачи в условиях виртуальной среды у пациентов с шизофренией и депрессией // *Физиология человека*. 2020. Т. 46. № 5. С. 27–36.
5. *Муравьева С.В. и др.* Исследование зрительных когнитивных вызванных потенциалов при шизофрении на ранних стадиях заболевания и их коррекция при помощи интерактивных виртуальных сред // *Физиология человека*. 2017. Т. 43. № 6. С. 24–36.
6. *Шелепин Ю.Е. и др.* Методы иконки и методы картирования мозга в оценке функционального состояния зрительной системы // *Сенсорные системы*. 2014. Т. 28. № 2. С. 61–75.
7. *Щемелева О.В. и др.* Электрофизиологические показатели деятельности мозга в процессе вербального и невербального взаимодействия собеседников // *Физиология человека*. 2019. Т. 45. № 6. С. 16–26.
8. *Abhishek P. et al.* Lower P300 amplitudes for internally-generated events in patients with schizophrenia // *Asian Journal of Psychiatry*. 2018. V. 35. P. 67–71.
9. *Andrade G.N. et al.* Atypical visual and somatosensory adaptation in schizophrenia-spectrum disorders // *Translational Psychiatry*. 2016. V. 6 (5). № e804.
10. *Behroozi M., Daliri M.R., Shekarchi B.* EEG phase patterns reflect the representation of semantic categories of objects // *Medical & Biological Engineering & Computing*. 2016. V. 54. № 1. P. 205–221.
11. *Bodatsch M., Brockhaus-Dumke A., Klosterkötter J., Ruhrmann S.* Forecasting psychosis by event-related potentials — systematic review and specific meta-analysis // *Biological Psychiatry*. 2015. V. 77. № 11. P. 951–958.
12. *Bosworth R.G., Dobkins K.R.* Effects of prematurity on the development of contrast sensitivity: testing the visual experience hypothesis // *Vision Research*. 2013. V. 82. P. 31–41.
13. *Carlson T., Tovar D.A., Alink A., Kriegeskorte N.* Representational dynamics of object vision: The first 1000 ms // *Journal of Vision*. 2013. V. 13. № 10. P. 1. DOI: <https://doi.org/10.1167/13.10.1>
14. *Cerino R., Vergara S.* How objects categorize the human brain: EEG and fMRI as analysis point // *Res. Comput. Sci.* 2020. V. 149. № 4. P. 43–55.
15. *Clarke A., Devereux B.J., Randall B., Tyler L.K.* Predicting the time course of individual objects with MEG // *Cerebral Cortex*. 2015. V. 25. № 10. P. 3602–3612.
16. *Contini E.W., Wardle S.G., Carlson T.A.* Decoding the time-course of object recognition in the human brain: From visual features to categorical decisions // *Neuropsychologia*. 2017. V. 105. P. 165–176.
17. *Devia C. et al.* EEG classification during scene free-viewing for schizophrenia detection // *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*. 2019. V. 27. № 6. P. 1193–1199.
18. *Grootswagers T., Robinson A.K., Shatek S.M., Carlson T.A.* Untangling featural and conceptual object representations // *NeuroImage*. 2019. V. 202. 116083.
19. *Karimi H. et al.* Temporal dynamics of animacy categorization in the brain of patients with mild cognitive impairment // *PloS One*. 2022. V. 17. № 2. P. e0264058.
20. *Khaligh-Razavi S.M., Cichy R.M., Pantazis D., Oliva A.* Tracking the spatiotemporal neural dynamics of real-world object size and animacy in the human brain // *Journ. of Cognitive Neuroscience*. 2018. V. 30. № 11. P. 1559–1576.
21. *Kiang M., Gerritsen C.J.* The N400 event-related brain potential response: A window on deficits in predicting meaning in schizophrenia // *International Journal of Psychophysiology*. 2019. V. 145. P. 65–69.
22. *Li F. et al.* The Time-Varying Networks in P300: new-line A Task-Evoked EEG Study // *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*. 2016. V. 24. № 7. P. 725–733.
23. *Maher S. et al.* Deficient cortical face-sensitive N170 responses and basic visual processing in schizophrenia // *Schizophr. Res.* 2016. V. 170. № 1. P. 87–94.

24. *Martínez A. et al.* Neural oscillatory deficits in schizophrenia predict behavioral and neurocognitive impairments // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. V. 9. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00371>
25. *Mudar R.A. et al.* The effects of amnesic mild cognitive impairment on Go/No Go semantic categorization task performance and event-related potentials // *Journal of Alzheimer's Disease*. 2016. V. 50. № 2. P. 577–590.
26. *Oribe N. et al.* Progressive reduction of visual P300 amplitude in patients with first-episode schizophrenia: an ERP study // *Schizophrenia Bulletin*. 2015. V. 41. № 2. P. 460–470.
27. *Oribe N. et al.* Early and late stages of visual processing in individuals in prodromal state and first episode schizophrenia: An ERP study // *Schizophrenia Research*. 2013. V. 146. P. 95–102.
28. *Ozaki T., Toyomaki A., Hashimoto N., Kusumi I.* Quantitative resting state electroencephalography in patients with schizophrenia spectrum disorders treated with strict monotherapy using atypical antipsychotics // *Clin. Psychopharmacol. Neurosci.* 2021. V. 19. № 2. P. 313–322.
29. *Perrottelli A. et al.* EEG-based measures in at-risk mental state and early stages of schizophrenia: a systematic review // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. V. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.653642>
30. *Pokorny V.J. et al.* Aberrant cortical connectivity during ambiguous object recognition is associated with schizophrenia // *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*. 2021. V. 6. № 12. P. 1193–1201.
31. *Salisbury D.F. et al.* Neutral face and complex object neurophysiological processing deficits in long-term schizophrenia and in first hospitalized schizophrenia-spectrum individuals // *International Journal of Psychophysiology*. 2019. № 145. P. 57–64.
32. *Sklar A.L., Coffman B.A., Salisbury D.F.* Localization of early-stage visual processing deficits at schizophrenia spectrum illness onset using magnetoencephalography // *Schizophrenia Bulletin*. 2020. V. 46. № 4. P. 955–963.
33. *Tremblay E. et al.* Delayed early primary visual pathway development in premature infants: high density electrophysiological evidence // *PLoS One*. 2014. V. 9. № 9. e107992.
34. *Vaziri-Pashkam M., Taylor J., Xu Y.* Spatial frequency tolerant visual object representations in the human ventral and dorsal visual processing pathways // *Journ. of Cognitive Neuroscience*. 2019. V. 31. № 1. P. 49–63.

PECULIARITIES OF THE ACTIVITY OF THE BRAIN STRUCTURES OF PEOPLE WITH SCHIZOPHRENIA DURING THE CATEGORIZATION OF OBJECTS OF ANIMATE AND INANIMATE NATURE²

O. V. Shchemeleva*, S. V. Murav'eva, V. S. Lebedev***, E. A. Vershinina******

*Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
199034, St. Petersburg, emb. Makarova, 6, Russia.*

**Researcher, Laboratory of Physiology of Vision.*

E-mail: oshchemeleva@gmail.com

***PhD (Medicine), Researcher, Laboratory of Physiology of Vision.*

****Graduate Student, Laboratory of Physiology of Vision,*

*****PhD (Biology), Researcher, Laboratory of Information Technologies and Mathematical Modeling.*

Received 31.10.2021

Abstract. One of the features of the work of the brain of people suffering from schizophrenia is changes in the activity of their brain during visual categorization of animate and inanimate objects. The purpose of this study was to analyze the brain activity of people with schizophrenia and their visual categorization of objects with different semantic and physical characteristics. It was assumed that the patterns of brain activity in individuals with schizophrenia would differ from the group of healthy individuals both in the early and late stages of visual processing. Using the method of visual evoked potentials, we studied the features of brain activity in 25 people suffering from schizophrenia from 1 to 7 years old, when they categorized images of animate and inanimate nature, low and high spatial frequency. It was found that the amplitudes of P170 (N170) in the left and right posterior and central leads, as well as the amplitudes of P300 in the central lead in people with

² The study was supported by research project “Technologies for Optimizing and Restoring Human Cognitive Functions in a Virtual Environment” (project No. 14-15-00918 of the Russian Science Foundation at the I.P. Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences).

schizophrenia do not differ during categorization of animate and inanimate objects, which does not correspond to the data obtained earlier from the people without mental health abnormalities. The revealed result is important for a better understanding of the restructuring of the brain during visual perception of objects of different categories, which occurs during the development of schizophrenia.

Keywords: schizophrenia, cognitive visual potentials, high and low frequency, objects of animate and inanimate nature, categorization of objects.

REFERENCES

1. *Vershinina E.A., Safarova G.L.* O primeneniі metodov matematicheskoy statistiki v klinicheskikh i jeksperimental'nyh issledovaniyakh. *Uspеhi gerontologii*. 2019. V. 32. № 6. P. 1052–1062. (In Russian)
2. *Kropotov Ju.D., Pronina M.V., Poljakov Ju.I., Ponomarev V.A.* Funkcional'nye biomarkery v diagnostike psichicheskikh zabolevanij: kognitivnye vyzvannye potentsialy. *Fiziologija cheloveka*. 2013. V. 39. № 1. P. 14–25. (In Russian)
3. *Moiseenko G.A. i dr.* Klassifikacija i raspoznavanie izobrazhenij zhivoj i nezhivoj prirody. *Opticheskij zhurnal*. 2015. V. 82. № 10. P. 53–64. (In Russian)
4. *Murav'eva S.V. i dr.* Stimuljacija raboty zritel'noj sistemy s pomoshh'ju kognitivnoj zadachi v uslovijah virtual'noj sredy u pacientov s shizofreniej i depressiej. *Fiziologija cheloveka*. 2020. V. 46. № 5. P. 27–36. (In Russian)
5. *Murav'eva S.V. i dr.* Issledovanie zritel'nyh kognitivnyh vyzvannyh potentsialov pri shizofrenii na rannih stadijah zabolevanija i ih korrekcija pri pomoshhi interaktivnyh virtual'nyh sred. *Fiziologija cheloveka*. 2017. V. 43. № 6. P. 24–36. (In Russian)
6. *Shelepin Ju.E. i dr.* Metody ikoniki i metody kartirovani-ja mozga v ocenke funkcional'nogo sostojanija zritel'noj sistemy. *Sensornye sistemy*. 2014. V. 28. № 2. P. 61–75. (In Russian)
7. *Shhemeleva O.V. i dr.* Jelektrofiziologicheskie pokazateli dejatel'nosti mozga v processe verbal'nogo i neverbal'nogo vzaimodejstviya sobesednikov. *Fiziologija cheloveka*. 2019. V. 45. № 6. P. 16–26. (In Russian)
8. *Abhishek P. et al.* Lower P300 amplitudes for internally-generated events in patients with schizophrenia. *Asian Journal of Psychiatry*. 2018. V. 35. P. 67–71.
9. *Andrade G.N. et al.* Atypical visual and somatosensory adaptation in schizophrenia-spectrum disorders. *Translational Psychiatry*. 2016. V. 6. (5). № e804.
10. *Behroozi M., Daliri M.R., Shekarchi B.* EEG phase patterns reflect the representation of semantic categories of objects. *Medical & biological engineering & computing*. 2016. V. 54. № 1. P. 205–221.
11. *Bodatsch M., Brockhaus-Dumke A., Klosterkötter J., Ruhrmann S.* Forecasting psychosis by event-related potentials — systematic review and specific meta-analysis. *Biological psychiatry*. 2015. V. 77. № 11. P. 951–958.
12. *Bosworth R.G., Dobkins K.R.* Effects of prematurity on the development of contrast sensitivity: testing the visual experience hypothesis. *Vision Research*. 2013. V. 82. P. 31–41.
13. *Carlson T., Tovar D.A., Alink A., Kriegeskorte N.* Representational dynamics of object vision: The first 1000 ms. *Journal of vision*. 2013. V. 13. № 10. P. 1. DOI: <https://doi.org/10.1167/13.10.1>
14. *Cerino R., Vergara S.* How objects categorize the human brain: EEG and fMRI as analysis point. *Res. Comput. Sci.* 2020. V. 149. № 4. P. 43–55.
15. *Clarke A., Devereux B.J., Randall B., Tyler L.K.* Predicting the time course of individual objects with MEG. *Cerebral Cortex*. 2015. V. 25. № 10. P. 3602–3612.
16. *Contini E.W., Wardle S.G., Carlson T.A.* Decoding the time-course of object recognition in the human brain: From visual features to categorical decisions. *Neuropsychologia*. 2017. V. 105. P. 165–176.
17. *Devia C. et al.* EEG classification during scene free-viewing for schizophrenia detection. *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*. 2019. V. 27. № 6. P. 1193–1199.
18. *Grootswagers T., Robinson A.K., Shatek S.M., Carlson T.A.* Untangling featural and conceptual object representations. *NeuroImage*. 2019. V. 202. 116083.
19. *Karimi H. et al.* Temporal dynamics of animacy categorization in the brain of patients with mild cognitive impairment. *PloS One*. 2022. V. 17. № 2. P. e0264058.
20. *Khaligh-Razavi S.M., Cichy R.M., Pantazis D., Oliva A.* Tracking the spatiotemporal neural dynamics of real-world object size and animacy in the human brain. *Journ. of Cognitive Neuroscience*. 2018. V. 30. № 11. P. 1559–1576.
21. *Kiang M., Gerritsen C.J.* The N400 event-related brain potential response: A window on deficits in predicting meaning in schizophrenia. *International Journ. of Psychophysiology*. 2019. V. 145. P. 65–69.
22. *Li F. et al.* The Time-Varying Networks in P300: _new-line A Task-Evoked EEG Study. *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*. 2016. V. 24. № 7. P. 725–733.
23. *Maher S. et al.* Deficient cortical face-sensitive N170 responses and basic visual processing in schizophrenia. *Schizophr. Res.* 2016. V. 170. № 1. P. 87–94.
24. *Martínez A. et al.* Neural oscillatory deficits in schizophrenia predict behavioral and neurocognitive impairments. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2015. V. 9. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00371>

25. *Mudar R.A. et al.* The effects of amnesic mild cognitive impairment on Go/No Go semantic categorization task performance and event-related potentials. *Journal of Alzheimer's Disease*. 2016. V. 50. № 2. P. 577–590.
26. *Oribe N. et al.* Progressive reduction of visual P300 amplitude in patients with first-episode schizophrenia: an ERP study. *Schizophrenia bulletin*. 2015. V. 41. № 2. P. 460–470.
27. *Oribe N. et al.* Early and late stages of visual processing in individuals in prodromal state and first episode schizophrenia: An ERP study. *Schizophrenia Research*. 2013. V. 146. P. 95–102.
28. *Ozaki T., Toyomaki A., Hashimoto N., Kusumi I.* Quantitative resting state electroencephalography in patients with schizophrenia spectrum disorders treated with strict monotherapy using atypical antipsychotics. *Clin. Psychopharmacol. Neurosci.* 2021. V. 19. № 2. P. 313–322.
29. *Perrottelli A. et al.* EEG-based measures in at-risk mental state and early stages of schizophrenia: a systematic review. *Frontiers in Psychiatry*. 2021. V. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.653642>
30. *Pokorny V.J. et al.* Aberrant cortical connectivity during ambiguous object recognition is associated with schizophrenia. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*. 2021. V. 6. № 12. P. 1193–1201.
31. *Salisbury D.F. et al.* Neutral face and complex object neurophysiological processing deficits in long-term schizophrenia and in first hospitalized schizophrenia-spectrum individuals. *International Journal of Psychophysiology*. 2019. № 145. P. 57–64.
32. *Sklar A.L., Coffman B.A., Salisbury D.F.* Localization of early-stage visual processing deficits at schizophrenia spectrum illness onset using magnetoencephalography. *Schizophrenia Bulletin*. 2020. V. 46. № 4. P. 955–963.
33. *Tremblay E. et al.* Delayed early primary visual pathway development in premature infants: high density electrophysiological evidence. *PLoS One*. 2014. V. 9 № 9. e107992.
34. *Vaziri-Pashkam M., Taylor J., Xu Y.* Spatial frequency tolerant visual object representations in the human ventral and dorsal visual processing pathways. *Journ. of Cognitive Neuroscience*. 2019. V. 31. № 1. P. 49–63.

УДК 159.9.072

РУССКОЯЗЫЧНАЯ АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ МОТИВОВ ПОЛЬЗОВАНИЯ СЕРВИСАМИ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ¹

© 2023 г. А. Е. Воробьева^{1,*}, Д. А. Шмидт^{**}, Т. А. Нестик^{1,***}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии.

E-mail: aeVorobieva@yandex.ru

**Выпускница аспирантуры Московского гуманитарного университета, индивидуальный предприниматель, психолог-исследователь.

E-mail: dariashmidt@mail.ru

***Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии.

E-mail: nestik@gmail.com

Поступила 22.11.2022

Аннотация. Статья посвящена психологическим аспектам использования сервисов онлайн-знакомств и инструментария для изучения мотивов пользователей таких сервисов. Был выполнен теоретический анализ российских и зарубежных исследований пользователей сервисов онлайн-знакомств. Анализ показал, что общий исследовательский интерес связан с личностными характеристиками пользователей и их стратегиями самопрезентации в таких сервисах, кроме того, среди зарубежных исследователей распространено изучение особенностей сексуального поведения и мотивации пользователей, а также восприятия ими конфиденциальности данных, предоставляемых таким сервисам. Не было обнаружено русскоязычных работ по проблеме мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств. В связи с отсутствием русскоязычного инструментария для адаптации была выбрана самая объемная по количеству представленных мотивов методика Tinder Motives Scale, разработанная Э. Тиммерманс (Timmermans), Э. де Калуве (De Caluwé). Проведенная работа по русскоязычной адаптации и проверке психометрических свойств методики на выборке общим объемом 3540 человек (мужчин 2255 чел., возраст от 18 до 60 лет и более) позволила предложить валидную и надежную, сокращенную (с 58 до 22 пунктов) и модифицированную русскоязычную версию методики для диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств (добавлена шкала “Материальная мотивация”, не подтвердились шкалы “Флирт / развитие навыков общения”, “Путешествия”, “Принадлежность к группе”, “Давление друзей”, “Поиск людей с той же сексуальной ориентацией”, “Отвлечение от дел”, “Любопытство”).

Ключевые слова: мотивация онлайн-знакомств, цифровая революция, виртуальная реальность, цифровое поведение, психологические аспекты цифровизации.

DOI: 10.31857/S020595920024909-5

Пандемия COVID-19 стала фактором, ускорившим цифровизацию ряда услуг в России (торговля, доставка, психологическое консультирование и психотерапия и др.). По данным исследования банка “Русский стандарт” (2020–2021 гг.), в период пандемии россияне (особенно женщины) увеличили объем своих расходов на онлайн-знакомства [11].

Онлайн-знакомства могут осуществляться как с помощью специализированных сервисов (сайтов, приложений), так и на общих коммуникативных площадках (социальные сети, форумы, чаты многопользовательских онлайн-игр). Среди специализированных сервисов можно выделить как массовые (Mamba, Tinder, Badoo и др.), так и ориентированные на конкретные социальные группы (религиозные (Прихожане.ру, Nikah.su и др.), этнические (Анает и др.), социально-экономические (Luxu и др.) и пр.) [9].

¹ Работа выполняется по Госзаданию 0138-2021-0010 “Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений”.

В работах российских авторов онлайн-знакомства рассматриваются как новый способ реализации поиска брачного партнера [3; 5; 7; 8], анализируются личностные характеристики (самооценка [1]), характеристики внешнего облика, представленные в профиле [6], и ритуалы общения [4] пользователей.

В зарубежной литературе можно найти немало исследований пользователей сервисов онлайн-знакомств, преимущественно Tinder как наиболее популярного в настоящее время [16; 23]. Особенности данного сервиса стали минимум текста в профиле, акцент на фотографиях, поиск людей по геолокации, возможность переписки только в случае взаимной симпатии (выраженной пользователем смахиванием анкеты понравившегося человека вправо). Зарубежные исследования сервисов онлайн-знакомств сосредоточены на анализе изменения сексуального поведения их пользователей [20; 27], их личностных характеристиках (поиск ощущений, тревожность, одиночество, нарциссизм, самооценка, чувствительность к отвержению и др.) [18; 21; 28; 29; 34; 36; 41], мотивации пользования такими сервисами [25; 35; 42], восприятию конфиденциальности своих данных [29], обмане в самопрезентации [22; 26; 38; 39; 40].

Как и ряд других цифровых практик, приложение Tinder в общественном дискурсе оценивается как фактор, изменяющий поведение пользователей, в частности популяризирующий быстрые знакомства, не ориентированные на длительные отношения [33], однако научные исследования показывают, что пользователи руководствуются целым спектром мотивов, среди которых называют: поиск любви, случайного секса, легкость коммуникации (по сравнению с другими способами знакомств), подтверждение собственной ценности в глазах других людей [30], поиск ощущений [2], следование моде [35], поиск партнера с той же сексуальной ориентацией [15; 19; 31; 32], развитие навыков флирта, знакомства в другой стране, желание забыть прошлые отношения, влияние ближайшего окружения, желание занять чем-то свободное время [37], желание получить психологическую поддержку, реализовать свои субличности, улучшить материальное положение [5]. Часть из этих мотивов систематизированы авторами на категории, часть собраны путем глубинных интервью с пользователями и не подвергались последующему анализу. Так, С.Р. Самтер (Sumter) и Л. Ванденбош (Vandenbosch) выделяют мотивы отношений (секс и любовь), внутриличностные мотивы (легкость коммуникации, поддержка самооценки) и развлекательные (поиск ощущений, влияние окружения) [36].

Зарубежными исследователями разработано несколько методик для изучения мотивации пользования сервисами онлайн-знакомств: Tinder Motivation (6 шкал: 46 пунктов) [35], Tinder Motives Scale (13 шкал: 57 пунктов) [37], Dating App Motivation Scale (6 шкал: 24 пункта) [36], Tinder Use Motivations Scale (4 шкалы: 16 пунктов) [30]. Из них для русскоязычной адаптации нами была выбрана самая объемная по количеству представленных мотивов методика — Tinder Motives Scale [37]. Несмотря на свое название, она может быть применена к любым сервисам онлайн-знакомств, к чему призывают сами авторы методики. Примером также служит модификация методики Tinder Motivation в методику Dating App Motivation Scale с сокращением объема и сохранением шкал для изучения пользователей Grindr, Happn, Scruff [36]. Также было выявлено отсутствие различий в мотивации между пользователями приложений и сайтов для знакомств [24].

Цель: выполнить русскоязычную адаптацию методики для диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств.

Задача: создать максимально компактную валидную и надежную русскоязычную версию методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств.

Задача компактности была сформулирована нами, исходя из современных тенденций к сокращению объема исследовательского инструментария, с учетом доминирования онлайн-исследований, приводящих к более быстрому по сравнению с очным форматом утомлению респондентов и демотивации продолжения участия в исследовании.

МЕТОДИКА

Участники исследования и способ сбора данных. Общий объем выборки адаптации составил 3540 человек.

Выборка 1-го этапа адаптации составила 3340 респондентов (мужчин 2180 и 1160 женщин) (подробно состав выборки см. в табл. 1).

Таблица 1. Выборка первого этапа исследования, человек

Возраст	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
18–29 лет	71	40	111
30–39 лет	915	313	1228
40–49 лет	820	453	1273
50–59 лет	323	284	607
60 лет и старше	51	70	121
Всего	2180	1160	3340

Был проведен онлайн-опрос с использованием платформы SurveyMonkey на случайной выборке. Была предусмотрена ротация утверждений, т.е. пункты предъявлялись в случайной последовательности. Приглашение к участию в опросе демонстрировалось вновь зарегистрированным пользователям российского сервиса онлайн-знакомств (по условиям сотрудничества мы не можем указать название данного сервиса). За участие в опросе респонденты получали небольшое вознаграждение в условных монетах, которые они могли использовать только внутри данного сервиса знакомств для покупки дополнительных услуг.

Массив данных, полученный в результате опроса вновь зарегистрированных пользователей сервиса онлайн-знакомств, был очищен от незавершенных анкет и анкет, содержащих пропуски.

Выборка 2-го этапа адаптации составила 200 человек (125 женщин и 75 мужчин) в возрасте от 18 до 60 лет и старше. Из них 100 человек активных пользователей сервисов онлайн-знакомств и 100 человек неактивных пользователей.

Для проверки тест-ретестовой надежности были повторно опрошены 30 человек (23 женщины и 7 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет и старше) из этих 200 через три недели после первого заполнения.

Онлайн-опрос проводился с использованием платформы Anketolog на панельной выборке. Была предусмотрена ротация утверждений, т.е. пункты предъявлялись в случайной последовательности. Приглашение к участию в опросе демонстрировалось респондентам-пользователям данного сервиса. За участие в опросе респонденты получали небольшое вознаграждение — 80 руб.

Так как на данном этапе исследования участвовали респонденты с разным опытом пользования сервисами знакомств, инструкция к методике была изменена следующим образом: “Я пользуюсь/пользовался/мог бы пользоваться сайтами или приложениями для знакомств”. Респонденты отвечали, исходя из своего статуса пользователя.

Использованные методики. Для формирования групп сравнения использовался вопрос: “Пользовались ли Вы когда-либо сайтами или приложениями для знакомств?”. Ответы “Активно пользовался в течение последнего года” и “Неактивно пользовался в течение последнего года” были отнесены к группе “Активные пользователи”, а ответы “Пользовался более года назад” и “Никогда не пользовался” были отнесены к группе “Неактивные пользователи”.

Tinder Motives Scale [37] состоит из 58 пунктов, образующих 13 шкал (социальное признание, поиск отношений, секс, флирт/социальные навыки, путешествия, бывший, принадлежность, давление друзей, социализация, сексуальная ориентация, провести время/развлечься, отвлечься, любопытство).

Текст методики был подвергнут прямому и обратному переводу. Прямой перевод был выполнен авторами данной статьи и затем проверен кандидатом филологических наук, преподавателем академического английского языка. Обратный перевод (британская версия английского языка) был выполнен носителем языка, сотрудником бюро переводов Translated. Результаты приведены в приложении 1.

Далее для проверки соответствия формулировок пунктов методики специфике русского языка и культуры было проведено интервью методом think-aloud с 5 респондентами разного пола и возраста: 3 мужчин в возрасте 21 год, 38 и 47 лет, а также 2 женщины в возрасте 19 лет и 31 года. Двое из 5 участников интервью отметили чрезмерность общего объема методики, 3 из 5 респондентов испытывали затруднение при ответе на пункты, относящиеся к шкале “сексуальная ориентация”, так как идентифицировали себя как гетеросексуальных людей, а формулировки данных пунктов предполагали использование сервиса онлайн-знакомств для поиска людей с более редко встречающейся сексуальной ориентацией (около 10% населения). Несмотря на это, нами было решено оставить хотя бы один пункт из данной шкалы для апробации, чтобы не сокращать количество шкал. Однако уже на этом этапе можно предполагать, что шкала “сексуальная ориентация” не выделится на российской выборке, так как люди с негетеросексуальной ориентацией являются труднодоступной выборкой [12] и пользуются специализированными, а не массовыми сервисами онлайн-знакомств, чтобы минимизировать общение с людьми, имеющими предубеждения [10].

В результате из текста методики были исключены пункты, которые оценивались участниками интервью как непонятные или дублирующие по смыслу другие пункты, а именно 19, 21, 23–26, 28, 31–34, 36, 38, 40, 42, 44–48, 51, 52, 54–56, 58. С нашей точки зрения, сохранение данных пунктов в полном объеме негативно сказалось бы на очевидной валидности методики и раздражало бы респондентов.

С учетом культурных особенностей российской выборки пользователей сервисов онлайн-знакомств [5] в методику было добавлено 5 вопросов,

которые, с нашей точки зрения, отражали “материальную” мотивацию пользователей. Таким образом, получилась методика, состоящая из 37 пунктов, образующих 14 шкал (см. приложение 2).

Статистическая обработка данных. Статистическая обработка проводилась с использованием IBM SPSS Statistics 23 и Jamovi 2.2.5 solid.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проверка факторной валидности и надежности методики. Ответы на методику мотивации использования сервиса онлайн-знакомств, состоящую из 37 пунктов, были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент (вращение Varimax нормализованное), который позволил выделить 7 факторов, объясняющих 59% дисперсии.

Был выполнен корреляционный анализ ответов на методику мотивации использования сервиса онлайн-знакомств, в результате которого из анализа были исключены вопросы, не имеющие сильных (более 0.5) статистически значимых корреляций ни с одним вопросом, и были оставлены имеющие сильные статистически значимые корреляции с членами своего фактора и слабые статистически незначимые корреляции с членами любого другого фактора. Таким образом, в методике осталось 28 пунктов.

Повторный факторный анализ по методу главных компонент (вращение Varimax нормализованное) оставшихся вопросов методики мотивации использования сервиса онлайн-знакомств позволил выделить 7 факторов, объясняющих 68% дисперсии, которые были интерпретированы как шкалы методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств: “Социальное признание” (фактор 1), “Поиск серьезных отношений” (фактор 3), “Секс” (фактор 2), “Расставание с бывшими” (фактор 7), “Расширение круга знакомств” (фактор 4), “Развлечение” (фактор 5), “Материальная мотивация” (фактор 6).

Был выполнен анализ надежности этих шкал, а также анализ дискриминативности, в результате которого были удалены вопросы, снижающие надежность и дискриминативность шкал. Таким образом, в методике осталось 26 пунктов.

Вновь выполненный факторный анализ по методу главных компонент (вращение Varimax нормализованное) оставшихся вопросов методики мотивации использования сервиса онлайн-знакомств также дал 7-факторное решение, объясняющее 70% дисперсии.

С целью дальнейшего сокращения объема методики мотивации использования сервиса онлайн-знакомств из шкал “Социальное признание” и “Секс” было исключено еще несколько пунктов без ущерба для надежности этих шкал, с сохранением 7-факторной структуры (табл. 2) и повышением объясняемой дисперсии (до 72.7%).

Дальнейшие попытки сокращения объема методики мотивации использования сервиса онлайн-знакомств приводили к нарушению 7-факторной структуры в сторону уменьшения числа факторов и снижения объясняемой дисперсии. В связи с этим было решено остановиться на 7 шкалах, содержащих от 2 до 4 вопросов (итого 22 вопроса в методике). Результаты приведены в приложении 3. Описательные статистики по шкалам приведены в табл. 3.

Данная структура была дополнительно подвергнута конфирматорному факторному анализу, который показал, что 7-факторная модель из 22 переменных мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств обладает приемлемыми критериями согласия: $CFI = 0.949$, $TLI = 0.938$, $RMSEA = 0.0531$ (табл. 4).

Проверка критериальной валидности методики. Массив данных, собранных для проверки критериальной валидности, был подвергнут анализу различий между контрастными группами (t-test для независимых выборок). Не было обнаружено статистически значимых различий по шкалам “Секс” (различия значимы на уровне тенденции), “Развлечение”, “Расставание с бывшими” в ответах активных и неактивных пользователей сервисов онлайн-знакомств (табл. 5). Поиск секса, развлечения и пр. — это репрезентация массовых представлений о том, зачем люди пользуются сервисами онлайн-знакомств [4; 33], поэтому по данным шкалам ответы активных и неактивных пользователей не отличаются.

Проверка тест-ретестовой надежности. Массив данных, собранных для проверки тест-ретестовой надежности, был подвергнут корреляционному анализу (критерий Спирмана). Были получены средние и слабые корреляционные связи (табл. 6), что, с нашей точки зрения, объясняется не слишком высокой стабильностью измеряемого конструкта, так как пользователи не всегда знают, чего конкретно ожидать от сервисов знакомств, а их предпочтения характеризуются динамичностью [13].

При этом обращает на себя внимание, что самая низкая корреляция по шкале “Расставание с бывшими”. Так как между первым и вторым замером

Таблица 2. Результаты факторного анализа 22 пунктов методики по методу главных компонент (вращение Varimax нормализованное) (жирным выделены самые большие факторные нагрузки)

	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Чтобы повысить самооценку	0.809	0.006	0.099	0.129	0.089	0.139	0.152
Чтобы самоутвердиться	0.721	−0.014	0.088	0.167	0.141	0.173	0.223
Чтобы узнать, насколько я нравлюсь другим	0.714	0.089	0.306	0.152	0.123	0.092	0.042
Чтобы лучше оценить свою собственную привлекательность	0.783	0.062	0.221	0.157	0.107	0.074	0.123
Чтобы найти серьезные отношения	0.024	0.91	0.064	−0.130	−0.164	0.036	0.032
Чтобы найти свою любовь	0.056	0.91	0.089	−0.123	−0.093	0.079	0.025
Чтобы встретить будущего(ую) супруга(у)	0.036	0.907	0.038	−0.118	−0.147	0.063	0.045
Чтобы расширить свой сексуальный опыт	0.199	−0.133	0.167	0.113	0.827	0.079	0.052
Чтобы реализовать свои сексуальные фантазии	0.154	−0.162	0.128	0.099	0.85	0.052	0.058
Чтобы найти любовника/любовницу	0.051	−0.121	0.151	0.14	0.796	0.025	0.034
Чтобы расширить опыт общения	0.320	0.011	0.665	0.161	0.138	0.066	0.013
Чтобы во время путешествий находить компанию, с которой можно повеселиться	0.094	0.041	0.587	0.119	0.201	0.156	0.231
Чтобы забыть своего бывшего/свою бывшую	0.168	0.095	0.094	0.087	0.062	0.896	0.121
Чтобы отвлечься от мыслей о бывшем/бывшей	0.203	0.082	0.113	0.125	0.069	0.879	0.111
Чтобы найти новых друзей	0.145	0.062	0.838	0.096	−0.002	0.04	0.029
Чтобы завести новые знакомства	0.117	0.077	0.755	0.074	0.189	0.021	−0.044
От нечего делать	0.064	−0.091	0.053	0.834	0.005	0.027	0.071
Ради развлечения	0.094	−0.205	0.175	0.716	0.31	0.015	0.027
Чтобы отвлечься на учебе/работе	0.197	−0.097	0.170	0.593	0.126	0.205	0.129
Из любопытства	0.254	−0.061	0.093	0.746	0.066	0.055	0.046
Чтобы улучшить свое материальное положение	0.206	0.075	0.087	0.064	−0.002	0.102	0.85
Чтобы получить выгоду	0.194	0.018	0.035	0.139	0.118	0.118	0.833

Таблица 3. Описательные статистики по шкалам опросника.

Шкала	Альфа Кронбаха	<i>M</i>	<i>SD</i>	Асимметрия	Экссесс
Социальное признание (повышение самооценки)	0.84	2.8	1.69	0.79	−0.31
Поиск серьезных отношений	0.93	4.99	2.12	−0.69	−0.94
Секс	0.85	3.73	2.08	0.15	−1.32
Расширение круга знакомств	0.76	4.3	1.65	−0.17	−0.82
Развлечение	0.78	2.89	1.64	0.64	−0.48
Расставание с бывшими	0.86	2.1	1.75	1.6	1.28
Материальная мотивация	0.74	1.65	1.3	2.36	5.31
Для всей методики 0.85					

Таблица 4. Результаты сравнения пригодности моделей в ходе структурного моделирования

	Тестируемые модели	χ^2	<i>df</i>	χ^2/df (<3)	<i>CFI</i> (≥ 0.9)	<i>TLI</i> (≥ 0.95)	<i>RMSEA</i> (≤ 0.08)	<i>SRMR</i> (≤ 0.08)
На выборке 1 этапа (3340 чел.)	14-факторная модель на 37 пунктах	7426	544	13.65	0.882	0.855	0.0615	0.078
	7-факторная модель на 22 пунктах	1961	188	10.43	0.949	0.938	0.0531	0.0441
На выборке 2 этапа (200 чел.)	7-факторная модель на 22 пунктах	296	169	1.75	0.954	0.938	0.0613	0.0491

Таблица 5. Различия мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств у активных и неактивных пользователей

Шкала	Средние		<i>T</i>	<i>p</i>
	Активные пользователи	Неактивные пользователи		
Социальное признание	16.24	12.55	−3.611	0.000
Поиск серьезных отношений	14.65	10.37	−4.849	0.000
Секс	9.06	7.64	−1.704	0.09*
Расширение круга знакомств	19.12	15.22	−4.041	0.000
Развлечение	15.38	14.25	−1.155	0.2
Расставание с бывшими	6.2	5.82	−0.649	0.5
Материальная мотивация	4.32	3.16	−3.019	0.003

* Различия значимы на уровне статистической тенденции ($p < 0.1$).

Таблица 6. Результаты корреляции теста и ретеста

Шкала	<i>R</i>	<i>p</i>
Социальное признание	0.542	0.002
Поиск серьезных отношений	0.580	0.001
Секс	0.633	0.000
Расширение круга знакомств	0.795	0.000
Развлечение	0.475	0.008
Расставание с бывшими	0.334	0.07*
Материальная мотивация	0.512	0.004

* Корреляция значима на уровне статистической тенденции ($p < 0.1$).

прошло три недели, можно предположить, что за это время актуальность потребности отвлечься от негативных переживаний, связанных с завершением предыдущих отношений, снизилась. Еще одной невысокой корреляцией характеризуется шкала “Развлечение”, что также можно интерпретировать как пресыщение пользователей данным способом проведения досуга спустя три недели.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выполненная русскоязычная адаптация методики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств восполняет существующий в российской психологии методический пробел и позволяет расширить спектр исследований пользователей сервисов онлайн-знакомств, в том числе кросс-культурных. Недостатком предложенной адаптации можно считать редукцию ряда шкал оригинальной методики (“Флирт/развитие навыков общения”, “Путешествия”, “Принадлежность к группе”, “Давление друзей”, “Поиск людей с той же сексуальной ориентацией”, “Отвлечение от дел”, “Любопытство”). Достоинствами предложенной адаптации можно считать учет культурной специфики русскоязычной популяции (в том числе добавление шкалы “Материальная мотивация”) и хорошие показатели репрезентативности, надежности, валидности.

Итоговая версия методики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств была использована для исследования типов российских пользователей данных сервисов на представительной выборке (6747 человек в возрасте 18–59 лет) и позволила выделить 8 мужских и 9 женских типов пользователей [14]. Полученные в этом исследовании данные соотносятся с результатами зарубежных исследований о различиях в мотивации пользования приложениями для знакомств мужчин и женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В зарубежной литературе удалось обнаружить большее количество и разнообразие исследований психологических характеристик пользователей сервисов онлайн-знакомств, чем в российской литературе. При этом в русскоязычных источниках не было обнаружено исследований мотивации пользователей подобных сервисов.

На большой выборке российских пользователей сервисов онлайн-знакомств удалось адаптировать валидную и надежную методику Э. Тиммерманс (Timmermans) и Э. де Калуве (De Caluwé), которая может быть полезна как для академических, так и прикладных задач.

К мотивам, измеряемым данной методикой у российских пользователей сервисов онлайн-знакомств, относятся: социальное признание (повышение самооценки), поиск серьезных отношений, секс, расширение круга знакомств, развлечение, расставание с бывшими, материальная мотивация. Среди них универсальными для разных культур являются мотивы: повышения самооценки, поиска серьезных отношений, секса, развлечения. Таким образом, мотивы, связанные с легкостью коммуникации и влиянием ближайшего окружения, являются характерными только для западных пользователей, а материальная мотивация характерна только для российских пользователей.

С нашей точки зрения, представляет интерес исследование мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств в контексте дружеских, сексуальных, семейных и тому подобных отношений и их трансформации в современном обществе (феномен “жидкая” любовь (liquid love) по З. Бауману (Bauman) [17]). Перспективным для дальнейших исследований может быть анализ динамики мотивов пользователей в зависимости от продолжительности пользования каким-либо сервисом онлайн-знакомств, удовлетворенности результатами пользования и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекетова Е.А., Колесникова В.О. Особенности самооценки у людей, осуществляющих знакомство в интернет-пространстве и реальной жизни // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11 (часть 4). С. 691–693.
2. Демечук А.В. Мобильные приложения для знакомств: трансформация интимности // Социальная реальность виртуального пространства: Материалы I Международной научно-практической конференции. 20–23 сентября 2019 г., Иркутск / Под общ. ред.

- О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. С. 157–160.
3. *Кашитанова О.В.* Стратегические и тактические приемы брачного выбора // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 315–318.
4. *Матанцева Д.А.* Стереотипы и нарушение социальных ритуалов общения на сайтах знакомств (Vadoo) // Социологический нарратив 2020. Общество в эпоху турбулентности: поиски, угрозы и перспективы: Сборник статей по материалам XIX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов / Под общ. ред. Р.И. Анисимова. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 2020. С. 214–223.
5. *Матвеев В.В.* Информационно-коммуникационные технологии как социокультурная практика знакомств // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 5 (105). С. 96–102.
6. *Мелешников А.А.* Роль интерпретации и оценки физического облика при общении на сайтах знакомств // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 4. С. 166–170.
7. *Миронова Ю.Г.* Альтернативная форма матримониального поведения: интернет-знакомства // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 2. С. 157–164.
8. *Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А.* Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ // Социология. 2017. № 4. С. 32–35.
9. *Панкратова Л.С.* Этические проблемы и политика регулирования внедрения технологий искусственного интеллекта в сервисы онлайн знакомств // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 47–50.
10. *Пипия К.* “Невидимое меньшинство”: к проблеме гомофобии в России // Левада-центр². URL: <https://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/> (дата обращения: 09.10.2022).
11. Россияне в пандемию стали больше тратить на онлайн-знакомства // РИА Новости. 31.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211031/onlayn-znakomstva-1757059955.html> (дата обращения: 30.11.2021).
12. *Толкачев Д.С.* Особенности исследований сексуальной ориентации: демографические характеристики российских гомосексуалов // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 3. С. 74–95.
13. *Урусова Е.А., Хусяинов Т.М.* Неслучайные встречи: как технологизируются знакомства и отношения в условиях общества постмодерна // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 4. С. 31–40.
14. *Шмидт Д.А., Воробьева А.Е.* Типы российских пользователей сервисов интернет-знакомств: мотивация и личностные черты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 119–139.
15. *Ansari A.* Modern Romance. L.: Allen Lane, 2015.
16. *Ayers C.* Tinder: The app that’s setting the dating scene on fire. 2014. URL: <http://www.theaustralian.com.au/life/weekend-australian-magazine/tinder-the-app-thats-setting-the-dating-scene-on-fire/story-e6frg8h6-1226933263450> (date of access: 21.09.2015).
17. *Bauman Z.* Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity, 2003.
18. *Blackhart G.C., Fitzpatrick J., Williamson J.* Dispositional factors predicting use of online dating sites and behaviors related to online dating // Computers in Human Behavior. 2014. № 33. P. 113–118.
19. *Blackwell C., Birnholz J., Abbott C.* Seeing and Being Seen: Co-situation and Impression Formation using Grindr, a Location-aware Gay Dating App // New Media & Society. 2015. V. 7. № 17. P. 1117–1136.
20. *Botnen E.O., Bendixen M., Grøntvedt T.V., Kennair L.E.O.* Individual differences in sociosexuality predict picture-based mobile dating app use // Personality and Individual Differences. 2018. № 131. P. 67–73.
21. *Chan L.S.* Who uses dating apps? Exploring the relationships among trust, sensation-seeking, smartphone use, and the intent to use dating apps based on the integrative model // Computers in Human Behavior. 2017. № 72. P. 246–258.
22. *Ellison N.B., Hancock J.T., Toma C.L.* Profile as promise: A framework for conceptualizing veracity in online dating self-presentations // New Media and Society. 2012. № 14. P. 45–62.
23. *Freier A.* Tinder mobile app statistics and revenue. 2015. URL: <http://www.businessofapps.com/tinder-mobile-app-statistics-and-revenue/> (date of access: 22.09.2015)
24. *Gatter K., Hodkinson K.* On the differences between Tinder versus online dating agencies: Questioning a myth. An exploratory study // Cogent Psychology. 2016. V. 1. № 3.
25. *Gudeluna D.* There’s an app for that: The uses and gratifications of online social networks for gay men // Sexuality & Culture. 2012. V. 4. № 16. P. 347–365.
26. *Hall J.A., Park N., Song H., Cody M.J.* Strategic misrepresentation in online dating: The effects of gender, self-monitoring, and personality traits // Journal of Social and Personal Relationships. 2010. № 27. P. 117–135.
27. *Jankowiak W. et al.* Teasing with Sex, Hunting for a Relationship: What a Popular Adult Dating/Sex Site Can Tell Us About 21st Century USA Female Sexual Behavior. URL: <https://www.binghamton.edu/evos/evos/wp->

² АНО “Левада-Центр” внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

- content/uploads/2009/08/Teasing-with-Sex.pdf (date of access: 14.11.2020)
28. *Korchmaros J.D., Ybarra M.L., Mitchell K.J.* Adolescent online romantic relationship initiation: differences by sexual and gender identification // *Journal of Adolescence*. 2015. № 40. P. 54–64.
 29. *Lutz C., Ranzini G.* Where Dating Meets Data: Investigating Social and Institutional Privacy Concerns on Tinder // *Social Media + Society*. 2017. V. 3. № 1.
 30. *Orosz G. et al.* The personality, motivational, and need-based background of problematic Tinder use // *Journal of Behavioral Addictions*. 2018. № 7. P. 301–316.
 31. *Race K.* Speculative Pragmatism and Intimate Arrangements: Online Hook-up Devices in Gay Life // *Culture, Health and Sexuality*. 2015. V. 4. № 17. P. 496–511.
 32. *Rosenfeld M.J., Thomas R.J.* Searching for a Mate: The Rise of the Internet as a Social Intermediary // *American Sociological Review*. 2012. V. 4. № 77. P. 523–547.
 33. *Sales N.J.* Tinder and the dawn of the “Dating apocalypse”. URL: <http://www.vanityfair.com/culture/2015/08/tinder-hook-up-culture-end-of-dating> (date of access: 30.08.2022)
 34. *Stevens S.B., Morris T.L.* College dating and social anxiety: using the Internet as a means of connecting to others // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. V. 5. № 10. P. 680–688.
 35. *Sumter S., Vandenbosch L., Ligtenberg L.* Love me Tinder: Untangling emerging adults’ motivations for using the dating application Tinder // *Telematics and Informatics*. 2016. V. 1. № 34. P. 67–78.
 36. *Sumter S.R., Vandenbosch L.* Dating gone mobile: Demographic and personality-based correlates of using smartphone-based dating applications among emerging adults // *New media & Society*. 2019. V. 3. № 21. P. 655–673.
 37. *Timmermans E., De Caluwé E.* Development and Validation of the Tinder Motives Scale (TMS) // *Computers in Human Behavior*. 2017. № 70. P. 341–350.
 38. *Toma C.L., Hancock J.T.* Looks and lies: The role of physical attractiveness in online dating self-presentation and deception // *Communication Research*. 2010. № 37. P. 335–351.
 39. *Toma C.L., Hancock J.T.* What lies beneath: The linguistic traces of deception in online dating profiles // *Journal of Communication*. 2012. № 62. P. 78–97.
 40. *Toma C.L., Hancock J.T., Ellison N.B.* Separating fact from fiction: An examination of deceptive self-presentation in online dating profiles // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. № 34. P. 1023–1036.
 41. *Valkenburg P.M., Peter J.* Who visits online dating sites? Exploring some characteristics of online daters // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. V. 6. № 10. P. 849–852.
 42. *Van De Wiele C., Tong S.T.* Breaking boundaries: The uses & gratifications of grindr // *Proceedings of the 2014 ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing*. 2014. P. 619–630.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Перевод методики

Прямой перевод		Обратный перевод	Оригинал
Я использую Тиндер, чтобы...		I use Tinder to...	I use Tinder...
1	Чтобы повысить самооценку	To boost self-esteem	To get an “ego-boost”.
2	Чтобы самоутвердиться	To assert myself	To get self-validation from others.
3	Чтобы узнать, насколько я нравлюсь другим	To find out how much others like me	To see how desirable I am.
4	Чтобы собрать комплименты	To collect compliments	To get compliments.
5	Чтобы лучше оценить свою собственную привлекательность	To better assess my own attractiveness	To be able to better estimate my own attractiveness.
6	Чтобы получить внимание	To get attention	To get attention.
7	Чтобы найти серьезные отношения	To find a serious relationship	To find someone for a serious relationship.
8	Чтобы найти свою любовь	To find my love	To fall in love.
9	Чтобы встретить будущего супруга(у)	To meet my future spouse	To meet a future husband or wife.
10	Чтобы найти родственную душу	To find my soul mate	To build an emotional connection with someone.
11	Чтобы сходить с кем-то на свидание	To go on a date with someone	To seek out someone to date.
12	Чтобы найти постоянный секс (партнера для регулярного секса)	To find regular sex (a partner for regular sex)	To find a friend-with-benefits/fuckbuddy.

	Прямой перевод	Обратный перевод	Оригинал
	Я использую Тиндер, чтобы...	I use Tinder to...	I use Tinder...
13	Чтобы найти разовый секс	To find one-time sex	To find a one-night-stand.
14	Чтобы посмотреть, насколько легко найти сексуального партнера	To see how easy I can find a sexual partner	To see how easy it is to find a sex partner.
15	Чтобы увеличить сексуальный опыт	To enhance the sexual experience	To increase my sexual experience.
16	Чтобы реализовать свои сексуальные фантазии	To realize my sexual fantasies	To live out a sexual fantasy.
17	Чтобы найти любовника / любовницу	To find a lover	To find a lover/mistress.
18	Чтобы научиться флиртовать	To learn how to flirt	To learn to flirt.
19	Чтобы набраться опыта общения	To gain experience in communication	To improve my social skills.
20	Чтобы флиртовать больше	To flirt more	To increase my flirting experience.
21	Чтобы стать более уверенным в своих навыках общения с людьми	To become more confident in my communication skills	To gain more self-confidence in my social skills.
22	Потому, что мне трудно общаться с людьми в реальной жизни	Because it's hard for me to communicate with people in real life	Because it is hard to talk to people in real life.
23	Чтобы комфортнее сделать первый шаг	To make it more comfortable to take the first step	Because it is a more enjoyable to make the first move.
24	Чтобы получать советы от местных жителей (о ресторанах, шопинге, вечеринках) во время путешествий	To get tips from locals (about restaurants, shopping, parties) when travelling	To get tips from locals (in restaurants, shopping, party,...) when travelling.
25	Чтобы во время путешествий знакомиться с другими туристами и местными жителями	To meet other tourists and locals while travelling	To meet other travelers/locals when in a foreign country.
26	Чтобы во время путешествий узнавать у местных точки доступа в интернет	To find out Internet access points from locals when travelling	To learn about hotspots in foreign countries through locals.
27	Чтобы во время путешествий легко находить компанию, с которой можно повеселиться	To easily find a group of people to have fun with while travelling	To easily find people that are willing to party when in a foreign country.
28	Чтобы во время путешествий завязать новые знакомства	To make new acquaintances while travelling	To broaden my social network when on an abroad / exchange experience.
29	Чтобы забыть своего бывшего / свою бывшую	To get over my ex-boyfriend / ex-girlfriend	To get over my ex.
30	Чтобы отвлечься от мыслей о бывшем / бывшей	To take my mind off my ex-girlfriend / ex-boyfriend	To think less about my ex.
31	Чтобы больше не обращать внимание на своего бывшего / свою бывшую	To no longer pay attention to my ex-boyfriend / ex-girlfriend	So that I do not focus my attention on my ex anymore.
32	Потому, что хочу быть в тренде	Because I want to be trendy	Because I want to be trendy.
33	Потому, что это круто	Because it's cool.	To be cool.
34	Потому, что это сейчас модно	Because it's fashionably now	Because it is a fad.
35	Потому, что все им пользуются	Because everyone uses it	Because everyone uses Tinder.
36	Потому, что друзья сказали, что мне обязательно надо зарегистрироваться	Because my friends said that I definitely need to register	Because my friends thought I should use Tinder.
37	Потому, что друзья порекомендовали	Because my friends recommended it	As suggested by friends.
38	Потому, что мне просто создали профиль	Because they just created a profile for me	Because someone else made me a Tinder profile.
39	Чтобы найти новых друзей	To find new friends	To make new friends.
40	Чтобы расширить круг знакомств	To expand my circle of acquaintances	To broaden my social network.
41	Чтобы встретить новых людей	To meet new people	To meet new people.

	Прямой перевод	Обратный перевод	Оригинал
	Я использую Тиндер, чтобы...	I use Tinder to...	I use Tinder...
42	Чтобы общаться не только с теми, кого я знаю лично	To communicate not only with those I know personally	To talk to people I don't know personally.
43	Чтобы найти людей с такой же сексуальной ориентацией	To find people with the same sexual orientation	To connect with other people with the same sexual orientation.
44	Чтобы знакомиться с людьми с такой же сексуальной ориентацией	To meet people of the same sexual orientation	To get to know people with the same sexual orientation.
45	Чтобы найти свободных партнеров с той же сексуальной ориентацией, что и у меня	To find free partners with the same sexual orientation as mine	To meet singles with a similar sexual orientation.
46	Чтобы приятно провести время	To have a good time	To pass time.
47	От скуки	Out of boredom	Because it passes time when I'm bored.
48	Чтобы занять чем-то время	To occupy my time	To occupy my time.
49	от нечего делать	for lack of anything better to do	When I have nothing better to do.
50	ради развлечения	for fun	For fun.
51	ради интереса	for the sake of interest	Because it is entertaining.
52	Чтобы отдохнуть	To relax	To relax.
53	В качестве перерыва на учебе / работе	As a break from study / work	As a break at work or during a study period.
54	Чтобы прокрастинировать вместо работы / учебы	To procrastinate instead of working / studying	To procrastinate things I should be doing (working, studying,...).
55	Чтобы побороть скуку на учебе / работе	To overcome boredom when studying / working	To combat boredom when working or studying.
56	Чтобы узнать, что это такое	To find out what it is	To see what the application is about.
57	из любопытства	out of curiosity	Out of curiosity.
58	На пробу	To try it out	For trial

Приложение 2. Русскоязычная версия методики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств для валидации

Отметьте свою степень согласия со следующими утверждениями, используя шкалу от 1 — совсем не согласен до 7 — полностью согласен.

Я планирую использовать сервис онлайн-знакомств ...

1	чтобы повесить самооценку	1 2 3 4 5 6 7
2	чтобы самоутвердиться	1 2 3 4 5 6 7
3	чтобы узнать, насколько я нравлюсь другим	1 2 3 4 5 6 7
4	чтобы собрать комплименты	1 2 3 4 5 6 7
5	чтобы лучше оценить свою собственную привлекательность	1 2 3 4 5 6 7
6	чтобы получить внимание	1 2 3 4 5 6 7
7	чтобы найти серьезные отношения	1 2 3 4 5 6 7
8	чтобы найти свою любовь	1 2 3 4 5 6 7
9	чтобы встретить будущего(ую) супруга(у)	1 2 3 4 5 6 7
10	чтобы найти родственную душу	1 2 3 4 5 6 7
11	чтобы сходить с кем-то на свидание	1 2 3 4 5 6 7
12	чтобы найти партнера для постоянного секса	1 2 3 4 5 6 7
13	чтобы найти партнера для разового секса	1 2 3 4 5 6 7
14	чтобы посмотреть, насколько мне легко найти сексуального партнера	1 2 3 4 5 6 7
15	чтобы расширить свой сексуальный опыт	1 2 3 4 5 6 7
16	чтобы реализовать свои сексуальные фантазии	1 2 3 4 5 6 7
17	чтобы найти любовника / любовницу	1 2 3 4 5 6 7
18	чтобы научиться флиртовать	1 2 3 4 5 6 7
19	чтобы расширить опыт общения	1 2 3 4 5 6 7

20	потому, что мне трудно общаться с людьми в реальной жизни	1 2 3 4 5 6 7
21	чтобы во время путешествий находить компанию, с которой можно повеселиться	1 2 3 4 5 6 7
22	чтобы забыть своего бывшего / свою бывшую	1 2 3 4 5 6 7
23	чтобы отвлечься от мыслей о бывшем / бывшей	1 2 3 4 5 6 7
24	потому, что все им пользуются	1 2 3 4 5 6 7
25	потому, что друзья порекомендовали	1 2 3 4 5 6 7
26	чтобы найти новых друзей	1 2 3 4 5 6 7
27	чтобы завести новые знакомства	1 2 3 4 5 6 7
28	чтобы найти людей с такой же сексуальной ориентацией	1 2 3 4 5 6 7
29	от нечего делать	1 2 3 4 5 6 7
30	ради развлечения	1 2 3 4 5 6 7
31	чтобы отвлечься на учебе / работе	1 2 3 4 5 6 7
32	из любопытства	1 2 3 4 5 6 7
33	чтобы улучшить свое материальное положение	1 2 3 4 5 6 7
34	чтобы познакомиться с людьми с более высоким социальным статусом	1 2 3 4 5 6 7
35	чтобы получить выгоду	1 2 3 4 5 6 7
36	чтобы найти человека, готового разделить со мной расходы на жилье и домашнее хозяйство	1 2 3 4 5 6 7
37	чтобы найти человека, который помогал бы мне растить детей	1 2 3 4 5 6 7

Шкалы (все пункты прямые):

Давление друзей (референтная группа): 25

Социальное признание (повышение самооценки): 1–6

Расширение круга знакомств: 26–27

Поиск серьезных отношений: 7–11

Поиск людей с той же сексуальной ориентацией: 28

Секс: 12–17

Развлечение: 29, 30

Флирт/развитие навыков общения: 18–20

Отвлечение от дел: 31

Путешествия: 21

Любопытство: 32

Расставание с бывшими: 22–23

Материальная мотивация: 33–37

Принадлежность к группе (быть как все): 24

Приложение 3. Итоговая русскоязычная версия методики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств (Э. Тиммерманс (Timmermans), Э. де Калуве (De Caluwé) в адаптации А.Е. Воробьевой, Д.А. Шмидт, Т.А. Нестика)

Отметьте свою степень согласия со следующими утверждениями, используя шкалу от 1 — совсем не согласен до 7 — полностью согласен.

Я планирую использовать сервис онлайн-знакомств ...

1	чтобы повысить самооценку	1 2 3 4 5 6 7
2	чтобы самоутвердиться	1 2 3 4 5 6 7
3	чтобы узнать, насколько я нравлюсь другим	1 2 3 4 5 6 7
4	чтобы лучше оценить свою собственную привлекательность	1 2 3 4 5 6 7
5	чтобы найти серьезные отношения	1 2 3 4 5 6 7
6	чтобы найти свою любовь	1 2 3 4 5 6 7
7	чтобы встретить будущего(ую) супруга(у)	1 2 3 4 5 6 7
8	чтобы расширить свой сексуальный опыт	1 2 3 4 5 6 7
9	чтобы реализовать свои сексуальные фантазии	1 2 3 4 5 6 7
10	чтобы найти любовника/любовницу	1 2 3 4 5 6 7
11	чтобы расширить опыт общения	1 2 3 4 5 6 7
12	чтобы во время путешествий находить компанию, с которой можно повеселиться	1 2 3 4 5 6 7
13	чтобы найти новых друзей	1 2 3 4 5 6 7
14	чтобы завести новые знакомства	1 2 3 4 5 6 7
15	от нечего делать	1 2 3 4 5 6 7

16	ради развлечения	1 2 3 4 5 6 7
17	чтобы отвлечься на учебе/работе	1 2 3 4 5 6 7
18	из любопытства	1 2 3 4 5 6 7
19	чтобы забыть своего бывшего/свою бывшую	1 2 3 4 5 6 7
20	чтобы отвлечься от мыслей о бывшем/бывшей	1 2 3 4 5 6 7
21	чтобы улучшить свое материальное положение	1 2 3 4 5 6 7
22	чтобы получить выгоду	1 2 3 4 5 6 7

Шкалы (все пункты прямые):
 Социальное признание (повышение самооценки): 1–4
 Поиск серьезных отношений: 5–7
 Секс: 8–10

Расширение круга знакомств: 11–14
 Развлечение: 15–18
 Расставание с бывшими: 19–20
 Материальная мотивация: 21–22

RUSSIAN-LANGUAGE ADAPTATION OF THE METHODOLOGY OF DIAGNOSING THE MOTIVES FOR ONLINE DATING SERVICES USAGE³

A. E. Vorobieva^{1,*}, D. A. Shmidt^{**}, T. A. Nestik^{1,***}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

^{*}*PhD (Psychology), Docent, Senior Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: aeVorobieva@yandex.ru*

^{**}*Postgraduate of Moscow University for the Humanities, Self-Employed Entrepreneur, Research Psychologist.
E-mail: dariashmidt@mail.ru*

^{***}*SD (Psychology), Professor RAS, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: nestik@gmail.com*

Received 22.11.2022

Abstract. The article is devoted to the psychological aspects of online dating services usage and tools to study the motives of such services users. A theoretical analysis of Russian and foreign studies of online dating services users was carried out. The analysis showed that the general research interest is related to the personal characteristics of users and their self-presentation strategies in such services. Among foreign researchers, it is common to study the characteristics of sexual behavior and motivation of users as well as their perception of the confidentiality of data provided to such services. There were no Russian-language works on the problem of motives for online dating services using. Due to the lack of Russian-language tools the Tinder Motives Scale methodology developed by E. Timmermans, E. de Kaluwe was selected for adaptation. A Russian-language adaptation and verification of the psychometric properties of the technique was made on a sample of 3540 (2255 male, aged 18 to 60+). This allowed us to offer a valid and reliable, shortened (from 58 to 22 points) and modified Russian-language version of the methodology for diagnosing the motives for online dating services using. The scale “Material motivation” was added. Scales “Flirting/communication skills development”, “Travel” “Belonging to a group”, “Pressure of friends”, “Search for people with the same sexual orientation”, “Distraction from business” and “Curiosity” were not confirmed.

Keywords: online dating motivation, digital revolution, virtual reality, digital behavior, psychological aspects of digitalization.

³ The study is carried out according to the State Task 0138-2021-0010 “Socio-psychological factors of individual and group behavior in the context of global changes”.

REFERENCES

1. *Beketova E.A., Kolesnikova V.O.* Osobennosti samoocenki u ljudej, osushhestvljajushhih znakomstvo v internet-prostranstve i real'noj zhizni. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 2016. № 11 (chast' 4). P. 691–693. (In Russian)
2. *Demenchuk A.V.* Mobil'nye prilozhenija dlja znakomstv: transformacija intimnosti. Social'naja real'nost' virtual'nogo prostranstva. *Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. 20–23 sentjabrja 2019 g., Irkutsk. Eds. O.A. Poljushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk: Izd-vo Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2019. P. 157–160. (In Russian)
3. *Kashtanova O.V.* Strategicheskie i takticheskie priemy brachnogo vybora. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*. 2017. V. 6. № 2 (19). P. 315–318. (In Russian)
4. *Matanceva D.A.* Stereotipy i narushenie social'nyh ritualov obshhenija na sajтах znakomstv (Badoo). *Sociologicheskij narrativ* 2020. Obshhestvo v jepohu turbulentnosti: poiski, ugrozy i perspektivy. *Sbornik statej po materialam XIX Vserossijskoj nauchnoj konferencii studentov i aspirantov*. Ed. R.I. Anisimov. Moscow: Izd-vo Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2020. P. 214–223. (In Russian)
5. *Matveenko V.V.* Informacionno-kommunikacionnye tehnologii kak sociokul'turnaja praktika znakomstv. *Monitoring obshhestvennogo mnenija*. 2011. № 5 (105). P. 96–102. (In Russian)
6. *Meleshnikov A.A.* Rol' interpretacii i ocenki fizicheskogo oblika pri obshhenii na sajтах znakomstv. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika* 2009. V. 15. № 4. P. 166–170. (In Russian)
7. *Mironova Ju.G.* Al'ternativnaja forma matrimonial'nogo povedenija: internet-znakomstva. *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija*. 2016. № 2. P. 157–164. (In Russian)
8. *Mironova Ju.G., Tyrnova N.A.* Internet-znakomstva kak forma brachnogo vybora sovremennoj molodezhi: sociologicheskij analiz. *Sociologija*. 2017. № 4. P. 32–35. (In Russian)
9. *Pankratova L.S.* Jeticheskie problemy i politika regulirovanija vnedrenija tehnologij iskusstvennogo intellekta v servisy onlajn znakomstv. *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie*. 2019. V. 8. № 4 (29). P. 47–50. (In Russian)
10. *Pipija K.* "Nevidimoe men'shinstvo": k probleme gomofobii v Rossii. *Levada-centr*. URL: <https://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/> (data obrashhenija: 09.10.2022). (In Russian)
11. *Rossijane v pandemiju stali bol'she tratit' na onlajn-znakomstva*. RIA Novosti. 31.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211031/onlajn-znakomstva-1757059955.html> (data obrashhenija: 30.11.2021). (In Russian)
12. *Tolkachev D.S.* Osobennosti issledovanij seksual'noj orientacii: demograficheskie charakteristiki rossijskikh gomoseksualov. *Demograficheskoe obozrenie*. 2021. V. 8. № 3. P. 74–95. (In Russian)
13. *Urusova E.A., Husjainov T.M.* Nesluchajnye vstrechi: kak tehnologizirujutsja znakomstva i otnoshenija v uslovijah obshhestva postmoderna. *Logos et Rraxis*. 2018. V. 17. № 4. P. 31–40. (In Russian)
14. *Shmidt D.A., Vorob'eva A.E.* Tipy rossijskikh pol'zovatelej servisov internet-znakomstv: motivacija i lichnostnye cherty. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaja psihologija i psihologija truda*. 2022. V. 7. № 2. P. 119–139. (In Russian)
15. *Ansari A.* *Modern Romance*. London: Allen Lane, 2015.
16. *Ayers C.* Tinder: The app that's setting the dating scene on fire. 2014. URL: <http://www.theaustralian.com.au/life/weekend-australian-magazine/tinder-the-app-thats-setting-the-dating-scene-on-fire/story-e6frg8h6-1226933263450> (date of access: 21.09.2015).
17. *Bauman Z.* *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity, 2003.
18. *Blackhart G.C., Fitzpatrick J., Williamson J.* Disposition-al factors predicting use of online dating sites and behaviors related to online dating. *Computers in Human Behavior*. 2014. № 33. P. 113–118.
19. *Blackwell C., Birnholz J., Abbott C.* Seeing and Being Seen: Co-situation and Impression Formation using Grindr, a Location-aware Gay Dating App. *New Media & Society*. 2015. V. 7. № 17. P. 1117–1136.
20. *Botnen E.O., Bendixen M., Grøntvedt T.V., Kennair L.E.O.* Individual differences in sociosexuality predict picture-based mobile dating app use. *Personality and Individual Differences*. 2018. № 131. P. 67–73.
21. *Chan L.S.* Who uses dating apps? Exploring the relationships among trust, sensation-seeking, smartphone use, and the intent to use dating apps based on the integrative model. *Computers in Human Behavior*. 2017. № 72. P. 246–258.
22. *Ellison N.B., Hancock J.T., Toma C.L.* Profile as promise: A framework for conceptualizing veracity in online dating self-presentations. *New Media and Society*. 2012. № 14. P. 45–62.
23. *Freier A.* Tinder mobile app statistics and revenue. 2015. URL: <http://www.businessofapps.com/tinder-mobile-app-statistics-and-revenue/> (date of access: 22.09.2015)
24. *Gatter K., Hodgkinson K.* On the differences between Tinder versus online dating agencies: Questioning a myth. An exploratory study. *Cogent Psychology*. 2016. V. 1. № 3.
25. *Gudeluna D.* There's an app for that: The uses and gratifications of online social networks for gay men. *Sexuality & Culture*. 2012. V. 4. № 16. P. 347–365.

26. Hall J.A., Park N., Song H., Cody M.J. Strategic misrepresentation in online dating: The effects of gender, self-monitoring, and personality traits. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2010. № 27. P. 117–135.
27. Jankowiak W. et al. Teasing with Sex, Hunting for a Relationship: What a Popular Adult Dating/Sex Site Can Tell Us About 21st Century USA Female Sexual Behavior. URL: <https://www.binghamton.edu/evos/evos/wp-content/uploads/2009/08/Teasing-with-Sex.pdf> (date of access: 14.11.2020)
28. Korchmaros J.D., Ybarra M.L., Mitchell K.J. Adolescent online romantic relationship initiation: differences by sexual and gender identification. *Journal of Adolescence*. 2015. № 40. P. 54–64.
29. Lutz C., Ranzini G. Where Dating Meets Data: Investigating Social and Institutional Privacy Concerns on Tinder. *Social Media + Society*. 2017. V. 3. № 1.
30. Orosz G. et al. The personality, motivational, and need-based background of problematic Tinder use. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018. № 7. P. 301–316.
31. Race K. Speculative Pragmatism and Intimate Arrangements: Online Hook-up Devices in Gay Life/ Culture, Health and Sexuality. 2015. V. 4. № 17. P. 496–511.
32. Rosenfeld M.J., Thomas R.J. Searching for a Mate: The Rise of the Internet as a Social Intermediary. *American Sociological Review*. 2012. V. 4. № 77. P. 523–547.
33. Sales N.J. Tinder and the dawn of the “Dating apocalypse”. URL: <http://www.vanityfair.com/culture/2015/08/tinder-hook-up-culture-end-of-dating> (date of access: 30.08.2022)
34. Stevens S.B., Morris T.L. College dating and social anxiety: using the Internet as a means of connecting to others. *CyberPsychology & Behavior*. 2007. V. 5. № 10. P. 680–688.
35. Sumter S., Vandenbosch L., Ligtenberg L. Love me Tinder: Untangling emerging adults’ motivations for using the dating application Tinder. *Telematics and Informatics*. 2016. V. 1. № 34. P. 67–78.
36. Sumter S.R., Vandenbosch L. Dating gone mobile: Demographic and personality-based correlates of using smartphone-based dating applications among emerging adults. *New media & Society*. 2019. V. 3. № 21. P. 655–673.
37. Timmermans E., De Caluwé E. Development and Validation of the Tinder Motives Scale (TMS). *Computers in Human Behavior*. 2017. № 70. P. 341–350.
38. Toma C.L., Hancock J.T. Looks and lies: The role of physical attractiveness in online dating self-presentation and deception. *Communication Research*. 2010. № 37. P. 335–351.
39. Toma C.L., Hancock J.T. What lies beneath: The linguistic traces of deception in online dating profiles. *Journal of Communication*. 2012. № 62. P. 78–97.
40. Toma C.L., Hancock J.T., Ellison N.B. Separating fact from fiction: An examination of deceptive self-presentation in online dating profiles. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. № 34. P. 1023–1036.
41. Valkenburg P.M., Peter J. Who visits online dating sites? Exploring some characteristics of online daters. *CyberPsychology & Behavior*. 2007. V. 6. № 10. P. 849–852.
42. Van De Wiele C., Tong S.T. Breaking boundaries: The uses & gratifications of grindr. *Proceedings of the 2014 ACM International Joint Conference on Pervasive and Ubiquitous Computing*. 2014. P. 619–630.

УДК: 159.9.072

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ “ОПРОСНИКА ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ И СВЕРСТНИКАМ” Г. АРМСДЕНА И М. ГРИНБЕРГА

© 2023 г. Н. В. Сабельникова^{1,*}, Д. В. Каширский^{2,3,**}, Т. Ю. Садовникова^{4,***}

¹Алтайский государственный педагогический университет;
656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55, Россия.

²Российский государственный социальный университет;
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Россия.

³Финансовый университет при Правительстве РФ;
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Россия.

⁴Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования
Института психологии и педагогики.

E-mail: nsabelni@mail.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики РГСУ,
профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финуниверситета.

E-mail: psymath@mail.ru

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии
факультета психологии.

E-mail: tatsadov@yandex.ru

Поступила 01.06.2022

Аннотация. Представлены результаты адаптации методики Г. Армсдена и М. Гринберга “Опросник привязанности к родителям и сверстникам”. Выборку стандартизации составили студенты российских вузов ($n = 747$) в возрасте 16–21 года ($M = 18.72$; $SD = 0.97$), женщины — 71%. Доказана конструктивная валидность методики: обоснована факторная структура, проведена оценка конвергентной и дискриминантной валидности; обоснована надежность опросника; представлена описательная статистика (нормы) по опроснику. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о пригодности данного теста для использования в исследовательских целях на российской выборке.

Ключевые слова: привязанность к родителям и сверстникам, опросник привязанности к родителям и сверстникам (IPPA, Г. Армсден, М. Гринберг), валидность, надежность, тестовые нормы.

DOI: 10.31857/S020595920024910-7

Изучению различных аспектов близких отношений в юношеском возрасте посвящено большое количество теоретических и эмпирических исследований (И.С. Кон, М. Greenberg, R.C. Fraley, M. Mikulincer, Ph. Shaver, J. Simpson, R. Marvin, R. Thompson). Подобные работы не теряют актуальности, так как изменения, происходящие в обществе, неизбежно оказывают влияние на формирование системы значимых межличностных отношений молодых людей. В свою очередь, качество межличностных отношений молодого человека во многом сказывается на его здоровье [19], удовлетворенности жизнью [10], формирует основу его эмоционального благополучия в семье [1] и в производственной сфере

[11]. Известно, что люди, переживающие сложности в отношениях с близкими, имеют более низкий ресурс для саморазвития и самореализации в учебе и карьере [7; 8].

На протяжении многих десятилетий эффективной теоретической концепцией для понимания важных аспектов межличностных отношений служит теория привязанности Дж. Боулби. Согласно Боулби, уже в раннем детстве у ребенка на основе опыта общения с матерью или с заменяющим ее близким взрослым формируется “рабочая модель привязанности” (РМП), которая содержит представления о себе и объекте привязанности и определяет ожидания и поведение ребенка в отношениях с этим

объектом. В условиях отзывчивого поведения матери у ребенка формируется РМП, соответствующая *надежному типу привязанности*, включающая представления об опекуне как отзывчивом и заботливым, а о себе — как о достойном любви и внимания, что способствует оптимистичным ожиданиям и уверенному поведению. Недоступность матери или ее непоследовательное поведение создает условия для развития представлений ребенка о себе как о незначимом, недостойном любви, а о родителе — как о неготовом оказать необходимую поддержку, что способствует формированию *ненадежного типа привязанности*, проявляющегося в зависимом или избегающем поведении. Известно, что РМП к матери, сформированная в раннем детстве, оказывает влияние на развитие личности субъекта на последующих этапах онтогенеза. Вместе с тем ребенок обычно имеет не один, а несколько объектов привязанности. Ими могут быть отец, сиблинги и другие значимые люди. В подростковом возрасте, когда в центре социальной ситуации развития оказывается сверстник, отношения с которым приобретают первостепенную субъективную значимость, близкий друг становится новым объектом привязанности. В юношеском возрасте функции объекта привязанности начинает выполнять романтический партнер. РМП подростков и юношей к родителям и сверстникам могут быть связанными между собой, но не обязательно подобными. Например, подросток, имеющий ненадежную привязанность к матери, может перенести привычную модель зависимых отношений во взаимодействие со значимыми сверстниками или, напротив, недостаток уверенных, эмоционально стабильных отношений с родителями может компенсироваться в дружбе со сверстником, основанной на надежной привязанности. Особенности привязанности к разным людям могут в разной степени влиять на психологическое благополучие и успешность субъекта в разных сферах жизни [9].

Разработка надежного и валидного инструментария оценки качества привязанности к близким людям в юношеском возрасте является важной задачей на пути выявления условий развития благополучных межличностных отношений в этот возрастной период. Несмотря на то что зарубежными исследователями создан весьма разнообразный инструментарий для определения индивидуальных различий в привязанности подростков и юношей к близким людям [22], отечественных методик изучения привязанности и иноязычных методик диагностики этого феномена, адаптированных для русскоязычных респондентов, все еще недостаточно.

Согласно обзору Д. Вилсон и Р. Вилкинсона [21], в зарубежных исследованиях для диагностики привязанности в подростковом и юношеском возрасте наиболее часто используется опросник привязанности к родителям и сверстникам, разработанный Г. Армсденом и М. Гринбергом для англоязычных респондентов [6]. Методика позволяет выявить особенности привязанности (доверие, коммуникацию и отчуждение) к матери, отцу и близкому другу. Опросник переведен на другие языки, адаптирован и широко используется в исследованиях на выборках из различных культур [12; 13; 15; 21]. Он также применяется и в отечественных исследованиях [3–5; 18], что говорит о его востребованности российским психологическим сообществом. Однако нам не удалось обнаружить в публикациях полных данных о психометрических свойствах русскоязычной версии этой методики для юношеского возраста. Так, например, в исследовании Д.В. и А.А. Лифинцевых [2] опросник был адаптирован для использования со старшими подростками, но не для лиц юношеского возраста. В диссертационном исследовании В.П. Дзукаевой, выполненном в 2016 г. под руководством Т.Ю. Садовниковой, представлены результаты адаптации опросника IPPA для юношеского возраста, но для двух из трех частей опросника — привязанности к маме и привязанности к папе.

Цель исследования — создание русскоязычной версии “Опросника привязанности к родителям и сверстникам” Г. Армсдена и М. Гринберга для лиц юношеского возраста (IPPA-Ru) и оценка ее психометрических свойств.

МЕТОДИКА

Выборку стандартизации составили 747 студентов очного и заочного отделений вузов в возрасте 16–21 года ($M = 18.72$; $SD = 0.97$; $Md = 18.00$), из них женщины — 71%. Опросник был переведен на русский язык двумя переводчиками, которые затем обсудили перевод каждого из пунктов. После этого был осуществлен обратный перевод пунктов с русского языка на английский третьим переводчиком. Неточности обратного перевода были обсуждены, и текст перевода скорректирован. После этого опросник был предложен участникам исследования. Исследование проведено в период с 2016 по 2022 г. Статистическая обработка данных проведена в программе JASP 0.16.1.0.

Опросник IPPA. “Опросник привязанности к родителям и сверстникам” (Inventory of Parent and Peer Attachment, IPPA, Armsden, Greenberg, 1987)

направлен на выявление особенностей привязанности к родителям и сверстникам (близкому другу).

Оригинальная версия опросника включает три части, первая из которых направлена на диагностику привязанности к матери (или лицу, ее заменяющему), вторая — к отцу (или лицу, его заменяющему) и третья — к близкому другу. Каждая часть состоит из 25 утверждений, образующих субшкалы: “Доверие” (10 пунктов в каждой части), “Общение” (“Коммуникация”) (9 пунктов в частях 1 и 2; 8 пунктов — в части 3) и “Отчуждение” (6 пунктов в частях 1 и 2; 7 пунктов — в части 3). Утверждения оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта.

Субшкала 1 “Доверие” показывает выраженность взаимного доверия, а также воспринимаемого субъектом степени понимания и принятия объектом привязанности. *Субшкала 2 “Общение”* (“Коммуникация”) отражает желание общаться, открыто выражать свою точку зрения, проявлять эмпатию по отношению к объекту привязанности, чувствовать его поддержку, помощь. *Субшкала 3 “Отчуждение”* измеряет воспринимаемую степень отстраненности объекта привязанности, непонимания с его стороны, а также степень переживаемого дискомфорта от общения с ним.

Конструктивная валидность IPPA-Ru доказывалась с помощью обоснования факторной структуры каждой из трех частей опросника, а также путем оценки конвергентной и дискриминантной валидности шкал опросника (для каждой из трех его частей).

Факторная структура опросника. Оценка факторной структуры IPPA-Ru версии производилась в два этапа. Вначале с помощью эксплораторного факторного анализа (EFA) (метод максимального правдоподобия, Varimax-вращение) была обоснована теоретическая модель, лежащая в основе опросника, после чего найденное статистическое решение было оценено с помощью подтверждающего факторного анализа (CFA).

Конвергентная и дискриминантная валидность. Оценка конвергентной и дискриминантной валидности осуществлялась на основе корреляционного анализа шкал IPPA-Ru со шкалами опросников, теоретически с ними связанными. Были использованы:

1. *Опросник близких отношений* (Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский, 2015).

2. *Индекс жизненной удовлетворенности* Б. Неугартен (Life Satisfaction Index A, LSIA, 1961) в адаптации Н.В. Паниной (1993).

3. *Шкала самоуважения* М. Розенберга (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSES, 1965) в адаптации Д.В. Лубовского (2006).

4. *Опросник “Большая пятерка”* (Big Five Inventory — BFI, John et al., 2008) в адаптации С.А. Щербетенко (2014).

5. *Опросник тревожности* (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) Ч. Спилбергера (1970) в адаптации Ю.Л. Ханина (1976).

6. *Шкала одиночества* Д. Рассела, Л. Пипло, М. Фергюсона (UCLA Loneliness Scale, 1978) в адаптации Д.В. Каширского (2009).

7. *Опросник психологической сепарации* (Psychological Separation Inventory, PSI, J. Hoffman, 1987) в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой (2014).

8. *Опросник индивидуации* (Munich Individuation Test of Adolescence, MITA, S. Walper, 1997), ранее использовался в исследованиях [5; 18], но не прошел полноценной валидации на русскоязычной выборке, в нашем пилотажном исследовании получил удовлетворительные показатели валидности и надежности, входящих в него шкал:

$$(\chi^2/df \leq 2.45; CFI \geq 0.937; ELI \geq 0.913;$$

$$SRMR \leq 0.069); RMSEA \leq 0.058; \alpha \geq 0.751.$$

Надежность шкал опросника определялась с помощью коэффициентов ω Макдональда, α Кронбаха и $r_{xx'}$ — коэффициента ретестовой надежности ($N = 79$; интервал между тестированиями — две недели).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Факторная структура опросника. Критерий Кайзера—Мейера—Олкина и критерий сферичности Бартлетта показали, что используемая выборка адекватна для применения EFA для каждой части опросника:

“Привязанность к матери”

$$(KMO = 0.948; \chi^2 = 5996.39; p \leq 0.0001);$$

“Привязанность к отцу”

$$(KMO = 0.948; \chi^2 = 9427.57; p \leq 0.0001);$$

“Привязанность к другу”

$$(KMO = 0.931; \chi^2 = 4419.01; p \leq 0.0001).$$

Ниже представлены результаты EFA. Отметим, что утверждение считалось вошедшим в шкалу IPPA-Ru, если его факторная нагрузка удовлетворяла неравенству

$$|a_{ji}| \geq 0.32.$$

Для первой части IPPA-Ru — “Привязанность к матери” — установлено, что она в целом воспроизводит оригинальную версию теста, хотя 5 пунктов методики не сработали должным образом. Это вопрос 9 для первой шкалы опросника “Доверие”, пункты 6, 7 и 14 — для второй его шкалы “Общение”, а также пункт 17, входящий в третью шкалу “Отчуждение”. При этом пункты 6, 7, 9 и 14 вошли в свои шкалы с небольшими нагрузками и имели более высокие веса по другим шкалам, тогда как пункт 17 получил низкие нагрузки по всем шкалам IPPA-Ru (табл. 1).

Так, пункт 9 “Моя мама ждет от меня слишком много” ожидаемо вошел в шкалу “Доверие” со своим знаком, но маленьким весом: -0.187 , нагрузив преимущественно шкалу 3 “Отчуждение” (0.439). Аналогично пункты 6 “Я не вижу необходимости показывать мои чувства маме” (-0.134), 7 “Моя мама может сказать, расстроен ли я чем-нибудь” (0.118) и 14 “У моей мамы достаточно проблем, чтобы еще беспокоить ее моими” (-0.096) шкалы “Общение”

вошли в эту шкалу, но также с низкими нагрузками, нагрузив другие шкалы опросника. Так, пункт 7 нагрузил шкалу “Доверие” (0.518), а пункты 6 и 14 — шкалу 3 “Отчуждение” (0.606 и 0.561 соответственно).

Русскоязычная версия второй части опросника — “Привязанность к отцу” — также в целом воспроизводит оригинальную версию IPPA. Исключение составил пункт 9 для первой шкалы опросника “Доверие” и пункт 6 для второй его шкалы “Общение”. Шкала “Отчуждение” воспроизведена в полном объеме (табл. 2).

По данным EFA пункт 6 “Я не вижу необходимости показывать мои чувства маме” вошел в шкалу “Общение”, как и ожидалось, с отрицательным знаком, но с низким весом (-0.300), но при этом получил наибольшую нагрузку по шкале “Отчуждение” (0.486). Пункт 9 “Мой папа ждет от меня слишком много” получил низкую и не совпадающую по знаку нагрузку по шкале “Доверие” (0.102).

Таблица 1. Результаты факторизации первой части оригинальной версии IPPA — “Привязанность к матери”

Пункты оригинальной версии теста	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Уникальность
1. Моя мама уважает мои чувства	0.679*	0.210	-0.210	0.451
2. Я чувствую, что моя мама — очень хорошая мама	0.751*	0.027	-0.183	0.401
3. Мне бы хотелось иметь другую маму (R)	-0.501*	0.140	0.420	0.553
4. Моя мама принимает меня таким, каков я есть	0.642*	0.251	-0.120	0.511
5. Я люблю выслушать мнение мамы о вещах, которые меня заботят	0.354	0.418*	-0.321	0.598
6. Я не вижу необходимости показывать мои чувства маме (R)	-0.251	-0.134	0.606	0.552
7. Моя мама может сказать, расстроен ли я чем-нибудь	0.518	0.118	-0.207	0.675
8. Обсуждение моих проблем с мамой приводит к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда	0.004	-0.468	0.568*	0.458
9. Моя мама ждет от меня слишком многого (R)	-0.187	0.155	0.439	0.749
10. Рядом с мамой я часто чувствую себя расстроенным	-0.612	-0.117	0.377*	0.470
11. Моя мама знает не обо всем, что меня расстраивает	-0.043	-0.180	0.403*	0.803
12. При обсуждении чего-либо мою маму интересует моя точка зрения	0.419*	0.368	-0.162	0.663
13. Моя мама доверяет моим суждениям	0.559*	0.336	-0.061	0.571
14. У моей мамы достаточно проблем, чтобы еще беспокоить ее моими (R)	-0.009	-0.096	0.561	0.676
15. Моя мама помогает мне лучше понять себя	0.296	0.665*	-0.193	0.432
16. Я рассказываю маме о своих проблемах и бедах	0.013	0.718*	-0.300	0.394
17. Меня “бесит” моя мама	-0.313	-0.083	0.197	0.856
18. Мама проявляет ко мне недостаточно внимания	-0.293	-0.004	0.465*	0.698
19. Моя мама помогает мне говорить о моих трудностях	0.172	0.757*	-0.061	0.393
20. Моя мама понимает меня	0.680*	0.408	-0.081	0.365
21. Когда я злюсь, мама старается понять меня	0.483*	0.541	0.088	0.466
22. Я доверяю своей маме	0.730*	0.209	-0.075	0.418
23. Моя мама не понимает, чем я занимаюсь последнее время	-0.176	-0.222	0.541*	0.627
24. Я могу положиться на мою маму	0.222	0.722*	-0.129	0.413
25. Если мама видит, что меня что-то беспокоит, то она спрашивает меня об этом	0.421	0.471*	0.109	0.589

Примечание. R — реверсивные пункты. Factor 1, 2 и 3 — результат факторизации с помощью EFA. Гипотетические шкалы опросника: “Доверие”, “Общение” и “Отчуждение” соответственно. Жирным шрифтом выделены факторные нагрузки пунктов опросника согласно их отнесенности к одной из шкал в соответствии с ключом оригинальной версии IPPA, а знаком * отмечены те из них, которые нашли эмпирическое подтверждение: $|a_{ij}| \geq 0.32$.

Таблица 2. Результаты факторизации второй части оригинальной версии IPPA — “Привязанность к отцу”

Пункты оригинальной версии теста	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Уникальность
1. Мой папа уважает мои чувства	0.738*	0.316	–0.127	0.340
2. Я чувствую, что мой папа— очень хороший папа	0.753*	0.234	–0.160	0.353
3. Мне бы хотелось иметь другого папу (<i>R</i>)	–0.706*	–0.064	0.230	0.444
4. Мой папа принимает меня таким, каков я есть	0.723*	0.179	–0.107	0.433
5. Я люблю выслушать мнение папы о вещах, которые меня заботят	0.507	0.466*	–0.181	0.493
6. Я не вижу необходимости показывать мои чувства папе (<i>R</i>)	–0.310	–0.300	0.486	0.578
7. Мой папа может сказать, расстроен ли я чем-нибудь	0.646	0.364*	–0.163	0.423
8. Обсуждение моих проблем с папой приводит к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда	–0.155	–0.514	0.329*	0.603
9. Мой папа ждет от меня слишком многого (<i>R</i>)	0.102	0.338	0.497	0.629
10. Рядом с папой я часто чувствую себя расстроенным	–0.522	–0.105	0.560*	0.403
11. Мой папа знает не обо всем, что меня расстраивает	0.076	–0.232	0.584*	0.599
12. При обсуждении чего-либо мою папу интересует моя точка зрения	0.653*	0.340	–0.192	0.421
13. Мой папа доверяет моим суждениям	0.721*	0.231	–0.075	0.422
14. У моего папы достаточно проблем, чтобы еще беспокоить его моими (<i>R</i>)	–0.068	–0.402*	0.480	0.604
15. Мой папа помогает мне лучше понять себя	0.454	0.664*	–0.150	0.331
16. Я рассказываю папе о своих проблемах и бедах	0.215	0.755*	–0.207	0.340
17. Меня злит мой папа	–0.273	–0.068	0.505*	0.666
18. Папа проявляет ко мне недостаточно внимания	–0.344	–0.070	0.433*	0.689
19. Мой папа помогает мне говорить о моих трудностях	0.300	0.710*	–0.159	0.381
20. Мой папа понимает меня	0.723*	0.389	–0.188	0.290
21. Когда я злюсь, папа старается понять меня	0.660*	0.399	–0.087	0.398
22. Я доверяю своему папе	0.786*	0.255	–0.065	0.314
23. Мой папа не понимает, чем я занимаюсь последнее время	–0.208	–0.278	0.585*	0.537
24. Я могу положиться на моего папу	0.403	0.705*	–0.106	0.330
25. Если папа видит, что меня что-то беспокоит, то он спрашивает меня об этом	0.388	0.663*	–0.062	0.405

Примечание. *R* — реверсивные пункты. Factor 1, 2 и 3 — результат факторизации с помощью *EFA*. Гипотетические шкалы опросника: “Доверие”, “Общение” и “Отчуждение” соответственно. Жирным шрифтом выделены факторные нагрузки пунктов опросника согласно их отнесенности к одной из шкал в соответствии с ключом оригинальной версии IPPA, а знаком * отмечены те из них, которые нашли эмпирическое подтверждение: $|a_{ij}| \geq 0.32$.

Третья часть IPPA-Ru — “Привязанность к другу” соответствует оригинальной версии опросника. Две шкалы теста — “Доверие” и “Общение” воспроизведены в полном объеме. По шкале “Отчуждение” низкие нагрузки получили вопросы 9 и 18 (табл. 3).

Пункт 9 “Мне необходимо встречаться с моим другом чаще” шкалы 3 “Отчуждение” вошел в эту шкалу с низкой нагрузкой (–0.220), но получил большой вес по шкале “Общение” (0.486). Пункт 18 “Я злюсь на своего друга”, также принадлежащий к шкале 3 “Отчуждение” и вошедший в эту шкалу с низким весом (0.251), нагрузил шкалу 1 “Доверие”, войдя в нее с отрицательным знаком (–0.565).

С помощью *CFA* была произведена оценка трех структурных моделей — для каждой части опросника IPPA-Ru в отдельности. Все корреляции пунктов со шкалами оказались значимы, однако значения факторных нагрузок пунктов, не

сработавших при проведении *EFA*, оказались недостаточно высокими. В связи с чем было принято решение исключить их из русскоязычной версии опросника. В табл. 4 представлены результаты качественной оценки опросника после удаления пунктов со слабыми нагрузками или вошедших не в “свои” шкалы (п. 6, 7, 9, 14, 17 — из части 1; п. 6, 9 — из части 2; п. 9, 18 — из части 3).

Данные табл. 4 указывают на высокую факторную валидность IPPA-Ru.

Конвергентная и дискриминантная валидность. Найдены статистически значимые корреляции между шкалами IPPA-Ru и диагностическими методиками, оценивающими другие особенности личности, теоретически связанные со шкалами валидируемого опросника (см. табл. 5–7). Представленные результаты позволяют говорить о том, что методика IPPA-Ru продемонстрировала

Таблица 3. Результаты факторизации третьей части оригинальной версии IPPA — “Привязанность к другу”

Пункты оригинальной версии теста	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Уникальность
1. Мне нравится знать точку зрения друга о том, что волнует меня	0.114	0.585*	–0.082	0.638
2. Мой друг чувствует, когда я чем-то расстроен	0.066	0.670*	–0.243	0.488
3. Когда мы обсуждаем что-то, для моего друга важна моя точка зрения	0.227	0.634*	–0.100	0.537
4. Обсуждение моих проблем с другом ведет к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда	–0.124	–0.192	0.562*	0.631
5. Мне бы хотелось иметь другого друга (<i>R</i>)	–0.590*	–0.084	0.348	0.524
6. Мой друг меня понимает	0.486*	0.501	–0.347	0.392
7. Мой друг поощряет меня говорить с ним о моих трудностях	0.165	0.658*	–0.129	0.523
8. Мой друг принимает меня таким каков я есть	0.579*	0.429	–0.176	0.450
9. Мне необходимо встречаться с моим другом чаще	0.151	0.486	0.220	0.692
10. Мой друг не понимает, что происходит со мной в последние дни	–0.260	–0.179	0.694*	0.419
11. С моим другом я чувствую себя одиноко	–0.634	–0.013	0.390*	0.446
12. Мои друг выслушивает меня	0.589*	0.436	–0.150	0.440
13. У меня хороший друг	0.774*	0.304	0.016	0.308
14. Мне легко разговаривать с моим другом	0.617*	0.261	–0.109	0.539
15. Когда я злюсь, мой друг старается понять меня	0.424*	0.479	–0.183	0.557
16. Мой друг помогает мне лучше понять себя	0.518	0.461*	–0.073	0.514
17. Моего друга волнует, как я себя чувствую	0.420	0.647*	–0.148	0.383
18. Я злюсь на моего друга	–0.565	0.002	0.251	0.618
19. Я могу положиться на моего друга	0.706*	0.332	–0.053	0.388
20. Я доверяю моему другу	0.710*	0.363	0.026	0.364
21. Мой друг уважает мои чувства	0.556*	0.533	–0.137	0.387
22. Мой друг знает не обо всем, что меня расстраивает	0.025	–0.078	0.633*	0.592
23. Похоже, что мои друзья раздражают меня без видимой причины	–0.192	–0.014	0.477*	0.736
24. Обо всех своих проблемах и бедах я могу рассказать своему другу	0.426	0.409*	–0.293	0.565
25. Если папа видит, что меня что-то беспокоит, то он спрашивает меня об этом	0.213	0.670*	–0.119	0.492

Примечание. *R* — реверсивные пункты. Factor 1, 2 и 3 — результат факторизации с помощью *EFA*. Гипотетические шкалы опросника: “Доверие”, “Общение” и “Отчуждение” соответственно. Жирным шрифтом выделены факторные нагрузки пунктов опросника согласно их отнесенности к одной из шкал в соответствии с ключом оригинальной версии IPPA, а знаком * отмечены те из них, которые нашли эмпирическое подтверждение: $|a_{ij}| \geq 0.32$.

Таблица 4. Результаты оценки качества модели опросника

Часть опросника	χ^2	<i>df</i>	<i>p</i> -value	<i>CFI</i>	<i>TFI</i>	<i>SRMR</i>	<i>RMSEA</i>		
							<i>RMSEA</i> -value	90% <i>CI</i> (<i>LO</i>)	90% <i>CI</i> (<i>HI</i>)
“Мама”	502	132	0.001	0.861	0.838	0.062	0.082	0.074	0.089
“Папа”	473	149	0.001	0.921	0.909	0.050	0.070	0.068	0.083
“Друг”	466	149	0.001	0.901	0.887	0.051	0.076	0.068	0.083
Общий показатель привязанности	330	116	0.001	0.945	0.932	0.041	0.070	0.060	0.081

Примечание. χ^2 — статистика Пирсона; *df* — число степеней свободы; *p*-value — уровень значимости статистики Пирсона; *CFI* — сравнительный индекс соответствия; *TFI* — индекс Тьюкера—Льюиса; *SRMR* — стандартизированный среднеквадратический остаток; *RMSEA* — квадратный корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации; *RMSEA*-value — значение индекса *RMSEA*; 90% *CI* (*LO*) и 90% *CI* (*HI*) — нижняя и верхняя границы 90%-го доверительного интервала для *RMSEA* соответственно.

хорошие показатели конвергентной и дискриминантной валидности.

Согласно ожиданиям, шкала “Беспокойство” опросника “Опыт близких отношений” коррелирует со шкалами IPPA-Ru (табл. 5). В частности, установлена отрицательная статистически значимая связь этой шкалы с отчуждением в отношениях с матерью и отцом и положительная корреляция

на уровне статистического тренда с отчуждением в отношениях с близким другом. Установлено также, что беспокойство по поводу близких отношений имеет статистически значимую обратную корреляционную зависимость со шкалой “Общение” и отрицательную корреляцию на уровне статистического тренда со шкалой “Доверие” второй части опросника “Привязанность к отцу”.

Таблица 5. Матрица парных корреляций шкал личностных опросников с субшкалами опросника IPPA-Ru

Шкалы опросника	Привязанность к маме			Привязанность к папе			Привязанность к другу		
	Довер.	Общ.	Отчуж.	Довер.	Общ.	Отчуж.	Довер.	Общ.	Отчуж.
<i>Опросник близких отношений (n = 42)</i>									
Избегание	-0.21	-0.17	-0.19	-0.19	-0.06	0.08	-0.24	-0.15	0.13
Беспокойство	-0.25	-0.17	-0.37*	-0.29 [†]	-0.32*	-0.55***	-0.22	-0.09	0.28 [†]
<i>Шкала одиночества (n = 77)</i>									
Интегральный показатель	-0.31**	-0.26*	-0.48***	-0.20	-0.18	-0.29**	-0.48***	-0.41***	0.50***
<i>Опросник тревожности Ч.Д. Спилбергера</i>									
Личностная тревожность	-0.10	-0.15	-0.14	-0.16	-0.10	-0.18 [†]	-0.23*	-0.17 [†]	-0.34***
<i>Индекс жизненной удовлетворенности (n = 122)</i>									
Интегральный показатель ИЖУ	0.25**	0.27**	0.37***	0.21*	0.24**	0.33***	0.22*	0.12	-0.28**
<i>Шкала М. Розенберга (n = 77)</i>									
Самоуважение	0.08	0.01	0.18	0.22*	0.20	0.19 [†]	0.22*	0.17	-0.34**
<i>Опросник “Большая пятерка” (n = 122)</i>									
Экстраверсия	0.10	0.12	0.18*	0.08	0.20*	0.25**	0.26**	0.22**	-0.29***
Доброжелательность	-0.10	-0.10	-0.12	0.01	0.05	-0.06	0.14	0.17*	-0.13
Добросовестность	0.11	0.13	0.13	0.26**	0.24**	0.22**	0.19**	0.15 [†]	-0.31***
Нейротизм	-0.05	-0.05	-0.10	-0.02	-0.10	-0.14	-0.16 [†]	-0.05	0.17 [†]
Открытость опыту	-0.17 [†]	-0.10	-0.07	0.19*	0.23**	0.18*	0.11	0.16 [†]	-0.13

Примечание. [†] — корреляция на уровне статистического тренда ($p \leq 0,10$); * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Таблица 6. Матрица парных корреляций шкал личностных опросников с общими показателями привязанности опросника IPPA-Ru

Шкалы опросников	Общие показатели привязанности		
	Привязанность к маме	Привязанность к папе	Привязанность к другу
<i>Опросник близких отношений (n = 42)</i>			
Избегание	-0.157	-0.145	-0.244
Беспокойство	-0.126	-0.225	-0.259
<i>Шкала одиночества (n = 77)</i>			
Интегральный показатель	-0.056	0.124	-0.559***
<i>Опросник тревожности Ч.Д. Спилбергера (n = 122)</i>			
Шкала личностной тревожности	-0.080	-0.088	-0.258*
<i>Индекс жизненной удовлетворенности (n = 122)</i>			
Интегральный показатель ИЖУ	0.238**	0.172*	0.203*
<i>Шкала М. Розенберга (n = 77)</i>			
Самоуважение	-0.140	0.196	0.294**
<i>Опросник “Большая пятерка” (n = 122)</i>			
Экстраверсия	0.148	0.105	0.275**
Доброжелательность	-0.009	0.049	0.143
Добросовестность	0.050	0.234**	0.223**
Нейротизм	-0.01	-0.028	-0.114
Открытость опыту	-0.179*	0.201*	0.106

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Из табл. 5 также можно видеть, что одиночество негативно связано с доверием к матери и близкому другу.

Одиночество обратно коррелирует с общением с матерью и близким другом и связано отрицательной зависимостью со степенью отчуждения от матери и отца, но имеет прямую взаимосвязь с отчуждением от близкого друга.

Личностная тревожность статистически значимо коррелировала только с показателями привязанности к другу: отрицательно со шкалами доверия и отчуждения. На уровне статистического тренда выявлена обратная корреляционная зависимость между личностной тревожностью и отчуждением от отца, а также между личностной тревожностью и общением с другом.

Таблица 7. Матрица парных корреляций субшкал опросников сепарации (PSI), индивидуации (MITA) с субшкалами опросника привязанности к родителям (IPPA-Ru)

Субшкалы опросников	Привязанность к маме			Привязанность к папе		
	Довер.	Общ.	Отчужд.	Довер.	Общ.	Отчужд.
<i>Опросник сепарации (n = 405)</i>						
Эмоциональная сепарация	–0.28***	–0.49***	0.19**	–0.33***	–0.58***	0.21**
Аттитюдная сепарация	–0.19**	–0.34***	0.15**	–0.29***	–0.33***	0.22**
Функциональная сепарация	–0.18**	–0.45***	0.16*	–0.24***	–0.51***	0.23**
Конфликтная сепарация	0.36***	0.15*	–0.34***	0.32**	0.15*	–0.43***
<i>Опросник индивидуации (n = 358)</i>						
Успешная индивидуация	0.15**	0.19***	–0.13**	0.50***	0.59***	–0.29***
Отрицание потребности в привязанности	–0.15**	–0.28***	0.15**	–0.37***	–0.47***	0.37***
Поиск поддержки	0.10 [†]	0.20***	–0.03	0.36***	0.56***	–0.22**
Амбивалентность в отношениях	–0.12*	–0.11*	0.12*	–0.05	–0.02	0.06
Страх потери любви	0.01	0.06	0.06	0.13*	0.14**	–0.02
Страх зависимости	–0.05	–0.12*	0.18***	0.02	–0.02	0.11*

Примечание. [†] — корреляция на уровне статистического тренда ($p \leq 0,10$), * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Обнаружены статистически значимые связи удовлетворенности жизнью со шкалами IPPA-Ru. Установлено, что в отношении матери и отца все корреляции между показателями привязанности и удовлетворенностью жизнью оказались статистически значимыми, но не всегда соответствовали ожидаемым по знаку: они были позитивными как в отношении доверия и общения (согласно ожиданиям), так и в отношении отчуждения (вопреки ожиданиям). Связь удовлетворенности жизнью с оценкой общения с близким другом оказалась статистически незначимой, в то время как ее связь с оценкой доверительности отношений со сверстником и отчуждения от него была статистически значимой и отвечала ожидаемой.

Исследование показало наличие статистически значимой корреляционной связи самооотношения с доверием (позитивной) в отношении отца и друга и отчуждением (негативной) в отношении друга, а также положительной корреляционной зависимости между самоуважением и отчуждением от отца на уровне статистической тенденции. Статистически значимых связей самооотношения со шкалами первой части опросника “Привязанность к маме” установлено не было.

Корреляции шкал опросника “Большая пятерка” с показателями привязанности к другу и к родителям представляли для нас отдельный интерес. Согласно результатам, доверие в отношениях с другом позитивно связано с экстраверсией и добросовестностью респондентов и отрицательно (на уровне тренда) — с нейротизмом; качество общения с близким другом имеет положительные статистически значимые корреляции с экстраверсией, доброжелательностью и положительные корреляции на уровне статического тренда с добросовестностью

и открытостью опыту; отчуждение от близкого друга негативно значимо связано с экстраверсией и добросовестностью и позитивно (на уровне тренда) — с нейротизмом.

Установлено, что доверие в отношениях с родителями связано с показателем открытости опыту: эта связь отрицательная с доверием к матери (на уровне тренда) и положительная в случае доверия к отцу. При этом доверие к отцу прямо коррелирует с добросовестностью, а качество общения с отцом и отчуждение от него положительно взаимосвязаны с экстраверсией, добросовестностью. Отчуждение от матери положительно коррелирует с экстраверсией.

На основе табл. 6 можно сделать выводы о наличии статистически значимых корреляционных связей между общими показателями привязанности (интегральными шкалами опросника IPPA-Ru) и шкалами других диагностических методик. В частности, обнаружена обратная зависимость между интегральной шкалой “Привязанность к другу” валидизируемой методики и шкалами одиночества и личностной тревожности. Наряду с этим данная шкала IPPA-Ru прямо коррелирует с индексом жизненной удовлетворенности, самоуважением, экстраверсией и добросовестностью. Интегральные шкалы “Привязанность к матери” и “Привязанность к отцу” также положительно коррелируют с индексом жизненной удовлетворенности. При этом открытость опыту оказалась выше у респондентов с менее выраженными показателями надежности привязанности к матери и более высокими проявлениями надежности привязанности к отцу. Показатель добросовестности положительно коррелирует с привязанностью к отцу.

Согласно табл. 7, все три частных показателя привязанности к матери и привязанности к отцу (IPPA-Ru) ожидаемо коррелируют с показателями психологической сепарации по *опроснику психологической сепарации (PSI)*: доверие и эффективная коммуникация с обоими родителями позитивно значимо связана с конфликтной сепарацией, негативно — с эмоциональной, аттитудной и функциональной сепарацией от них. Отчуждение от родителей положительно коррелирует с эмоциональной, аттитудной и функциональной сепарацией и отрицательно — с конфликтной сепарацией.

Показатели индивидуации респондентов в отношении матери и отца, оцениваемые по *тесту индивидуации Уолте (MITA)*, ожидаемо коррелируют с показателями привязанности к матери и отцу по опроснику IPPA-Ru. Успешная индивидуация позитивно связана с доверием и благополучной коммуникацией с родителями и негативно — с отчуждением от них. Отрицание потребности в привязанности, наоборот, негативно связано с доверием и коммуникацией с обоими родителями и позитивно — с отчуждением от них. Поиск поддержки положительно статистически значимо коррелирует с доверием к родителям и желанием общения с ними и отрицательно — с отчуждением от отца. Амбивалентность (конфликт) в отношениях негативно связан с доверием и коммуникацией с матерью и позитивно — с отчуждением от нее. Доверие к отцу и удовлетворенность общением с ним прямо коррелируют со страхом потери любви, в то время как страх зависимости отрицательно коррелирует с качеством общения с матерью и положительно — с отчуждением от обоих родителей.

В табл. 8 отражены корреляционные связи шкал опросников сепарации и индивидуации с общими

показателями привязанности к обоим родителям, из которых можно видеть, что, согласно ожиданиям, общие показатели надежности привязанности к матери и отцу статистически значимо негативно коррелируют с эмоциональной, аттитудной и функциональной сепарацией от родителей и позитивно связаны с конфликтной сепарацией от них. Надежность привязанности к родителям статистически значимо позитивно связана с успешностью индивидуации в отношениях с родителями и негативно — с отрицанием потребности в привязанности к ним. Надежность привязанности к отцу статистически значимо позитивно связана с поиском поддержки отца, а надежность привязанности к матери негативно коррелирует со страхом зависимости от матери и амбивалентностью отношений с ней.

Надежность опросника. В табл. 9 представлены результаты оценки надежности субшкал IPPA-Ru и интегральной шкалы опросника. Рассчитывались показатели ω Макдональда, α Кронбаха и $r_{xx'}$ — ретестовой надежности ($N = 79$; интервал между замерами — две недели).

Представленные в табл. 9 индексы указывают на высокую надежность IPPA-Ru.

Описательная статистика. В табл. 10 представлены результаты оценки основных статистических параметров для всех шкал опросника IPPA-Ru, включая общий показатель привязанности, полученных как в целом по выборке стандартизации, так и отдельно для мужчин и женщин.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование показало, что факторная структура русскоязычной версии опросника Армсдена и Гринберга “Привязанность

Таблица 8. Матрица парных корреляций субшкал опросников сепарации (PSI), индивидуации (MITA) и общих показателей привязанности к родителям (IPPA-Ru)

Субшкалы опросника	Общие показатели привязанности	
	Привязанность к матери	Привязанность к отцу
<i>Опросник сепарации (n = 405)</i>		
Эмоциональная сепарация	–0.245*	–0.296*
Аттitudная сепарация	–0.173*	–0.230*
Функциональная сепарация	–0.203*	–0.294*
Конфликтная сепарация	0.462*	0.480*
<i>Опросник индивидуации (n = 405)</i>		
Успешная индивидуация	0.175***	0.102*
Отрицание потребности в привязанности	–0.186***	–0.103*
Поиск поддержки	0.038	0.133**
Амбивалентность в отношениях	–0.134**	0.008
Страх потери любви	–0.063	0.049
Страх зависимости	–0.184***	–0.044

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Таблица 9. Показатели надежности субшкал IPPA-Ru

Субшкалы IPPA-Ru	ω Макдональда			α Кронбаха	$r_{xx'}$
	ω-value	95% <i>CI</i> (LO)	95% <i>CI</i> (HI)		
Привязанность к матери (часть 1)					
Доверие	0.913	0.899	0.926	0.904	0.911
Общение	0.900	0.884	0.915	0.895	0.882
Отчуждение	0.704	0.659	0.773	0.733	0.791
Общий показатель привязанности	0.841	0.820	0.871	0.775	0.852
Привязанность к отцу (часть 2)					
Доверие	0.908	0.892	0.924	0.877	0.892
Общение	0.914	0.931	0.952	0.909	0.824
Отчуждение	0.854	0.831	0.877	0.890	0.813
Общий показатель привязанности	0.882	0.861	0.902	0.814	0.821
Привязанность к близкому другу (часть 3)					
Доверие	0.910	0.896	0.924	0.908	0.925
Общение	0.846	0.823	0.870	0.844	0.851
Отчуждение	0.653	0.599	0.707	0.659	0.825
Общий показатель привязанности	0.901	0.892	0.924	0.905	0.887

Примечание. ω -value — значение омега Макдональда; 95% *CI* (LO) и 95% *CI* (HI) — соответственно нижняя и верхняя границы 95%-го доверительного интервала для ω ; $r_{xx'}$ — коэффициент ретестовой надежности.

Таблица 10. Описательные статистики

Субшкалы IPPA-Ru	В целом по выборке (<i>n</i> = 747)		Мужчины (<i>n</i> = 217)		Женщины (<i>n</i> = 530)	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
<i>Привязанность к матери (часть 1)</i>						
Доверие	4.09	0.73	4.06	0.74	4.10	0.72
Общение	3.61	0.93	3.42	0.87	3.65	0.92
Отчуждение	3.58	0.77	3.59	0.62	3.59	0.82
Общий показатель привязанности	3.51	0.46	3.43	0.46	3.54	0.44
<i>Привязанность к отцу (часть 2)</i>						
Доверие	3.93	0.91	3.93	0.93	3.92	0.92
Общение	3.06	1.10	3.14	1.05	3.03	1.14
Отчуждение	3.33	0.88	3.59	0.88	3.27	0.99
Общий показатель привязанности	3.33	0.53	3.30	0.55	3.34	0.53
<i>Привязанность к близкому другу (часть 3)</i>						
Доверие	4.51	0.60	4.49	0.57	4.50	0.60
Общение	4.11	0.69	3.91	0.73	4.15	0.68
Отчуждение	2.40	0.62	2.42	0.70	2.41	0.62
Общий показатель привязанности	4.12	0.54	4.05	0.54	4.13	0.53

Примечание. *M* — среднее арифметическое; *SD* — стандартное отклонение.

к родителям и сверстникам” (IPPA-Ru) в целом воспроизводит оригинальную версию теста, включающую три шкалы: “Доверие” и “Общение” и “Отчуждение”. Исключение составляют 5 пунктов опросника об отношениях с мамой, 2 пункта — об отношениях с отцом и 2 пункта опросника из части, посвященной отношениям с близким другом. В полном объеме в нашем исследовании была воспроизведена шкала “Отчуждение” в привязанности к папе, а также шкалы “Доверие” и “Общение” в привязанности к другу.

Оценка конвергентной валидности опросника производилась на основе оценки теоретически обоснованной связи показателей шкал IPPA-Ru и показателей других личностных опросников. Спрогнозированные нами статистически значимые связи шкал тестов, направленных на оценку удовлетворенности жизнью и одиночества со шкалами валидируемого опросника (за исключением положительной корреляции ИЖУ и отчуждением от родителей), подтвердились, что говорит в пользу внешней валидности русскоязычной версии IPPA-Ru.

Эти результаты согласуются с результатами других авторов иноязычных адаптаций теста [15; 21].

Напомним, что в нашем исследовании, в отличие от результатов исследований зарубежных коллег [13; 14], отдельные характеристики привязанности к родителям и такие же характеристики привязанности к другу были связаны с особенностями личности участников исследования по-разному. В отношении привязанности к другу подтвердились все ожидаемые связи субшкал IPPA-Ru с самоуважением, одиночеством, удовлетворенностью жизнью и шкалами Большой пятерки. В отношении привязанности к родителям подобные связи были отмечены относительно шкал IPPA-Ru — “Доверие к матери”, “Доверие к отцу” и “Общение с матерью”, “Общение с отцом” (кроме значимой связи одиночества и общения с отцом). Однако шкалы “Отчуждение в отношениях с матерью” и “Отчуждение в отношениях с отцом” также значимо коррелировали с одиночеством, экстраверсией и удовлетворенностью жизнью респондентов, но с противоположным знаком. Личностная тревожность связана с показателями привязанности к другу в теоретически ожидаемом отношении и не связана с привязанностью к родителям. Переживание одиночества у юношей и девушек оказалось негативно связанным с отчуждением от родителей вопреки нашим ожиданиям. Вместе с этим, как и ожидалось, отчуждение в отношениях со сверстниками позитивно связано с переживанием одиночества.

Такое рассогласование полученных результатов с нашими ожиданиями, основанными на изучении адаптаций методики зарубежными исследователями, вполне объяснимо в контексте социальной ситуации развития респондентов. В юношеском возрасте общение и отношения привязанности со сверстником приобретают все более высокую субъективную значимость, что неизбежно отражается на специфике отношений с близкими взрослыми и со значимыми сверстниками. Важной доминантой в этом возрасте становится переход к самостоятельной взрослой жизни. В связи с этим удовлетворенность жизнью студентов оказалась позитивно связана с отчуждением в отношениях с обоими родителями и ожидаемо негативно — с отчуждением в отношениях с другом. А одиночество, наоборот, негативно связано с отстраненностью в отношениях с родителями и позитивно — с отстраненностью в отношениях с другом. При этом все большая физическая отстраненность от взрослого, менее интенсивное взаимодействие с ним не означают снижения значимости качества отношений с родителями — доверительности

и надежности, что отразилось в позитивной связи удовлетворенности жизнью с показателями привязанности к родителям по субшкалам “Доверие”, “Общение” и общему показателю привязанности.

В той же логике объясняется связь экстраверсии респондентов с привязанностью к родителям и к сверстнику. Экстравертированные респонденты склонны быстрее своих интровертированных сверстников устанавливать близкие отношения с другом и отчуждаться от родителей: экстраверсия оказалась позитивно связанной с отчуждением по отношению к родителям и негативно — с отчуждением в отношениях со сверстниками.

Высокая значимость отношений со сверстниками и высокая чувствительность к их оценкам себя способствуют избеганию общения с ними из-за неуверенности в себе. С этим согласуется полученная нами негативная значимая корреляция отчуждения по отношению к другу с самооценкой: отчуждение в отношениях с другом тем выше, чем ниже самооценка.

Таким образом, наши результаты согласуются с базовыми положениями о развитии личности в юношеском возрасте, с особенностью возраста — все увеличивающейся самостоятельностью и сепарацией от родителей.

Валидность шкал привязанности к отцу и привязанности к матери подтвердили их прогнозируемые корреляции с показателями психологической сепарации от родителей и индивидуации. Показатели сепарации и индивидуации коррелировали с показателями качества привязанности, согласуясь с нашими ожиданиями и данными исследований, проведенных на зарубежных выборках [16; 17; 20].

Полученные в исследовании высокие показатели воспроизводимости результатов по тесту не вызывают сомнений в его надежности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опросник IPPA-Ru обладает достаточно высокой валидностью и надежностью, показывает ожидаемые связи с другими характеристиками личности респондентов и их отношений с окружающими. Наши данные согласуются с результатами зарубежных исследователей по адаптации опросника IPPA к иноязычным выборкам и соответствуют возрастным особенностям респондентов, выражающимся в специфике взаимоотношений с родителями и сверстниками. Данный инструмент может использоваться в диагностических и исследовательских целях и как отдельное средство, так

и в составе других методов изучения эмоционально значимых отношений юношей и девушек в возрасте 16–21 года с родителями и сверстниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова Д.Г., Горлова Е.Л., Каширский Д.В., Сабельникова Н.В. Валидизация опросника “Шкала диадической согласованности” Г.Б. Спэннера (DAS) на российской выборке // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 112–131.
2. Лифинцев Д.В., Лифинцева А.А. Помогающие отношения и диагностика привязанности: психометрические свойства опросника IPPA // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 11. С. 67–72.
3. Молчанов С.В., Алмазова О.В. Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 3. С. 124–136.
4. Сабельникова Н.В., Липовая Е.С. Роль качества близких отношений с родителями в динамике привязанности в подростковом возрасте // Подросток на пороге взросления: Сборник тезисов участников третьей Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: МГППУ, 2011. С. 50–51.
5. Садовникова Т.Ю., Дзукаева В.П. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // Национальный психологический журнал. 2014. Т. 4. № 16. С. 52–63.
6. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence // Journ. of Youth and Adolescence. 1987. V. 16. № 5. P. 427–454.
7. Bartley M., Head J., Stansfeld S. Is attachment style a source of resilience against health inequalities at work? // Soc. Sci. Med. 2007. V. 64. № 4. P. 765–775.
8. Bolat N., Odaci H. High School Final Year Students’ Career Decision-Making Self Efficacy, Attachment Styles and Gender Role Orientations // Current Psychology. 2016. V. 36. № 2. P. 252–259.
9. Cassidy J., Shaver Ph. (Eds). Handbook of Attachment: Theory, Research, and Clinical Implications. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2018.
10. Diener M.L., Diener-McGavran M.B. What makes people happy? A developmental approach to the literature on family relationships and well-being // The science of subjective well-being. Eds. M. Eid, R.J. Larsen. N.Y.: The Guilford Press, 2008. P. 347–375.
11. Eby L.T.D.T., Allen T.D. (Eds). Personal Relationships: The Effect on Employee Attitudes, Behavior, and Well-being. 1st ed. Routledge, 2012.
12. Fraley R.C., Heffernan M.E., Vicary A.M., Brumbaugh C.C. The experiences in close relationships — Relationship Structures Questionnaire: A method for assessing attachment orientations across relationships // Psychological Assessment. 2011. V. 23. № 3. P. 615–625.
13. Gallarin M., Alonso-Arbiol I. Dimensionality of the Inventory of Parent and Peer Attachment: Evaluation with the Spanish Version // The Spanish Journ. of Psychology. 2013. V. 16. E55.
14. Guarneri S., Ponti L., Tani F. The Inventory of Parent and Peer Attachment (IPPA): A study on the validity of styles of adolescent attachment to parents and peers in an Italian sample // TPM-Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2010. V. 17. № 3. P. 103–130.
15. Kocayörük E.A. Turkish adaptation of the inventory of parent and peer attachment: The reliability and validity study // Eğitim Araştırmaları-Eurasian Journal of Educational Research. 2010. V. 40. P. 133–151.
16. Leondari A., Kiosseoglou G. The Relationship of Parental Attachment and Psychological Separation to the Psychological Functioning of Young Adults // The Journ. of Social Psychology. 2000. V. 140. № 4. P. 451–464.
17. Rice K.G., FitzGerald D.P., Whaley T.J., Gibbs C.L. Cross-Sectional and Longitudinal Examination of Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment // Journ. of Counseling and Development. 1995. V. 73. P. 463–474.
18. Sadovnikova T.Yu., Dzucaeva V.P. Attachment to Mother as a Factor of Adolescents’ Separation from Parents: Cross-Cultural Study // International Attachment Conference (29th June — 1st July 2017). Book of Abstracts. L.: Institute of Education, 2017. p. 197.
19. Slatcher R.B., Selcuk E.A. Social Psychological Perspective on the Links Between Close Relationships and Health // Current Directions in Psychological Science. 2017. V. 6. P. 6–21.
20. Schwartz J.P., Buboltz W.C. The Relationship Between Attachment to Parents and Psychological Separation in College Students // Journ. of College Student Development. 2004. V. 45. № 5. P. 566–577.
21. Vignoli E., Mallet P. Validation of a brief measure of adolescents’ parent attachment based on Armsden and Greenberg’s three-dimension model // Revue Européenne de Psychologie Appliquée. 2004. V. 54. P. 251–260.
22. Wilson J., Wilkinson R. The Self-Report Assessment of Adolescent Attachment: A Systematic Review and Critique // Journ. of Relationships Research. 2012. V. 3. P. 81–94.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник привязанности к родителям и сверстникам

Инструкция. Следующие утверждения связаны с Вашими отношениями с мамой, папой и близким другом. Прочтите высказывание и укажите степень своего согласия или несогласия с ним.

Часть 1. Представленные утверждения касаются взаимоотношений с Вашей мамой (или человеком, который ее заменяет, например мачехой). Прочитайте утверждение и отметьте крестиком в соответствующей графе степень Вашего согласия или

несогласия с ним. Используйте следующую шкалу ответов:

- 1 — почти полностью (или полностью) неверно;
- 2 — не совсем верно;
- 3 — иногда верно;
- 4 — чаще верно;
- 5 — почти всегда (или всегда) верно.

Пункты опросника	1	2	3	4	5
1. Моя мама уважает мои чувства					
2. Я чувствую, что моя мама — очень хорошая мама					
3. Мне бы хотелось иметь другую маму					
4. Моя мама принимает меня таким, каков я есть					
5. Я люблю выслушать мнение мамы о вещах, которые меня заботят					
6. Обсуждение моих проблем с мамой приводит к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда					
7. Рядом с мамой я часто чувствую себя расстроенным					
8. Моя мама знает не обо всем, что меня расстраивает					
9. При обсуждении чего-либо мою маму интересует моя точка зрения					
10. Моя мама доверяет моим суждениям					
11. Моя мама помогает мне лучше понять себя					
12. Я рассказываю маме о своих проблемах и бедах					
13. Мама проявляет ко мне недостаточно внимания					
14. Моя мама помогает мне говорить о моих трудностях					
15. Моя мама понимает меня					
16. Когда я злюсь, мама старается понять меня					
17. Я доверяю своей маме					
18. Моя мама не понимает, чем я занимаюсь последнее время					
19. Я могу положиться на мою маму					
20. Если мама видит, что меня что-то беспокоит, то она спрашивает меня об этом					

Часть 2. Представленные утверждения касаются взаимоотношений с Вашим папой (или человеком, который его заменяет, например отчимом). Прочитайте утверждение и отметьте крестиком в соответствующей графе степень Вашего согласия или несогласия с ним. Используйте следующую шкалу ответов:

- 1 — почти полностью (или полностью) неверно;
- 2 — не совсем верно;
- 3 — иногда верно;
- 4 — чаще верно;
- 5 — почти всегда (или всегда) верно.

Пункты опросника	1	2	3	4	5
1. Мой папа уважает мои чувства					
2. Я чувствую, что мой папа — очень хороший папа					
3. Мне бы хотелось иметь другого папу					
4. Мой папа принимает меня таким, каков я есть					
5. Я люблю выслушать мнение папы о вещах, которые меня заботят					
6. Мой папа может сказать, расстроен ли я чем-нибудь					
7. Обсуждение моих проблем с папой приводит к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда					
8. Рядом с папой я часто чувствую себя расстроенным					

Пункты опросника	1	2	3	4	5
9. Мой папа знает не обо всем, что меня расстраивает					
10. При обсуждении чего-либо мою папу интересует моя точка зрения					
11. Мой папа доверяет моим суждениям					
12. У моего папы достаточно проблем, чтобы еще беспокоить его моими					
13. Мой папа помогает мне лучше понять себя					
14. Я рассказываю папе о своих проблемах и бедах					
15. Меня злит мой папа					
16. Папа проявляет ко мне недостаточно внимания					
17. Мой папа помогает мне говорить о моих трудностях					
18. Мой папа понимает меня					
19. Когда я злюсь, папа старается понять меня					
20. Я доверяю своему папе					
21. Мой папа не понимает, чем я занимаюсь последнее время					
22. Я могу положиться на моего папу					
23. Если папа видит, что меня что-то беспокоит, то он спрашивает меня об этом					

Часть 3. Представленные утверждения касаются Ваших взаимоотношений с близким другом. Прочитайте утверждение и отметьте крестиком в соответствующей графе степень Вашего согласия или несогласия с ним. Используйте следующую шкалу ответов:

- 1 — почти полностью (или полностью) неверно;
 2 — не совсем верно;
 3 — иногда верно;
 4 — чаще верно;
 5 — почти всегда (или всегда) верно.

Пункты опросника	1	2	3	4	5
1. Мне нравится знать точку зрения друга о том, что волнует меня					
2. Мой друг чувствует, когда я чем-то расстроен					
3. Когда мы обсуждаем что-то, для моего друга важна моя точка зрения					
4. Обсуждение моих проблем с другом ведет к тому, что я чувствую себя глупым или испытываю чувство стыда					
5. Мне бы хотелось иметь другого друга					
6. Мой друг меня понимает					
7. Мой друг поощряет меня говорить с ним о моих трудностях					
8. Мой друг принимает меня таким каков я есть					
9. Мой друг не понимает, что происходит со мной в последние дни					
10. С моим другом я чувствую себя одиноко					
11. Мои друг выслушивает меня					
12. У меня хороший друг					
13. Мне легко разговаривать с моим другом					
14. Когда я злюсь, мой друг старается понять меня					
15. Мой друг помогает мне лучше понять себя					
16. Моего друга волнует, как я себя чувствую					
17. Я могу положиться на моего друга					
18. Я доверяю моему другу					
19. Мой друг уважает мои чувства					
20. Мой друг знает не обо всем, что меня расстраивает					
21. Похоже, что мои друзья раздражают меня без видимой причины					
22. Обо всех своих проблемах и бедах я могу рассказать своему другу					
23. Если папа видит, что меня что-то беспокоит, то он спрашивает меня об этом					

Обработка результатов*

Часть 1 “Привязанность к маме” (20 пунктов)

№	Субшкала	Пункты опросника
1	Доверие	1, 2, 3R, 4, 9, 10, 15, 16, 17
2	Общение	5, 11, 12, 14, 19, 20
3	Отчуждение	6, 7, 8, 13, 18
Общий показатель привязанности		Сложить показатели по первым двум шкалам и вычесть из полученной суммы показатель по третьей шкале теста

Часть 2. “Привязанность к папе” (23 пункта)

№	Субшкала	Пункты опросника
1	Доверие	1, 2, 3R, 4, 10, 11, 18, 19, 20
2	Общение	5, 6, 12R, 13, 14, 17, 22, 23
3	Отчуждение	7, 8, 9, 15, 16, 21
Общий показатель привязанности		Сложить показатели по первым двум шкалам и вычесть из полученной суммы показатель по третьей шкале теста

Часть 3 “Привязанность к близкому другу” (23 пункта)

№	Субшкала	Пункты опросника
1	Доверие	5R, 6, 8, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 19
2	Общение	1, 2, 3, 7, 15, 16, 22, 23
3	Отчуждение	4, 9, 10, 20, 21
Общий показатель привязанности		Сложить показатели по первым двум шкалам и вычесть из полученной суммы показатель по третьей шкале теста

* В случае наличия реверсивных пунктов (R) ответы респондентов переводятся в баллы следующим образом: 1 → 5, 2 → 4, 3 → 3, 4 → 2, 5 → 1.

RUSSIAN-LANGUAGE VERSION THE INVENTORY OF ATTACHMENT TO PARENTS AND PEERS BY G. ARMSDEN AND M. GREENBERG

N. V. Sabelnikova^{1,*}, D. V. Kashirsky^{2,3,**}, T. Yu. Sadovnikova^{4,***}

¹Altai State Pedagogical University;
656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55, Russia.

²Russian State Social University;
129226, Moscow, Wilhelm Pieck str., 4, build. 1, Russia.

³Financial University under the Government of the Russian Federation;
125993, Moscow, Leningradsky pr., 49/2, Russia.

⁴Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11–9, Russia.

*PhD (Psychology), Associate Professor, Institute of Psychology and Pedagogics, Department of Psychology.
E-mail: nsabelni@mail.ru

**ScD (Psychology), Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, RSSU;
Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University.
E-mail: psymath@mail.ru

***PhD (Psychology), Associate Professor, Faculty of Psychology, Department of Developmental Psychology.
E-mail: tatsadov@yandex.ru

Received 01.06.2022

Abstract. The article presents the results of validation of the Russian version of the G. Armsden and M. Greenberg's Inventory of Parent and Peer Attachment (IPPA-Ru). The sample consisted of 747 students of Russian universities ($n = 747$) aged 16–21 ($M = 18.72$; $SD = 0.97$), females — 71%. The factor structure of the Russian

version was confirmed. The results of assessment of convergent validity and descriptive statistics (norms) are presented. The study demonstrated that the measure is suitable for use for research purposes in the Russian sample.

Keywords: attachment to parents and peers, Inventory of Parent and Peer Attachment (IPPA, G. Armsden, M. Greenberg), validity, reliability, test norms.

REFERENCES

1. Ayyazova D.G., Gorlova E.L., Kashirsky D.V., Sabel'nikova N.V. Validizatsiya oprosnika "Shkala diadicheskoy soglasovannosti" G.B. Spen'era (DAS) na rossiyskoy vyborke // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 1. P. 112–131. (In Russian)
2. Lifintsev D.V., Lifintseva A.A. Pomogayushchiye otnosheniya i diagnostika prinadlezhnosti: psikhometricheskiye svoystva oprosnika IPPA // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2015. V. 11. P. 67–72. (In Russian)
3. Molchanov S.V., Almazova O.V. Blizkiye mezhlichnostnyye otnosheniya s roditelyami i sverstnikami v podrostkovom vozraste kak faktor vyzdorovleniya k moral'nomu samoopravdaniyu // *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*. 2020. V. 12. № 3. P. 124–136. (In Russian)
4. Sabelnikova N.V., Lipovaya Ye.S. Rol' kachestva blizkikh otnosheniy s roditelyami v dinamike privyazannosti k podrostkovomu vozrastu // *Podrostok na poroge rosta: Sbornik tezisev uchastnikov ostal'nykh Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po psikhologii razvitiya*. Moscow: Publ. MGPPU, 2011. P. 50–51. (In Russian)
5. Sadovnikova T.Yu., Dzukaeva V.P. Rol' materi i otca v razvitiy individual'nykh yunoshej i devushek: kross-kul'turnyy aspekt // *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal*. 2014. V. 4. № 16. C. 52–63. (In Russian)
6. Armsden G.C., Greenberg M.T. The Inventory of Parent and Peer Attachment: Relationships to well-being in adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 1987. V. 16. № 5. P. 427–454.
7. Bartley M., Head J., Stansfeld S. Is attachment style a source of resilience against health inequalities at work? // *Soc. Sci. Med.* 2007. V. 64. № 4. P. 765–775.
8. Bolat N., Odaci H. High School Final Year Students' Career Decision-Making Self Efficacy, Attachment Styles and Gender Role Orientations // *Current Psychology*. 2016. V. 36. № 2. P. 252–259.
9. Cassidy J., Shaver Ph. (Eds). *Handbook of Attachment: Theory, Research, and Clinical Implications*. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2018.
10. Diener M.L., Diener-McGavran M.B. What makes people happy? A developmental approach to the literature on family relationships and well-being // *The science of subjective well-being*. Eds. M. Eid, R.J. Larsen. New York: The Guilford Press, 2008. P. 347–375.
11. Eby L.T.D.T., Allen T.D. (Eds). *Personal Relationships: The Effect on Employee Attitudes, Behavior, and Well-being*. 1st ed. Routledge, 2012.
12. Fraley R.C., Heffernan M.E., Vicary A.M., Brumbaugh C.C. The experiences in close relationships — Relationship Structures Questionnaire: A method for assessing attachment orientations across relationships // *Psychological Assessment*. 2011. V. 23. № 3. P. 615–625.
13. Gallarin M., Alonso-Arbiol I. Dimensionality of the Inventory of Parent and Peer Attachment: Evaluation with the Spanish Version // *The Spanish Journ. of Psychology*. 2013. V. 16. E55.
14. Guarnieri S., Ponti L., Tani F. The Inventory of Parent and Peer Attachment (IPPA): A study on the validity of styles of adolescent attachment to parents and peers in an Italian sample // *TPM-Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2010. V. 17. № 3. P. 103–130.
15. Kocayörük E.A. Turkish adaptation of the inventory of parent and peer attachment: The reliability and validity study // *Eğitim Araştırmaları-Eurasian Journ. of Educational Research*. 2010. V. 40. P. 133–151.
16. Leondari A., Kiosseoglou G. The Relationship of Parental Attachment and Psychological Separation to the Psychological Functioning of Young Adults // *The Journ. of Social Psychology*. 2000. V. 140. № 4. P. 451–464.
17. Rice K.G., FitzGerald D.P., Whaley T.J., Gibbs C.L. Cross-Sectional and Longitudinal Examination of Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment // *Journ. of Counseling and Development*. 1995. V. 73. P. 463–474.
18. Sadovnikova T.Yu., Dzukaeva V.P. Attachment to Mother as a Factor of Adolescents' Separation from Parents: Cross-Cultural Study // *International Attachment Conference (29 June — 1 July 2017)*. Book of Abstracts. London: Institute of Education, 2017. P. 197.
19. Slatcher R.B., Selcuk E.A. Social Psychological Perspective on the Links Between Close Relationships and Health // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. V. 6. P. 6–21.
20. Schwartz J.P., Buboltz W.C. The Relationship Between Attachment to Parents and Psychological Separation in College Students // *Journal of College Student Development*. 2004. V. 45. № 5. P. 566–577.
21. Vignoli E., Mallet P. Validation of a brief measure of adolescents' parent attachment based on Armsden and Greenberg's three-dimension model // *Revue Européenne de Psychologie Appliquée*. 2004. V. 54. P. 251–260.
22. Wilson J., Wilkinson R. The Self-Report Assessment of Adolescent Attachment: A Systematic Review and Critique // *Journ. of Relationships Research*. 2012. V. 3. P. 81–94.

УДК 316.62

ОБРАЗ ПЕТРА I В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН¹

© 2023 г. А. Л. Журавлев*, Д. А. Китова**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: j-kitova@yandex.ru

Поступила 09.01.2023

Аннотация. В статье показано, что личность Петра I занимает важное место в структуре общественной мысли, но нередко получает противоречивые оценки. Задачей исследования выступило изучение образа императора в представлениях наших современников. Поиск реализован путем обращения к текстам сообщений о Петре I в социальных сетях. В ходе исследования осуществлен частотный, морфологический и эмоциональный анализ текстов. Наряду с оценкой эмоционально-психологических и личностных особенностей императора, авторами реализован содержательный анализ психологических особенностей отношения пользователей к исторической ситуации в целом, что позволяет не только описать личностные характеристики императора, но и продемонстрировать их место в общей структуре оценок его деятельности. Полученные результаты показали уважительное отношение пользователей к достижениям императора при выраженном эмоциональном несогласии с палитрой некоторых его мировоззренческих убеждений. В качестве частных выводов показано, что интерес современников (пользователей социальных сетей) к образу Петра I в наибольшей степени сконцентрирован на прогрессивных изменениях государственного уровня. Психологический образ Петра I представлен развернутыми оценками. Основные психологические особенности императора сведены в сознании пользователей в две укрупненные подгруппы — индивидуально-психологические и организационно-управленческие. Анализ эмоционального фона сообщений показал, что при оценке жизнедеятельности императора превалирует нейтральный фон, который, возможно, обусловлен исторической дистанцией между эпохами. В качестве перспектив авторы указывают методологические и прикладные направления исследований, требующие дополнительного исследовательского внимания.

Ключевые слова: историческая психология, образ Петра I, социальные сети, анализ текстов, частотный анализ, эмоциональный фон, личностные особенности, направленность личности, организационные способности, итоги жизнедеятельности.

DOI: 10.31857/S020595920024912-9

ВВЕДЕНИЕ

Личность Петра I занимает важное место в контексте общественной мысли (политике, литературе, искусстве), а также в быденном сознании россиян [1; 8; 10]. Тем не менее, несмотря на свою известность и широкое признание заслуг в развитии российской государственности, его личность характеризуется многими соотечественниками как неоднозначная, получает обширные позитивные

и негативные оценки, которые зачастую прямо противоречат друг другу [2; 3].

Задачей исследования выступила необходимость изучить содержательное наполнение образа императора в представлениях наших современников. Поиск психологических составляющих образа императора в массовом сознании россиян реализован посредством обращения к текстам сообщений о Петре I в социальных сетях и их последующим контент-анализом с выделением содержательных паттернов, характеризующих индивидуально-психологические особенности императора. И третье направление предполагает сопоставление выявленных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-42001.

личностных образов Петра I в литературе и обыденном сознании по признаку негативного и позитивного его (образа) наполнения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В контексте психологических явлений образ рассматривается как цельный феномен, без дробления его на структурные элементы, несмотря на то что он включает в себя как рациональные, так и иррациональные компоненты, отражает психологические особенности отношения человека к себе, окружающему миру и своему месту в нем. В целях проведенного исследования важно, что образы оказывают воздействие на поведенческую активность личности и социальных групп, интегрированы в механизмы социальной самоидентификации, функционально упорядочивают многообразие отдельных явлений в единую смысловую категорию. Образ также сопряжен с эмоциональной сферой человека, подвижен в пределах временного диапазона и может меняться в соответствии с психологическими ситуациями развития самого человека, групп и общества в целом.

Представленные позиции позволяют характеризовать избранную категорию как *проблемную сферу* в развитии человека и общества, в частности в понимании исторических ситуаций, динамично сменяющихся с течением времени, что принципиально важно в рамках как психологической, так и социологической отраслей науки, имеет существенное значение в контексте практики изучения общественных настроений и разработки технологий государственного управления.

В рамках анализа личностных характеристик Петра I в обыденном сознании проведен анализ тематических сообщений пользователей социальных сетей. *Цель данного этапа* исследования — выявление личностных характеристик Петра I. *Объект* — тексты сообщений пользователей социальной сети «ВКонтакте», в которых присутствует словосочетание Петр I в различных коннотациях: «Петр I», «Петр первый», «Петр Великий» и «Петр 1»². Всего было собрано 2574 уникальных сообщения. Далее производился морфологический анализ текста каждого сообщения с предварительным его разбиением на токены и сопутствующим частотным анализом слов. *Содержательный* анализ, предложенный авторами, предполагал следующую структуру:

поиск психологических особенности отношения к историческим ситуациям — характеру политической и экономической деятельности, а также к эмоционально-психологическим и личностным оценкам императора. Такой подход позволяет не только выявить личностные характеристики, приписываемые императору, но и увидеть их место в *общей* структуре оценок его деятельности.

При анализе сообщений в социальных сетях использованы разработки по анализу *сентимента* (тональности/эмоциональной окраски) и извлечению *сущностей* (смыслов) из текста. Для анализа тональности в качестве базовой языковой модели использована нейросеть, обученная по модели FastText (см. рис. 1). Сеть обучается методом максимального правдоподобия (подробнее см. [4]) и является устойчивой к изменениям окончаний. Оценка эмоциональной тональности слов произведена посредством модели Dostoevsky на датасете RuSentiment [11]. Эмоциональный фон распределяется в рамках трех модальностей — отрицательные, нейтральные и положительные оценки, в числовом диапазоне от -1 до $+1$, с разбиением шкалы на 20 равномерных по величине единиц — «шагов» (длина каждого шага равна 0.1).

Для автоматизированного (машинного) анализа в общей картотеке собранных публикаций были отобраны фрагменты текстов, связанные со словом «личность» и соответствующими ему *синонимами*. В основу отбора синонимов положен метод построения векторного пространства семантических слов (VSM). Теоретически в VSM каждое слово представлено переменной, имеющей числовое значение, указывающее вес (важность) слова в документе. В данной работе использовалась модель FastText — библиотека, содержащая предобученные готовые векторные представления слов в модели векторного пространства. Слова, имеющие смысловое единство, отбираются в диапазоне от 1 до 0.5. Если такое единство меньше 0.5, то слова не являются близкими по значению и становятся не актуальными для анализа (подробнее о методах см. [9]).

Классификация *личностных характеристик* Петра I производилась в ручном режиме с разделением на общественные, философские, организационные, социальные и психологические подгруппы в соответствии с отобранными авторами *смысловыми категориями*. В работе одновременно со содержательно-смысловым анализом слов, отражающих личностные характеристики, был произведен и их частотный анализ (разработчик программных инструментов для использования векторной модели и частотного анализа слов — М.А. Китов).

² Пользователи часто используют именно такой вариант правописания из-за нежелания переключать раскладку клавиатуры с кириллицы на латиницу и обратно.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Содержательный анализ текстов сообщений в социальной сети “ВКонтакте” позволяет отметить, что предметом обсуждения пользователей становятся различные стороны жизни и деятельности Петра I: его реформаторская деятельность (как внутривластная, так и международная), обсуждаются проблемы исторической эпохи, даются оценки его индивидуально-личностных характеристик как политического деятеля и человека. В ходе исследования было собрано 2574 сообщения. Итоги анализа количественных характеристик обсуждаемых проблем представлены на рис. 1, а. В структуре обсуждений отдельно запрашиваются “реформы государства” (количество — 347), “военные реформы и международная деятельность” (593), “проблемы эпохи” (180) — периода жизнедеятельности императора и последующего периода времени, включая современное состояние общественно-политической ситуации в России, а также всевозможные оценки, связанные с “психологическим портретом” императора (371), — его нрав, устремления, индивидуально-личностные характеристики, специфика взаимодействия и общения с ближним к нему социальным кругом. В качестве самостоятельных выделены запросы, связанные с обсуждением образовательных проблем, отражающих ситуацию по изучению периода правления Петра I (83). Как видно из рисунка, личностные характеристики императора являются самостоятельной проблемой, хотя и не ведущей.

В сообщениях пользователей при рассмотрении личности императора воспроизводятся многие из представленных в отечественной литературе авторских позиций. Так, в сфере интерпретации *общественной деятельности* отмечается, что Петр I является “одним из ярких примеров самодержавного царя императора”, а также упоминается, что “масштабы его (Петра I. — *Примеч. авт.*) свершений грандиозны”, “дела и поступки впечатляют”. Наблюдаются и более пафосные мнения: “Петр I — отец народов!”.

Философский образ императора пользователи социальной сети на удивление часто связывают не столько с характером его правления (“Если бы подобный деятель был у власти в XXI столетии, — уверена, все было бы иначе”), сколько с развитием просвещения и науки: “Читайте, дорогая, побольше, учиться в любом возрасте при любой должности не грех — еще Царь-Батюшка Петр I указывал на это — помните???”; “Петр первый тоже в Швеции учился, да в Голландии... зачем велосипед

изобретать, если научиться можно”; «...Петр I “учил” таких через повешение, всячески поддерживаю!»; “Когда Петр I скупал европейские технологии, он не стеснялся говорить, что покупает и учится”. Некоторые пользователи даже сводят к данной позиции практически *все* величие императора: “Петр I считал, что учиться не стыдно, стыдно не учиться. Именно поэтому Петр I — Великий”. Столь частое обращение к проблемам *образования* (ниже эта позиция будет представлена и по другим смысловым подгруппам) может указывать на возраст пользователей, которые (пользователи) скорее всего молоды и все еще тесно интегрированы в образовательные процессы (или недавно завершили обучение) и наиболее остро переживают именно эти стороны проблемы. Или же можно допустить, что на современном этапе развития общества люди достаточно четко осознают высокую значимость образования в развитии экономических, а как следствие, и общественных процессов. Без дополнительного анализа ситуации сложно склониться к первому или второму варианту объяснения сложившейся ситуации.

Политический образ императора у пользователей социальных сетей также наделяется индивидуальными признаками: “И государство Российское в Империю преобразить сумел”, “Россия стала мощной Океанской и Сетевой Державой!”. Звучат идеи и о его нацеленности на освоение достижений западной культуры — “Петр I является *первым западником*, до него русским было наплевать что там на Западе”, а также о его роли в исторической череде российских правителей и политических лидеров — “Вы должны понимать, что в России было всего несколько правителей: Петр I, Иван Грозный и Сталин (Иосиф Виссарионович. — *Примеч. авт.*) ... все остальные управляли наряду с парламентом, советом и т.д.”

Психологическая структура политического образа императора, как и в его литературном образе, может быть сгруппирована по составляющим его компонентам, среди которых:

1. *Поведенческие* оценки *государственной деятельности* императора пользователи связывают с его многочисленными достижениями: “Петр I Русский Флот ладил”, “Морскую крепость воздвиг Санкт-Петербург в честь Святого Петра”, “Сквозь Сибирь прошли и крепость воздвигли Владивосток”, можно указать на многообразие (неоднотипность) обсуждаемых ситуаций — Петр I повелел “челобитные и договоры в России писать на гербовой бумаге”.

2. *Мировоззренческие* (ценностно-психологические) оценки среди современников также

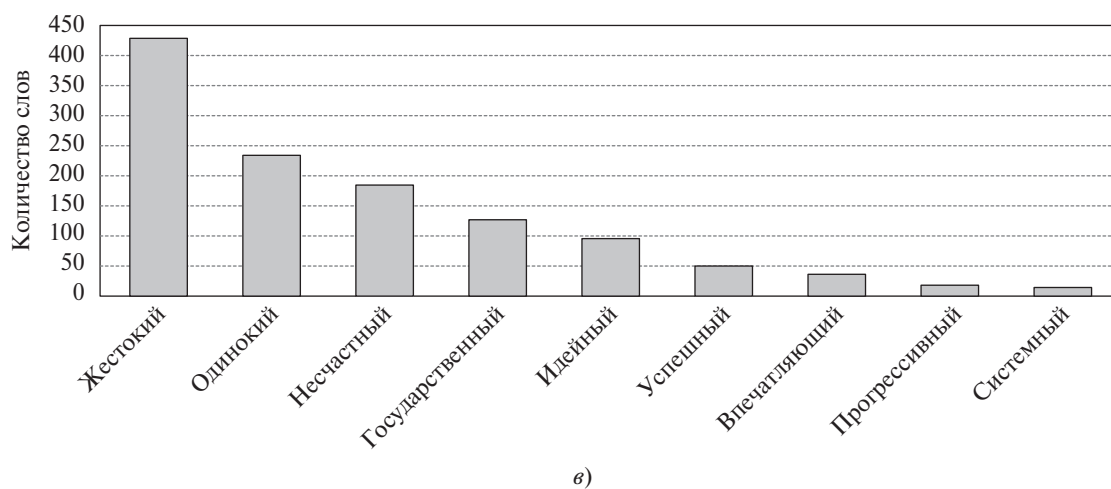
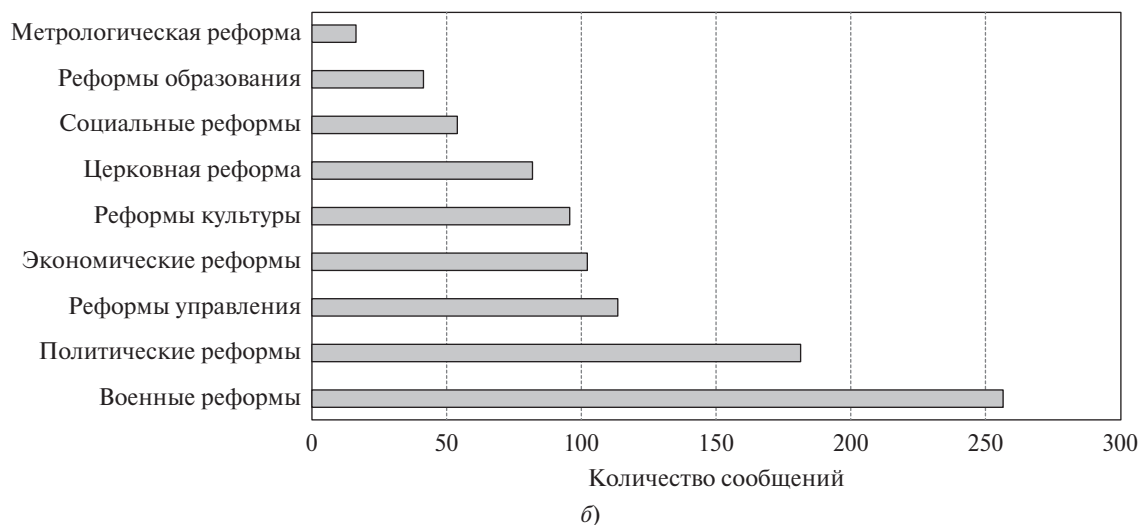
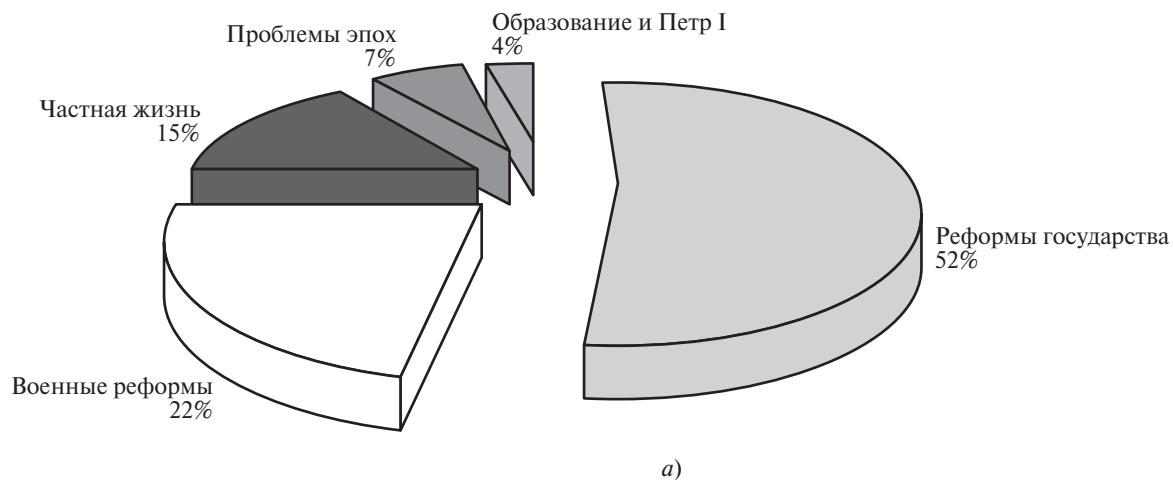

Рис. 1. Смысловой и частотный анализ слов в сообщениях пользователей социальной сети “ВКонтакте”: а — распределение характера интереса пользователей к жизни и деятельности Петра I; б — распределение частоты интереса пользователей к реформам Петра I; в — распределение частоты встречаемости слов по оценке индивидуально-личностных характеристик Петра I

продолжают сохранять негативное толкование избранного императором цивилизационного пути, в частности, можно обратить внимание на такое высказывание: “Петр I — могильщик исконной Руси”.

3. *Индивидуально-психологические* оценки императора простираются от скромной трансляции того, что “Петр был чрезвычайно трудолюбив и подвижен”, до выражения агрессивной риторики в поддержке авторитарной политической системы управления: “...еще, есть методы для этих... депутатов, чиновников и министров. И эти методы успешно применял Сталин, а до него, Екатерина Великая, а еще ранее Петр Первый, а до него Грозный. И всегда успешно для страны”.

Оценки *организаторских/экономических* способностей императора выражаются пользователями в свободной стилистической манере. В частности, по реформе алфавита можно найти такой текст: «Петр I был добросовестным арт-директором. Перед ним лежал алфавит с разными видами дизайнов той или иной буквы. Он сидел и вычеркивал их. Говорил: “Вот так буква будет выглядеть, а вот так не будет”. Заодно он просто повычеркивал целые буквы, потому что они ему не нравились». По проведенным реформам Петра I также можно обнаружить много высказываний в неформальном *сленговом стиле*: “грамотный пиарщик”, “прекрасный арт-директор”, “отработал графику букв для русского алфавита”. Такую же риторику из неформального лексического регистра можно обнаружить и в репликах о строительстве Санкт-Петербурга: “Красивый город Петербург, Петр I — красавчик!”.

Социально-психологический образ монарха пользователи также, как ученые и литературные деятели, связывают с социальной черствостью (низким порогом чувствительности) императора: “Петр, осознавая всю полноту своей власти, насильно проводил необходимые, на его взгляд, реформы, в первую очередь — военную”, пользователи также подтверждают позиции о его авторитарной манере поведения: “...Петр первый велел сбривать бороды и жрать картоху...”. Пользователи обращают внимание и на новые социальные традиции, укорененные его *единоличным* решением: “...традицию наряжать елку привез Петр Первый...”; «В этот день 320 лет назад Петр I провел первую “модную реформу”»; “Всем перечисленным в указе велено срочно переодеться в короткие европейские костюмы вместо старинной длинной одежды”. Тем не менее социально-психологический образ императора в высказываниях пользователей неизменно сохраняет свою *незаурядную природу* — “гениальный царь

Петр I понял, что России нужен срочный ребрендинг, этакая модернизация”.

Свои оценки эпохи правления Петра I пользователи связывают и с его пристрастно позитивной оценкой достижений *европейских* стран: «жили русские в “своей деревне” и им она нравилась»; “один раз попав в Европу, Петр I навсегда заболел идеей жить как в Лондоне. С тех пор эта мысль не дает России покоя”. Многократно фиксируется нацеленность императора на укоренение в России западной культуры: “...всех детей бояр отправлял в Европу, чтобы пропитались духом европейским, не только учебой, но и работой, пьянками в барах и драками, чтоб суть поняли европейского уклада, а потом на родину — европейский быт строить да культуру в массы давать”. Оговаривается его приверженность достижению запланированных целей и результатов вопреки внешним неодобрительным оценкам: “Петр Первый тоже много что заимствовал у европейцев. Что не помешало ему поднимать величие России и бить шведов”.

Историческая связь времен. Историческая ретроспектива образа императора также становится предметом размышлений пользователей, которые начинаются от скромных — “Из истории я знаю только то, что Петр I существовал — это все мои знания”, сменяются анализом частных ситуаций: “Вы разве не знали, что картофель привез Петр I из Голландии в начале 18 века?”, отражая неразрывную связь времен — “14.02.1706 в Москве за Сухаревой башней Петром I был основан Аптекарский огород для выращивания лекарственных растений”, переходят к оцениванию современных исторических ситуаций — “Знал бы Петр I, что его именем назовут аэропорт Воронежа”, а также пользователи часто шутят по различным поводам, укореняя в быденном сознании преемственность времен, — “Посмотрел я сейчас на цены съемного жилья в Москве. Теперь понятно, почему Петр I основал Питер — он догадывался, что в Москве жить будет неподъемно дорого”. Пользователи демонстрируют и более скромные переживания постпетровской повседневности, связанные с именем монарха: “...в моем городе минералка, которую любил Петр I”, “...вот тут Петр Первый посадил ель” или же “...у нас в городе есть дом (там еще люди живут), в котором останавливался Петр I, когда возвращался с Полтавской битвы”. Также можно обратить на инкорпорированность имени Петра I в контекст непринужденного общения. Из представленных текстов очевидно, как исторические события естественным образом встраиваются в фабулу повседневного общения, выражаясь через юмор, иронию или сарказм (табл. 1). Все эти

Таблица 1. Высказывания пользователей о Петре I, выраженные в сатирической форме

Жанры	Выдержки из текстов сообщений
Юмор	— ...все так, но, вообще говоря, — Америку открыли Петр I и Кутузов, а про Колумба — вранье (ну, или, как минимум, он был из Смоленска). — Если выкурить за раз пачку сигарет “Петр I”, то с царем можно встретиться лично. — Снилось, как Петр I назначил меня шахом Персидской империи, а я поехал умом от такой огромной ответственности.
Сарказм	— Если из сказки о Золушке убрать романтику и добавить цинизма... получим историю Петра I и Екатерины. — Я пойду сдавать историю, зная, что Петр I — это сигареты, Наполеон — торт, Кутузов — коньяк, а Цезарь — салат, между прочим, вкусный... — Вообще испанцы очень смешные, переводят иностранные имена на свой лад: так, например, Петербург построил не Петр, а Педро.
Ирония	— ...слушай, ну Петр I же не зря завез табак, так может по сигаретке? — Петр I привез микроскоп в Россию для того, чтоб я в 21 веке разбила объективом стекло на экзамене! — ...аккомпанемент — Наполеон, звукорежиссер — Петр I, студия — Палата № 6...

свободные высказывания подчеркивают неразрывную и прочную историческую связь повседневной жизни россиян с именем Петра I.

Пользователями оговаривается и романтический образ императора, который, в отличие от подобного образа в художественной литературе, сконцентрирован исключительно в пределах его личной жизни: “Обвенчавшись с ней (Екатериной I. — *Примеч. авт.*), Петр I запретил разговоры о ее происхождении” или же “Петр I был очень привязан к своей второй жене Екатерине”.

Несмотря на широкий разброс обсуждаемых вопросов, в текстах пользователей не обнаружено сообщений, затрагивающих *идеологическую динамику оценок* императора, кроме одного высказывания, выдержанного в рамках марксистской идеологии: “...потом были Иван Грозный, Петр I, Николай II... там много еще *угнетателей* Руси!”. Не найдены *амбивалентные* оценки личности императора, которые указывали бы на сомнения, сложноорганизованные или негативно-позитивные представления пользователей о нем. Описания императора практически всегда реализуются или в позитивном (см. выше), или в негативном ключе. В качестве негативных высказываний можно представить два следующие из них: “Петр был жестоким человеком” и “...ну, а кто возьмется утверждать, что Петр I был примерным христианином, следовал всем заповедям?”. Мало текстов с описанием взаимоотношений императора с окружающими людьми или указывающих на специфику формирования императором своего круга общения, а также рассуждений о социальных инновациях, культивируемых императором в общественных взаимоотношениях того периода. В текстах практически нет информации о детстве (или отрочестве) Петра I, за исключением единственного высказывания — “ааааа, божечки, маленький Петр I в Расколе такой крошка”.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Для понимания степени увлеченности пользователей личностными особенностями Петра I в работе показан характер интереса ко всей палитре его деятельности (см. рис. 1, б). Как оказалось, внимание к личности императора более всего сосредоточено на разнообразии проведенных им *реформ* (74%) — начиная от военных и завершаясь метрологической. В структуре реформ в самостоятельную позицию можно выделить увлеченность пользователей *военными реформами* императора, что в количественной оценке составляет почти четверть объема (22%) интереса к реформам. Здесь важно обратить внимание и на то, что пользователи сильнее привлекают события, связанные с достижениями на *уровне государства*, слабее — с *качеством жизни* населения, что требует своего специального изучения [6; 7].

Не умаляя всей значимости реформ, проведенных императором, и их роли в толковании образа Петра I, следует отметить, что интерес к его индивидуально-личностным характеристикам и специфике частной жизни выступает самостоятельной проблемой и достаточно выражен и достигает 15% (см. рис. 1, в). Еще два тематических направления, выделенные нами в структуре обсуждаемых проблем, обнаруживают тесную связь образа Петра I с современной жизнью россиян (7%), а также восприимчивость пользователей к инициативам императора в области науки и просвещения — 4% (соответствующие пояснения приводятся в тексте статьи).

С *психологической* точки зрения информацию о количестве и качестве реформ Петра I можно интерпретировать как проявление *неординарной* личности императора. В свою очередь, протяженность

реформ во времени и их результативность можно объяснить, опираясь на высокую оценку *волевых* качеств императора (способность к саморегуляции поведения и деятельности) и *организационно-управленческих способностей*, а в качестве обобщающего вывода отметить *мировоззренческую устойчивость* и цельность *характера*, которые позволили Петру I не уклоняться от единожды избранного пути/курса. Результативность преобразований императора, которая признается современными политиками, в дополнение к описанным фактам может указать на значительный уровень *практического интеллекта*, способность к *стратегическому мышлению* и *политическую прозорливость* монарха. Эта первая позиция.

Вторая позиция связана с непосредственным суждением пользователями *психологических* особенностей императора. В целом нами выделено 10 наиболее часто встречающиеся психологических оценок императора (рис. 1, в). Наиболее значимой из них выступила такая характеристика императора, как “великий”. В силу того что это определение носит “собирательный” характер и традиционно часто употребляется с именем императора в литературе и быту, оно не включено в табл. 1 из-за несопоставимо высокой частоты употребления. Кроме того, для раскрытия (толкования) величия императора достаточно обратиться к предыдущему абзацу, где такой собирательный образ составлен. Представленные в табл. 1 девять характеристик императора можно без труда свести к двум основным позициям — это оценки *индивидуально-психологических* характеристик (жестокий, одинокий, несчастный) и *деловых* качеств (государственный, идейный, успешный, впечатляющий, прогрессивный, системный). Вторая особенность представленного материала связана с тем, что оценки *личностных* особенностей императора носят исключительно негативный характер, а *деловых* — позитивный. В-третьих, в структуре индивидуально-личностных оценок императора проявляется логическая закономерность: *жестокость* личности ведет к социальной изоляции (т.е. *одиночеству*), а отсутствие тесных социальных контактов и доверительных отношений с другими людьми неизбежно угнетает эмоциональное благополучие человека, что и определяется пользователями как “несчастный”. В-четвертых, важно обратить внимание, что оценки деловых характеристик императора выдержаны в *современном стиле* (системный, прогрессивный и т.д.), что, скорее всего, можно согласовать с высоким уровнем образования пользователей. В-пятых, важно отметить, что в оценке деловых характеристик императора не представлены сленговые интерпретации или всевозможные сатирические

стили определения, что свидетельствует о почти-тельном/*уважительном* отношении пользователей к достижениям императора. И заключительная, шестая позиция соотносится с тем, что из высказываний пользователей сложно определить, что находится в *основе* такой ключевой характеристики императора, как жестокость: является ли эта черта *врожденной* (генетически предопределенной), *приобретенной* — в силу особенностей жизненного пути, самой эпохи и сложности решаемых им социальных задач, или же *ситуативно обусловленной*, когда в одних ситуациях император справедлив и милосерден (как указано в литературных источниках), а в иных груб и жесток. Возможно, жестокость императора выступает и неким *комплексом* различных детерминаций генетического, психологического, социального или ситуативного характера.

АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФОНА СООБЩЕНИЙ

Анализ эмоционального фона сообщений произведен сверхточной нейронной сетью. Визуализация результатов выполнена преобразованием данных в единую шкалу в диапазоне от -1 до +1 (от выражено негативно к выражено позитивно). Как оказалось, *негативные* оценки императора распределены в диапазоне от -1.013 до -0.109 и указывают на непринятие *методов* реализации крупномасштабных целей и задач (рис. 2, а), которые привели к большим человеческим жертвам, несогласие пользователей с *западнической* ориентацией императора, а также отвержение его неблагоприятного личностного облика (“убил сына”, “был беспредельно жесток”, “из личных мотивов казнил Марию Гамильтон и Виллима Монса”).

Положительный эмоциональный фон высказываний незначителен и распределен в диапазоне от 0.104 до 0.582. Этот фон в основном связан с созданием регулярной армии и флота, развитием науки и образования, содействием развитию промышленности и торговли, усилением авторитета государства на международном уровне, непритязательностью в быту. *Нейтральный* эмоциональный фон (диапазон от -0.099 до +0.099) соотносится с обсуждением исторических достижений императора, а также реалий постпетровской эпохи — фильмов, исторических мест и памятников, представленности эпохи в школьной программе, обсуждением Санкт-Петербурга и его достопримечательностей и т.д.

В целом количество негативных сообщений достигает 26%, нейтральных — 70%, а позитивные

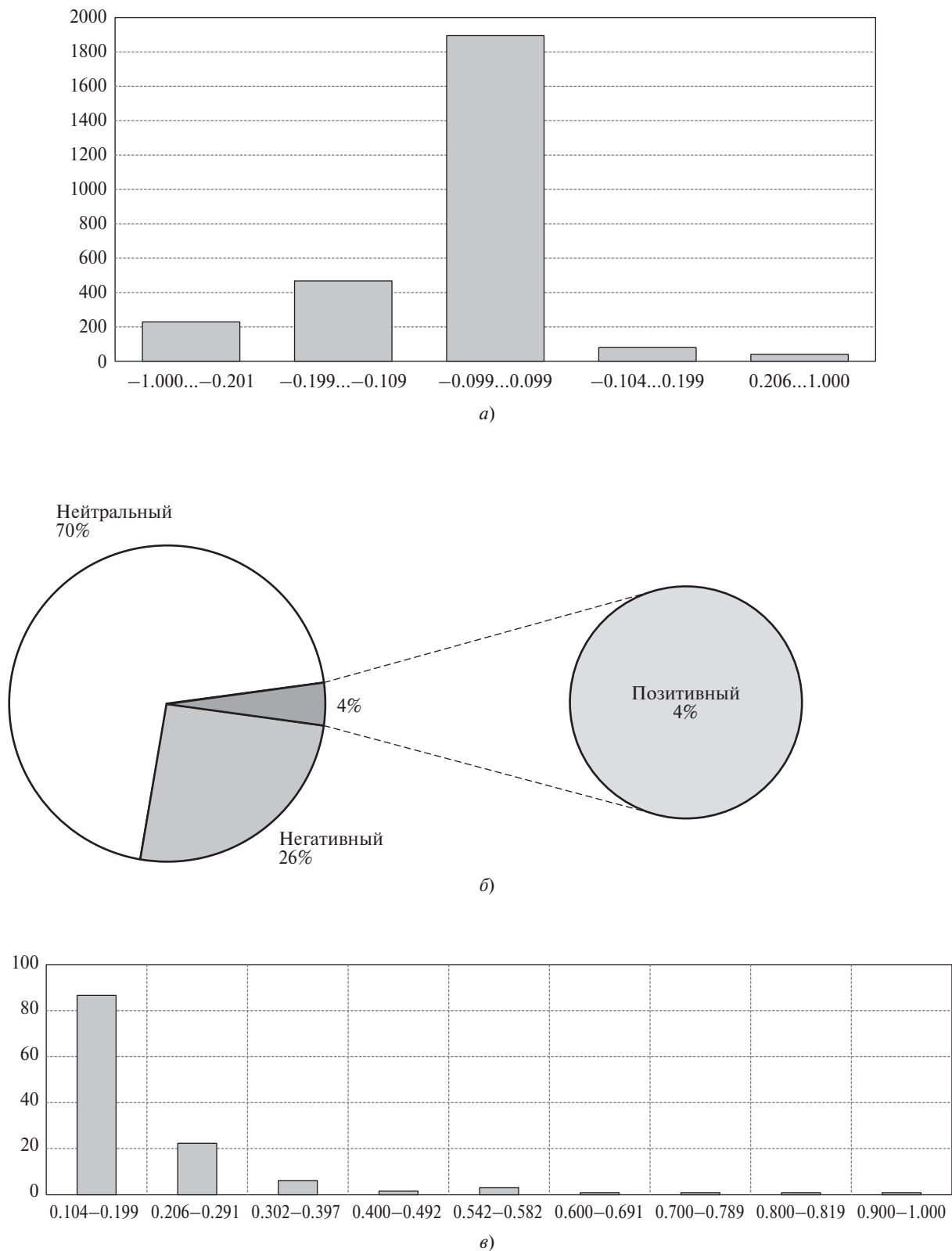

Рис. 2. Распределение результатов оценки эмоционального фона слов о Петре I в сообщениях пользователей социальной сети «ВКонтакте»: *а* — количественные характеристики распределения эмоционального фона слов в сообщениях пользователей о Петре I; *б* — общее распределение результатов оценки эмоционального фона слов в сообщениях пользователей о Петре I; *в* — распределение негативного эмоционального фона слов в сообщениях пользователей о Петре I

оценки набирают лишь 4% (рис. 2, б и в). Также показательно, что позитивный фон фиксируется в основном на первых двух (наименее выраженных) позициях шкалы и немного — на четвертой из девяти возможных (диапазон от 0.542 до 0.582), что указывает не только на малую долю сообщений с позитивным эмоциональным фоном, но и на их незначительную выраженность/интенсивность. Низкий уровень эмоционального фона в отношении к императору может быть обусловлен и протяженной исторической дистанцией, способствующей угасанию эмоциональной остроты восприятия исторических событий, происходивших три сотни лет тому назад.

Таким образом, тональность отношения к императору в целом отличается стойким нейтральным (безоценочным) фоном, хотя выявлен и достаточно выраженный негативный фон, и незначительный позитивный. Полученные результаты указывают больше на уважительное отношение пользователей к достижениям императора (связанное с признанием его заслуг), чем на эмоциональное сходство мировоззренческих убеждений.

ВЫВОДЫ

На основе полученных результатов можно говорить о следующих основных выводах исследования.

1. Среди современников (пользователей социальных сетей) интерес к образу Петра I более сконцентрирован на прогрессивных изменениях *государственного уровня* и намного меньше соотносится с *качеством жизни* населения. У пользователей также можно наблюдать стабильно выраженный интерес к его *индивидуально-личностным* характеристикам, тесную интегрированность образа Петра I с *современной жизнью* россиян, а также высокую чувствительность к инициативам императора в области *просвещения и науки*.

2. С *психологической* точки зрения теоретический образ Петра I можно интерпретировать как проявление: *неординарности* государственного деятеля (1), *высоких волевых качеств* (2), *организационно-управленческих* способностей (3), *мировоззренческой устойчивости* (4), *цельности* характера (5), хорошо развитого *практического* интеллекта (6), способности к стратегическому *мышлению* (7) и политической *проницательности* (8).

3. Анализ *психологических* характеристик императора, представленный в *обыденном сознании* пользователей социальных сетей, выявил наиболее часто повторяющуюся характеристику императора, которая определяется как *“великий”*. Основные

психологические особенности императора в сознании пользователей можно свести в две укрупненные подгруппы — *индивидуально-психологические* и *организационно-управленческие*. Первые характеристики носят определенно *негативный* характер, а вторые сконцентрированы исключительно в зоне *позитивных оценок*. Последняя позиция согласуется с высказываниями о величии императора, которые в контексте современной методологической лексики можно представить как *управленческий талант* императора.

4. В выделенной пользователями структуре индивидуально-личностных оценок императора проявляется *психологически обусловленная закономерность*: *жестокость* императора неотвратимо привела его к социальной изоляции (*одиночеству*), которая (изоляция), в свою очередь, неизбежно проявилась посредством субъективной неудовлетворенности в личной жизни, которую пользователями определены как *“несчастный”* (прилагательное “несчастный” в словарях русского языка раскрывается как “лишенный радости”).

5. Анализ *эмоционального фона* сообщений показал, что в оценке императора превалирует *нейтральный* фон, который, возможно, обусловлен исторической дистанцией между эпохой императора и современной жизнью. Вместе с тем можно указать, что уровень *негативных* оценок в сообщениях многократно превышает уровень позитивных, хотя их количественные характеристики (даже если их сложить вместе) уступают объему нейтральных оценок. К примеру, *позитивный* фон по интенсивности проявления регистрируется в основном на начальных двух позициях из девяти возможных.

6. В качестве обобщающего сравнительного вывода можно отметить, что образ Петра I в *научной литературе* представлен наиболее *развернуто*, раскрывает практически все сферы жизнедеятельности общества, затронутые реформами императора, изобилует анализом исторических фактов и их интерпретациями. Индивидуально-психологический образ императора наделяется как позитивными, так и негативными характеристиками, довольно часто тяготеет к амбивалентности или сложноорганизованному описанию. *Художественный образ* Петра I более *поэтичен* и тяготеет к лиричности, в нем (образе) присутствует стремление к созданию милостивого, переживающего и увлеченного государя с романтическими чертами характера. Представления *пользователей* социальной сети “ВКонтакте” о личности Петра I распределены в наиболее *ограниченном диапазоне* обсуждений (например, они практически не говорят о социальном окружении императора), вместе с тем пользователи более

пристрастно относятся к новациям Петра I в сфере *образования* и представленности его образа в рамках *современной жизни*. Ведущий фон отношения пользователей к императору можно определить как *нейтральный*, что может быть обусловлено протяженной временной дистанцией между тем историческим периодом и текущей эпохой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на полученные в ходе исследования результаты, можно указать еще на несколько позиций, которые требуют дополнительного внимания.

Во-первых, феномен исторической памяти составляет одну из важных основ *становления национальной идентичности* и представляет собой “скорее процессы конструирования интерпретаций исторических событий, соответствующих целям и ценностям конкретной социальной общности, чем собственно воспоминания” [5, с. 49]. В силу чего он (феномен) должен быть пристальным объектом внимания общественных и политических элит, идеологическая сущность которых нередко проявляется как соперничество разных *интерпретаций* одних и тех же исторических событий.

Во-вторых, развитие цифровых технологий, расширение пространства которых позволяет создавать и анализировать большие базы данных, производить эмпирические “срезы” общественного мнения/настроения в режиме реального времени в интернете, а также организовывать широкий междисциплинарный анализ сложных социальных проблем, должно неизменно находиться в “фокусе зрения” гуманитарных отраслей науки.

В-третьих, обращение к массовым исследованиям в интернете (релевантным обществу в целом) тесно связано с востребованностью такого рода знаний как в русле самих научных направлений, так и в сферах социального и государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемьева Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: от Петра I до Екатерины II // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 41–55.
2. *Беленчук Л.Н.* Просвещение в эпоху Петра Первого // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 3 (30). С. 54–68.
3. *Гурьянова И.В.* Взаимоотношения Петра I и религии // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 82–83.
4. *Демидова О.А.* Метод максимального правдоподобия. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (дата обращения: 28.03.2022).
5. *Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
6. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Образ Петра I в структуре политического сознания современников (на примере анализа сообщений в социальных сетях) // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 23–37.
7. *Китова Д.А., Журавлев А.Л.* Социально-психологический анализ образа Петра I (По материалам научной электронной библиотеки) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 57–68.
8. *Павленко Н.И.* Петр Первый и его время. М.: Дрофа, 2006. С. 222.
9. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
10. *Скоробогатов А.В., Макарова Н.И.* “Прадеду правнук”: образ Петра I в философии власти императора Павла I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2004. № 3. С. 18–24.
11. *Rogers A. et al.* RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. 2018. P. 755–763.

THE IMAGE OF PETER I IN THE RUSSIAN MIND³

A. L. Zhuravlev*, D. A. Kitova**

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Institute
of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***ScD (Psychology), Professor, Leading Researcher of the Laboratory of the History
of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: j-kitova@yandex.ru

Received 09.01.2023

Abstract. The article shows that the personality of Peter I occupies an important place in the structure of public thought, but often receives conflicting assessments. The task of the study was to study the image of the emperor in the minds of our contemporaries. The search was implemented by referring to the texts of messages about Peter I in social networks. In the course of the study, frequency, morphological and emotional analysis of texts was carried out. Along with the evaluation of the emotional, psychological and personal characteristics of the emperor, the authors carried out a meaningful analysis of the psychological characteristics of the attitude of users to the historical situation as a whole, which allows not only to describe the personal characteristics of the emperor, but also to demonstrate their place in the overall structure of assessments of his activities. The obtained results showed a respectful attitude of users to the achievements of the emperor with a pronounced emotional disagreement with the palette of some of his worldview beliefs. As private conclusions, it is shown that the interest of contemporaries (users of social networks) in the image of Peter I is more concentrated on progressive changes at the state level. The psychological image of Peter I is represented by detailed assessments. The main psychological features of the emperor are summarized in the minds of users into two enlarged subgroups — individual psychological and organizational and managerial. An analysis of the emotional background of the messages showed that when assessing the life of the emperor, a neutral background prevails, which may be due to the historical distance between eras. As prospects, the authors indicate methodological and applied areas of research that require additional research attention.

Keywords: historical psychology, the image of Peter I, social networks, text analysis, frequency analysis, emotional background, personality traits, personality orientation, organizational abilities, life outcomes.

REFERENCES

1. Artem'eva T.V. Vkhodzenie Rossii v intellektual'noe prostranstvo Evropy: ot Petra I do Ekateriny II. Voprosy filosofii. 2009. № 9. P. 41–55. (In Russian)
2. Belenchuk L.N. Prosveshchenie v epohu Petra Pervogo. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2016. № 3 (30). P. 54–68. (In Russian)
3. Gur'yanova I.V. Vzaimootnosheniya Petra I i religii. Integratsiya obrazovaniya. 2001. № 1. P. 82–83. (In Russian)
4. Demidova O.A. Metod maksimal'nogo pravdopodobiya. URL: https://www.hse.ru/staff/demidova_olga (data obrashcheniya: 28.03.2022). (In Russian)
5. Emel'yanova T.P. Kollektivnaya pamyat' o sobytiyah otechestvennoj istorii: social'no-psihologicheskij podhod. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
6. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Obraz Petra I v strukture politicheskogo soznaniya sovremennikov (na primere analiza soobshchenij v social'nyh setyah). Social'naya psikhologiya i obshchestvo. 2021. V. 12. № 3. P. 23–37. (In Russian)
7. Kitova D.A., Zhuravlev A.L. Social'no-psihologicheskij analiz obraza Petra I (Po materialam nauchnoj elektronnoy biblioteki). Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 6. P. 57–68. (In Russian)
8. Pavlenko N.I. Petr Pervyj i ego vremya. Moscow: Drofa, 2006. P. 222. (In Russian)
9. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, social'nye seti, elektronnye bazy. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. (In Russian)
10. Skorobogatov A.V., Makarova N.I. "Pradedu pravnuh": obraz Petra I v filosofii vlasti imperatora Pavla I. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2004. № 3. P. 18–24. (In Russian)
11. Rogers A. et al. RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian. Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. 2018. P. 755–763.

³ The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 21-18-00541.

УДК 159.9(091)

ВЕЛИКИЙ ПСИХОЛОГ: К. Д. УШИНСКИЙ КАК МЕТОДОЛОГ ПСИХОЛОГИИ¹

*Чтоб узнать, какова та деятельность,
к которой стремится душа человеческая,
мы, конечно, должны изучить прежде
особенности этой души.*

К.Д. Ушинский

© 2023 г. В. А. Мазиллов

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Поступила 20.12.2022

Аннотация. Статья приурочена к 200-летию великого русского педагога и психолога К.Д. Ушинского, вклад которого в развитие педагогики и психологии неоспорим. Указывается, что психологическая составляющая творчества и наследия ученого и новатора остается в значительной степени недооцененной. В российских учебниках и учебных пособиях по истории психологии уделяется недостаточно внимания психологическим исследованиям К.Д. Ушинского, при этом в аналогичных зарубежных учебных изданиях эти исследования вовсе не упомянуты. Утверждается, что одним из основных достижений ученого является методология обоснования научной психологии. Несмотря на то что К.Д. Ушинский не определял себя как психолога, он разрабатывал научные основы и систему психологии в рамках построения научной педагогики. Психологии как науки на то время не существовало, поэтому разработка системы психологии была средством решения его главной задачи. Решение Ушинским поставленной задачи представляло собой уникальное достижение мировой психологической науки, абсолютно оригинальное, поскольку проект был фактически ориентирован на разработку практической психологии для педагогов. Приведен анализ причин недооценки научным сообществом проекта Ушинского — как объективных (традиции рассмотрения психологии и общественные ожидания), так и субъективных (позиционирование Ушинским себя исключительно как педагога и занижение своего вклада в психологию). Указывается, что на вклад Ушинского в создание оригинальной системы психологии обращал внимание Б.Г. Ананьев, называвший русского ученого “великим психологом”, но оценка классика советской психологии не стала общепринятой. Анализируются причины отсутствия резонанса публикации Ушинского, среди которых главными являются идеологические и социокультурные, связанные с неопределенным статусом психологии в начале 1950-х годов после сессии двух академий, когда определяющими факторами стали близость к физиологическому учению И.П. Павлова и материализм концепции. Дается очерк методологической концепции К.Д. Ушинского, позволяющий утверждать, что Ушинским был предложен проект научной психологии, первый в истории мировой психологии практико-ориентированный проект психологической науки.

Ключевые слова: К.Д. Ушинский, научная педагогика, педагогическая антропология, система психологии, научная психология, Б.Г. Ананьев, история психологии.

DOI: 10.31857/S020595920024913-0

В феврале 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского педагога и психолога Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870). К.Д. Ушинский родился 19 февраля (3 марта) 1823 г.

в Туле. Знаменательный юбилей является поводом обратиться к психологическому наследию выдающегося мыслителя и педагога, тем более что психологическая составляющая творчества великого ученого и новатора до сих пор остается, как представляется, в значительной степени недооцененной. Недооценка роли К.Д. Ушинского как

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089.

психолога имеет давние корни. Попытка обоснования положения, что психологическая концепция К.Д. Ушинского, разработанная великим педагогом в рамках его “Педагогической антропологии”, вполне достойна того, чтобы именовать автора великим психологом, была предпринята в 1945 г. замечательным отечественным ученым, классиком советской психологии Б.Г. Ананьевым [3]. Нужно признать, что эта попытка не увенчалась успехом. В настоящей статье приводятся соображения, согласно которым принятию ананьевской оценки деятельности Ушинского в психологии помешали идеологические и социокультурные обстоятельства, существовавшие в то время в СССР.

В предыдущих работах [10–12] мы подробно анализировали “объективные” причины недооценки деятельности Ушинского и его трудов в отечественной истории психологии. Было показано, что в современной историко-психологической литературе [6; 15; 16] работы Ушинского явно недооцениваются, в лучшем случае признается вклад русского ученого в развитие педагогической психологии. Зарубежные историки психологии вообще не упоминают о вкладе Ушинского в психологическую науку [11].

В настоящей статье содержится попытка проанализировать логику решения психологических вопросов в работах К.Д. Ушинского. Скажем сразу, что в этом тексте придется коснуться и “субъективных” причин недооценки психологической концепции, созданной К.Д. Ушинским. К числу этих субъективных причин следует отнести, в частности, научную скромность Ушинского, его поразительную научную честность и его личностную и профессиональную идентификацию исключительно как педагога. К.Д. Ушинский, несомненно, был педагогом, решал именно педагогические задачи. В качестве средства решения педагогической задачи, на которую он был нацелен, было необходимо разработать психологию. И эту задачу — создание научной системы психологии — К.Д. Ушинский успешно решил, не акцентируя свою роль в разработке этой системы. Напротив, он скрупулезно отмечал, какие идеи английских и немецких психологов использовал в своей работе.

Конечно же, главной причиной (которая — скажем честно — перевешивает все остальные), не позволившей К.Д. Ушинскому завершить его грандиозный проект, явился его безвременный уход из жизни. Ушинский не успел закончить третий том своих научных трудов, в связи с чем разработанная система не приобрела законченный вид, не была представлена читающей публике целиком,

не получила необходимый уровень научной известности.

Как нам представляется, совокупность объективных и субъективных причин и привела к отмеченной выше недооценке роли Ушинского в развитии мировой психологии. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы, проанализировав деятельность К.Д. Ушинского как методолога психологии, восстановить историческую справедливость и показать, что представленная ученым система психологии жизнеспособна и перспективна. Конкретные психологические результаты, полученные Ушинским, при всей их значимости останутся за рамками настоящего текста (см. об этом: [1–4; 8; 9]).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ К.Д. УШИНСКОГО

Первые очерки своего знаменитого труда “Педагогическая антропология” К.Д. Ушинский опубликовал в виде статей, печатавшихся с 1864 по 1869 г. в журнале “Педагогический сборник”. Перерабатывая и значительно дополняя эти статьи, он издавал их затем отдельными томами под заглавием “Человек как предмет воспитания” (“Опыт педагогической антропологии”: первый том вышел в 1867 г., второй — в 1869 г.) [18, с. 686]. Третий том остался незавершенным, материалы к нему были опубликованы А.Н. Острогорским в 1908 г. [20]. Можно только согласиться с А.Н. Острогорским, написавшим: “Чувствуется глубокое сожаление, что судьба не дала Ушинскому возможности самому обработать и подготовить к печати III том, которого в свое время с таким нетерпением ждали русские педагоги” [20, с. 634].

В предисловии к первому тому Ушинский объясняет логику своих исследований: “Теперь скажем несколько слов о самом расположении тех предметов, которые мы хотим изучать в нашем труде. Хотя мы избегаем всякой стеснительной системы, всяких рубрик, которые заставили бы нас говорить о том, что нам вовсе неизвестно; но, тем не менее, мы должны же излагать изучаемые нами явления в некотором порядке. Сначала мы, естественно, займемся тем, что нагляднее, и изложим те физиологические явления, которые считаем необходимыми для ясного понимания психических. Затем приступим к тем психофизическим явлениям, которые, сколько можно судить по аналогии, общи в начатках своих как человеку, так и животным, и только под конец займемся чисто психическими, или, лучше сказать, духовными, явлениями, свойственными одному человеку. В заключение же

всего мы представим ряд педагогических правил, вытекающих из наших психических анализов» [18, с. 52–53].

Приведем важное замечание Ушинского, которое поясняет роль различных предметов в основании педагогики: «Понимая вполне справедливость выражения Бенеке, что “педагогика есть прикладная психология”, и только находя, что в педагогике прилагаются выводы не одной психологической науки, а и многих других, которые мы перечислили выше. Но, конечно, психология, в отношении своей приложимости к педагогике и своей необходимости для педагога, занимает первое место между всеми науками» [18, с. 52].

К.Д. Ушинский характеризует свой проект следующим образом: «В первом томе “Педагогической Антропологии”, который мы выпускаем теперь в свет, изложены нами немногочисленные физиологические данные, которые мы считали необходимым изложить, и весь процесс осознания, начиная от простых первичных ощущений и доходя до сложного рассудочного процесса. Во втором томе излагаются процессы душевных чувств, которые, в отличие от пяти внешних чувств, называем просто чувствованиями, а иногда чувствами душевными, или чувствами сердечными и умственными (каковы: удивление, любопытство, горе, радость и т.п.). В этом же томе, за исключением процесса желаний и воли, изложим мы и духовные особенности человека, оканчивая тем нашу индивидуальную антропологию. Изучение человеческого общества с педагогической же целью потребовало бы нового, еще большего труда, для которого у нас недостает ни сил, ни знаний. В третьем томе мы изложим по системе, удобной для обозрения, те педагогические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души» [18, с. 53–55].

Таким образом, К.Д. Ушинский набрасывает монументальный проект исследований, который был осуществлен (последний том, содержащий материалы, подготовленные К.Д. Ушинским для третьего тома “Педагогической антропологии”, был издан, как уже упоминалось, А.Н. Острогорским в 1908 г.).

В.Я. Струминский (составитель и один из редакторов “Сочинений” К.Д. Ушинского) отмечает: «Третий том “Педагогической антропологии” должен был быть самой существенной частью этого произведения великого русского педагога: первые два тома только подводили читателя к этой третьей части» [20, с. 645].

Обратим внимание, что Ушинский намечал грандиозный проект. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но как знать — проживи Константин Дмитриевич еще пару десятилетий — возможно, из-под его пера появилась бы не только монументальная трехтомная “Педагогическая антропология”, но кроме индивидуальной педагогической антропологии и *социальная педагогическая антропология*, для которой в 1867 г., как отмечал сам Ушинский, не хватало “сил и знаний”.

МЕТОДОЛОГИЯ ОБОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ К.Д. УШИНСКИМ

Как пишет К.Д. Ушинский, “физиология не могла отыскать в нервной системе никаких условий, которые могли бы объяснить нам возможность таких явлений, каковы: сознание, чувство и воля. Достигая везде до этих явлений, мы испытывали ясно, что с физиологическими средствами исследования нельзя сделать ни шагу далее, что здесь мы встречаемся с каким-то новым агентом, который не поддается физиологическому наблюдению” [18, с. 269].

Ушинский продолжает: “Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой, хотя человек, так сказать, живет посреди этой тайны и каждым своим действием, каждой своею мыслью решает на практике задачу, неразрешимую для него в теории. Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе. Если предположить, что во внешнем мире существуют явления, не производящие никакого влияния, ни непосредственного, ни посредственного, на изменение состояний нервного организма, то такие явления останутся для души навсегда неизвестными. Если, наоборот, предположить, что в душе есть явления, которые не производят никакого впечатления на нервный организм, то такие явления ничем не заявят своего существования во внешнем мире. Таково отношение души и к нервной системе, и к внешнему миру. Как разбирает душа иероглифы, начертываемые влияниями внешней природы, в состояниях нервной системы, — этого мы не знаем; а соответствуют ли эти иероглифы действительным явлениям внешнего

мира, — это составляет основной вопрос метафизики, в который мы не будем здесь углубляться” [18, с. 270].

Ушинский формулирует важнейшее положение, характеризующее метод психологии: “Но, оставляя физиологические наблюдения, чем же мы заменим их? Наблюдением души над собственной своею жизнью, или самонаблюдением. Наблюдение есть метод естественных наук: самонаблюдение — метод психологии. Уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: меняет физиологический метод на психологический; да иначе и быть не может. Если бы, например, человек не обладал сам органом слуха, то, открыв его у других животных, он не имел бы никакой возможности узнать, для чего служит такой орган” [18, с. 271].

“Мы хотим только показать, что основной метод для физиологии есть наблюдение, а основной метод для психологии — самонаблюдение и что если одна наука может пользоваться результатами другой, то только под тем условием, чтобы обе они не смешивали своих методов” [18, с. 271]. “Что самонаблюдение, основывающееся на врожденной человеку способности сознать и помнить свои душевные состояния, есть основной способ психологических исследований, — в этом нетрудно убедиться. Всякое психологическое наблюдение, которое мы делаем над другими людьми или извлекаем из сочинений, рисующих душевную природу человека, возможно только под условием предварительного самонаблюдения” [18, с. 272].

Обратим внимание на нижеследующий фрагмент. Истоки упрека, о котором упоминает К.Д. Ушинский, находятся в известной кантовской критике психологии. Как мы увидим далее, он представлял известную трудность и для Вундта, в физиологической психологии которого самонаблюдение также было основным методом [14]. Вундт решал этот вопрос путем длительной тренировки испытуемых. Ушинский пишет: “Гораздо основательнее тот упрек, делаемый обыкновенно психологии, что предмет ее чрезвычайно подвижен: не лежит спокойно перед сознанием изучающего, как цветок под микроскопом ботаника, но беспрестанно меняется, как хамелеон, смотря по тому, кто к нему подходит и с какой стороны, и что, наконец, изучающий не может оторвать предмета своего изучения от самого себя. Этот упрек верен; но он показывает только трудность науки, а не невозможность ее” [18, с. 275].

МИРОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ В 1860-е ГОДЫ

К.Д. Ушинский, как известно, разрабатывал свою “Педагогическую антропологию” в 1860-е годы. Термин “антропология”, предложенный еще Аристотелем, в середине XIX столетия использовался уже достаточно часто [11].

Как представляется, *антропология* у Ушинского появляется далеко не случайно. Ушинскому была необходима прочная основа для создания научной педагогики. Цель Ушинского прагматическая — научно обеспечить дело воспитания. Психологии, которую можно было использовать для этого, в то время не существовало. Поэтому Ушинскому приходится “синтезировать” свою психологию из доступного материала, который был представлен в течениях европейской психологической мысли середины XIX в. [10].

В предыдущих работах было показано, что в биографии Ушинского был эпизод, когда ученый столкнулся с подобной рода задачей [11]. Будучи профессором в Ярославле, Ушинский создал свой подход к камеральному образованию. Ученый отверг европейские образцы как ненаучные, сугубо “рецептурные”. Методологическое решение К.Д. Ушинский нашел в использовании широкого базового понятия (тогда в 1848 г. в качестве основы выступило понятие “родина”). На этой основе К.Д. Ушинским была создана концепция камерального образования [12]. Так, и в новых обстоятельствах — по той же проверенной ранее методологии — в соответствии с принципом природосообразности основу для организации воспитания человека должен составить *человек*. Отсюда и антропология — наука о человеке.

Какова психология в то время, когда Ушинский работает над своей “Педагогической антропологией”? Константин Рамуль (1879–1975), известный эстонский психолог из Тартусского университета, скрупулезно рассмотрел, что мог использовать Ушинский в психологии [17]. Анализ этих направлений в психологии середины XIX столетия приведен в предшествующих работах [11].

Из всех направлений немецкой психологии для К.Д. Ушинского относительный интерес могла бы представлять физиологическая и экспериментальная психология Вундта, предварительный абрис которой был намечен в “Лекциях о душе человека и животных” [25]. Однако в силу элементаризма и атомистичности вундтовской психологии, а также того, что в ней рассматривались лишь простейшие психические явления, значения для обоснования воспитания она практически не имела.

В Англии наиболее популярными были ассоцианистское (Д.С. Милль и А. Бэн) и эволюционное (Г. Спенсер и А. Бэн) направления. К. Рамуль справедливо отмечает, что “симпатии Ушинского склонялись несколько более в сторону английской, чем немецкой, психологии” [17, с. 123]. Подход английской психологии был более функциональным и целостным [14], поэтому более значимым для достижения целей, которые поставил перед собой Ушинский. Как отмечал сам Ушинский, “замечательно, что в Англии гораздо даже более, чем в Германии, издано было разных психологических учебников и популярных психологий; даже преподавание психологии, судя по назначению разных изданий в этом роде, введено в некоторые школы. И в этом виден как верный практический смысл англичан, так и влияние великих английских писателей по психологии” [18, с. 28].

Тем не менее Ушинский не мог принять позиции ни одной из школ и относился к ним весьма критически, указывая на то, что “перенести к нам целиком одну из психологических теорий Запада мы не могли, ибо сознавали односторонность каждой из них и что во всех их есть своя доля правды и ошибки, своя доля верных выводов из фактов и ни на чем не основанных фантазий. Мы пришли к убеждению, что все эти теории страдают теоретическою самонадеянностью, объясняя то, что еще нет возможности объяснить, ставя вредный призрак знания там, где следует сказать еще простое не знаю, строя головоломные и утлые мосты через неизведанные еще пропасти, на которые следовало просто только указать, и, словом, дают читателю за несколько верных и потому полезных знаний столько же, если не больше, ложных и потому вредных фантазий. Нам казалось, что все эти теоретические увлечения, совершенно необходимые в процессе образования науки, должны быть оставлены, когда приходится пользоваться результатами, добытыми наукою, для приложения их к практической деятельности. Теория может быть односторонняя, и эта односторонность ее даже бывает очень полезна, освещая особенно ту сторону предмета, которую другие оставляли в тени; но практика должна быть по возможности всесторонняя” [18, с. 40–41].

Ушинский продолжает: “Сознавая все это, мы задумали из всех известных нам психологических теорий взять только то, что казалось нам несомненным и фактически верным, снова проверить взятые факты внимательным и общедоступным самонаблюдением и анализом, дополнить новыми наблюдениями, если это где-нибудь окажется по нашим силам, оставить откровенные пробелы везде,

где факты молчат, а если где, для группировки фактов и уяснения их, понадобится гипотеза, то, избрав наиболее распространенную и вероятную, отметить ее везде не как достоверный факт, а как гипотезу” [18, с. 41–42].

Обратим внимание на заключения Рамуля: «Подобно психологиям отдельных, в особенности немецких школ, психологическая система Ушинского была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей. И хотя он сам не раз подчеркивает, что, желая более всего основываться на наблюдении и добытых при его помощи фактических данных, его наблюдение и самонаблюдение остались по существу такими же, как они были в старой “эмпирической” психологии...» [17, с. 123]. С последним выводом К. Рамуля полностью согласиться нельзя: без философско-методологических оснований никакая психологическая концепция попросту невозможна, основания же подхода Ушинского подробно им обсуждаются и обосновываются.

“Новая, существенным образом отличающаяся от старой, психология едва еще зарождалась, и никто не мог предвидеть всех возможностей, которые в ней таились” [17, с. 124].

Теперь самое главное. Давайте зададим себе вопрос: каким образом оценивается вклад Ушинского в психологию? С чем сравнивается? Психология Ушинского сравнивается — по международному счету — с научной психологией Вундта. Заметим, что при жизни Ушинского были опубликованы лишь “Лекции о душе человека и животных” [25], в которых проект сознания научной психологии был лишь только намечен.

Пройдет три года после смерти Ушинского, и Вундт провозгласит это в предисловии к “Основаниям физиологической психологии” [26]. Целью его труда является отделение психологии от философии: “Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата” [5, с. 3]. Это образец психологии, получивший статус научной.

Провозглашение психологии самостоятельной наукой было и ожидаемым, и долгожданным: область психических явлений оставалась последней сферой, неподвластной науке.

Еще в 1786 г. И. Кант в “Метафизических началах естествознания” [7] проанализировал современную

ему психологию, выделив четыре ее главных недостатка. Напомним, согласно Канту, психология не может использовать математику, эксперимент, в психологии нельзя обнаружить устойчивые элементы, которые можно сделать основой, а сам метод самонаблюдения ненадежен и искажает естественный ход душевных процессов. Перечисленные недостатки психологии представлялись И. Канту настолько существенными, что его вердикт для психологии был печален: она никогда не сможет стать подобной естественным наукам.

Вундт целенаправленно пытался устранить эти пороки психологии [13; 14]. В его физиологической психологии использовались математика и эксперимент, устойчивые элементы испытуемые научались выделять с помощью длительной тренировки (напомним, чтобы стать испытуемым в вундтовской лаборатории субъект предварительно должен был пройти через 10 тыс. запротоколированных испытаний), а самонаблюдение использовалось лишь для исследования элементарных явлений, в которых нарушить ничего нельзя в силу их простоты.

Добавим, что ко времени вундтовской декларации о самостоятельности психологии было показано, что: 1) математика может успешно использоваться в психологии (И. Герbart, 1822), она успешно применялась в физиологии органов чувств и психофизике; 2) эксперимент использовался физиологом Ф. Дондерсом для измерения времени реакции, широко применялся в психофизике Э. Вебером и Г.Т. Фехнером; 3) Д.С. Миллем (1843) обоснованы необходимость и возможность существования психологии как отдельной самостоятельной науки [24]; 4) Дробиш в 1842 г. показал, что психология может разрабатываться на чисто эмпирической основе [22]; 5) Ф.А. Ланге (1866) дал абрис того, как может выглядеть эмпирическая психология, ориентированная на естественные науки [23]; 6) кантовский позитивизм и в особенности его классификация наук способствовали ориентации на психологию как науку, опирающуюся на факты и естественнонаучное знание.

Декларация Вундта получила поддержку, физиологическая психология обрела статус научной, несмотря на очевидные недостатки, самым явным из которых был ее ограниченный характер — она охватывала крайне малую часть проблемного поля психологии, области, непосредственно соприкасающиеся с физиологией: лишь ощущения и произвольные движения. Можно констатировать, что проект Вундта был поддержан в значительной степени “авансом” в расчете на то, что пространство научной психологии будет неуклонно расширяться. Понятно, что проект Ушинского *не участвовал*

(по указанным выше причинам) в конкурсе “на разработку научной психологии”. В первую очередь потому, что сам Ушинский не рассматривал его как таковой: разработка системы психологии явилась “побочным продуктом” создания основы для воспитания. Но причины победы проекта Вундта полезно себе представить: кантовский авторитет, экспериментальный характер, взаимодействие с физиологией, естественнонаучная ориентация.

Для Ушинского вундтовский проект (еще нереализованный) интереса почти не представлял по той причине, что физиологическая психология охватывала малую часть проблемного поля психологии и была практически бесполезна для дела воспитания.

ПОЧЕМУ УШИНСКИЙ НЕ БЫЛ ПРОВОЗГЛАШЕН ВЕЛИКИМ ПСИХОЛОГОМ

Сегодня мы соглашаемся с оценкой выдающегося советского психолога Б.Г. Ананьева [3], данной психологическим трудам К.Д. Ушинского, и полностью принимаем его характеристику Ушинского как великого психолога. Полагаем необходимым добавить к ананьевской оценке, что К.Д. Ушинский был великим психологом и в мировом масштабе: он представил первый проект научной психологии, который опередил версии В. Вундта [26], Ф. Brentano [21] и др. Кроме того, Ушинский представил *первый проект практически ориентированной научной психологии*. В конце 1940-х — начале 1950-х годов сложилась крайне неблагоприятная ситуация для того, чтобы представить Ушинского “великим” психологом. Он широко употреблял термины “душа” и “дух”, уделял место религии, писал о пользе дуализма, тогда так идеологически обязательной для психологического учения была характеристика его как материалистического (см.: [10–11]). Это “объективные” условия недооценки труда Ушинского как психолога. Но были факторы “субъективные”, связанные с личностью Ушинского и особенностями его труда.

К.Д. Ушинский позиционировал себя исключительно как педагога, всячески подчеркивал, что его труд именно педагогический, посвящен проблеме воспитания. *Профессиональная и личностная идентификации* были исключительно педагогическими.

Ученый сам многократно подчеркивал, что он не психолог, и предвосхищал возможную критику со стороны психологов. По его работам рассеяны многочисленные высказывания такого рода:

“Книга наша назначается не для психологов-специалистов” [18, с. 58]; “Труд наш не удовлетворит, наконец, тех психологов-специалистов, которые подумают, и весьма справедливо, что для писателя, берущегося за изложение психологии, и притом не одной какой-нибудь психологической теории, а желающего выбрать из всех то, что можно считать фактически верным, следовало бы иметь побольше познаний и поглубже вдумываться в изучаемый предмет” [18, с. 57] и т.д.

Даже в названии своего эпохального труда Ушинский не использовал слово “психология”.

Научная честность автора. В сложных моментах Ушинский прямо писал, что вопрос в настоящее время не имеет решения. Приведем примеры: “Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой, хотя человек, так сказать, живет посреди этой тайны и каждым своим действием, каждой своею мыслью решает на практике задачу, неразрешимую для него в теории. Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе” [18, с. 270].

“Как разбирает душа иероглифы, начертываемые влияниями внешней природы, в состояниях нервной системы, — этого мы не знаем; а соответствуют ли эти иероглифы действительным явлениям внешнего мира, — это составляет основной вопрос метафизики, в который мы не будем здесь углубляться” [18, с. 270].

Ушинский приводил примеры, как зарубежные психологи маскируют сложные моменты в рассуждении. Он полагал, что честнее признать, что вопрос пока не ясен. И, конечно же, камнем преткновения явилось то, что в своих сочинениях Ушинский широко и свободно пользовался понятием души, совершенно не собираясь от него отказываться, и, напротив, ввел в свою систему понятие “духовные явления”, свойственные только человеку.

Подводя итог по “субъективным” причинам, отметим, что Ушинский не претендовал на роль психолога, разработчика психологической концепции, не делал по этому поводу каких-либо заявлений. И, конечно, важно, что получилось так, что К.Д. Ушинский *не смог завершить свой труд*,

придать ему законченный характер (мы уже упоминали о том, что третий том не был дописан, а собранные для него материалы были опубликованы лишь через десятилетия после ухода автора из жизни).

УНИКАЛЬНОСТЬ ПРОЕКТА К.Д. УШИНСКОГО

Кратко обозначим основные методологические позиции, сформулированные Ушинским.

1. Ушинский определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно. Обратим внимание на то, что предмет психологии определяется Ушинским как совокупный, охватывающий собой все пространство психических явлений, включая психофизиологические, психические и духовные явления.

2. Ушинский определяет отношение психологии к философией. Поскольку он не ставит перед своими трудами задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение. Как пишет Ушинский, “по моему убеждению, в настоящее время и сама философия может явиться только посредницею между психологией и науками природы. В настоящее время возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного мирозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой — на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время я не понимаю. Если основать философию на одних психических фактах, то выйдет самый туманный и неопределенный идеализм; если основать ее на одних, известных нам, фактах внешней природы, — как это делает так называемая позитивная философия, — то выйдет как раз столько же туманный и столько же неопределенный материализм, но в обоих случаях откроется обширное поле человеческой фантазии, оценка которой возможна уже на основании правил поэзии или риторики, а не основаниях науки. Отправляясь от идеального воззрения Гегеля и от позитивной философии Конта, как бы забывшей самое существование психических явлений, мыслитель одинаково удаляется от действительного знания и попадает уже в мир фантастических построек, где величественнейшие дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что это дворцы картонные” [19, с. 15].

3. Ушинский подробно обсуждает отношение психологии к другим наукам, т.е. определяет ее место в системе научного знания. Само определение

места психологии в структуре знания в целом позволяет достаточно четко описать место психологии среди других наук и тем самым обозначить отношения психологии с другими научными дисциплинами.

4. Ушинский позиционирует психологию как науку, основывающуюся на фактах. Факты добываются Ушинским в опубликованных психологических сочинениях, выбор фактов подробно обсуждается автором. Ушинский приводит огромное число собственного фактического материала.

5. Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии. Как упоминалось, основным методом психологии Ушинский полагает самонаблюдение. Обратим внимание, что в середине XIX в. самонаблюдение продолжало реально оставаться ведущим методом в области психологии. Эксперимент активно использовался физиологами при измерении времени реакции (Ф. Дондерс), в психофизике К. Вебером и Г.Т. Фехнером, но он проводился со специальными целями и никоим образом не представлял собой экспериментально-психологического исследования. Исследования по времени реакции и по психофизике были впоследствии включены Вундтом в его физиологическую психологию [13].

6. Ушинский подробно рассматривает важнейший для конституирования науки вопрос, связанный со структурой дисциплины. Поскольку предмет психологии понимается Ушинским совокупно, то структура дисциплины фактически совпадает с трактовкой предмета. Психологическая часть включает в себя сознание, чувства и волю, психические явления, которые свойственны лишь человеку (духовные): самосознание, рассудок и разум, мышление и речь, свобода воли, а также конкретные психические процессы высшего порядка (идеи как формы теоретического приближения к истине; эстетическое чувство как восприятие истины в образной форме; нравственное чувство как осознание прекрасного в отношениях между людьми; религия как исторически ранняя форма функционирования высшей психики).

7. Ушинский решает вопрос о соотношении психологии с физиологией, рассматривая отношения между физиологическими и душевными процессами. Специально следует подчеркнуть, что это отношение определяется так, что не оставляет места для физиологического редукционизма, который был характерен для многих направлений в психологии [14].

8. Ушинский утверждает опытный характер науки. Мы видели выше, что, к примеру, К. Рамуль,

анализируя работы русского ученого, замечает, что опытный характер не выдерживается, а психология Ушинского “была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей”. На наш взгляд, это только подчеркивает мудрость Ушинского, никоим образом не разделявшего крайности позитивизма и никогда не заявлявшего, что наука *сводится* к получению фактов. Ушинский активно использует эмпирический подход, заимствуя из работ современников факты (подробно оговаривая, какие именно из них он использует), но хорошо понимает, что для создания системы знания они имеют вспомогательную роль (нужно знать, куда эти факты должны быть встроены).

9. Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи. К тому же стоит отметить высочайшую методологическую культуру Ушинского, поскольку практически каждый важный шаг в его рассуждениях сопровождается скрупулезным методологическим анализом.

10. Учение Ушинского соединяет разработанную систему психологии, изложенную им в его сочинениях с тем, что система эта *работающая, имеющая практическую направленность*. Концепция Ушинского, без сомнения, — первый в мировой науке практико-ориентированный проект психологии. Направленность на практику определяет и некоторые методологические положения автора. Ушинский пишет: “Жизнь, с которою имеет дело воспитание, не укладывается ни в какую одностороннюю теорию, и прямой теоретик в жизни есть самый непрактический человек” [18, с. 650]. Далее он заключает: “Воспитание как практическая деятельность может основываться только на психическом факте дуализма. Монизм, как и вера в причинность — основа науки; дуализм, как и вера в личную свободу человека, — основа всякой практической деятельности, а, следовательно, и воспитания. Но можно ли так разделить науку и жизнь, о единстве которых говорится почти в каждой немецкой ученой книге? На это мы можем сказать только, что как бы ни был прискорбен этот факт разделения науки и практической жизни, но во всяком случае он лучше вымышленного их соединения, как незнание лучше ложного знания” [18, с. 654].

Сегодня в XXI столетии проходят дискуссии о различиях академической и практико-ориентированной психологии. Нельзя не признать, что Ушинский пытался в свое время решить одну из вечных проблем психологии.

11. Учение Ушинского, в отличие от подавляющего большинства психологических теорий

середины XIX в., — вовсе не учение, нацеленное на сознание. Ушинский отмечает: “Так как деятельность души сама по себе есть только удовлетворение врожденного ее стремления к деятельности, то мы можем сказать, что в создании этой страсти (любви. — *Ред.*) участвовали окончательно три деятеля: 1) стремления телесные, 2) стремления духовные (т.е. эстетико-нравственные) и 3) стремления душ к деятельности” [20, с. 16].

12. Наконец, последнее. Напомним, третий том антропологии Ушинский намеревался посвятить высшим проявлениям сознания: согласно Ушинскому, пропасти между элементарными психическими явлениями и сложными при комплексном подходе не существует. Именно этот разрыв привел, как известно, к кризису психологии, конфликту между естественнонаучной и герменевтической психологией, который не разрешен и поныне.

Не станем останавливаться на других значимых моментах. Повторим, их вполне хватит на то, чтобы, реконструируя представления Ушинского о том, какой быть психологии, написать целую книгу.

Как можно увидеть, Ушинский в своих работах обсудил весь комплекс вопросов, который необходим для определения статуса психологии. Поскольку попытка Ушинского исторически является первой в психологии, можно уверенно полагать, что Ушинский вполне заслужил свое место в истории психологии именно как методолог, решивший в свое время комплекс сложнейших задач. То, что не осуществили современники, должны сделать благодарные потомки.

Остается только предполагать, в каком направлении развивались бы исследования Ушинского, если бы судьба подарила ему несколько лет жизни, отодвинув безвременный уход из жизни. Как уже упоминалось, в психологии (и в науке, и в истории) нет сослагательного наклонения. Однако полагаю, что, ознакомившись с трудом Вундта (1874), Ушинский счел бы опус немецкого автора карикатурой на науку и образцом односторонности.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы идеализировать труды К.Д. Ушинского. Как и всякий документ эпохи (с момента публикации “Опыта педагогической антропологии” прошло более полутора столетий), труды Ушинского несут печать своего времени: многие положения, утверждавшиеся великим русским педагогом, не выдержали проверки временем, поскольку основывались на знаниях той эпохи.

Однако в главном Ушинский был прав: неслучайно понятия “душа” и “духовность” в наши дни

активно возвращаются в структуру научного-психологического знания. Ученый, разработавший свою психологическую концепцию в середине XIX в., достоин звания великого психолога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая статья приурочена к 200-летию юбилею ученого, что избавляет от проведения параллелей между творчеством великого психолога и современной наукой.

Ушинский — настоящий методолог. Причем не только методолог психологии, но и науки в целом. Обратим внимание на то, что им глубоко проработаны сочинения И. Канта, Д. Юма, Г. Гегеля, Д.С. Милля и многих других философов. Ни у кого из них Ушинский не нашел удовлетворительного решения, позволяющего создать необходимую ему систему психологии.

Ушинский активно использовал современные подходы, которые только оформлялись в XIX в.: генетический, эволюционный, исторический. Напомним о том, что Ушинский говорил о социальной антропологии (хотя еще и социальная психология в то время пока не появилась).

Элементы эклектики, о которых честно предупреждал Ушинский, являются, вероятно, единственно возможным средством решения поставленных задач в XIX в. В наше время, как хорошо известно, представители разных наук обсуждают возможности использования сетевых подходов. Как представляется, было бы странным требовать от ученого середины XIX в. решений, которых нет и спустя полтора века.

Несомненно, важнейший момент для понимания подлинного значения системы Ушинского — это его трактовка предмета психологии. Ушинский показал иной путь создания системы, в противоположность вундтовскому, эксплуатируемому научной психологией по сегодняшний день. Логика Вундта была проста и понятна — предмет определялся предельно узко. Согласно Ушинскому, напротив, предмет психологии должен быть определен максимально широко — от простейших проявлений, граничащих с физиологией (чем и ограничил сферу научной физиологической психологии В. Вундт), до самых сложных духовных, свойственных лишь человеку.

К.Д. Ушинский видел недостатки своей работы лучше критиков, сам о них заявлял, не скрывал, что некоторые вопросы не могут быть решены в настоящее время — наука не располагает такими возможностями, но он не затушевывает их, а, напротив,

обнажает. Возможно, это урок великого психолога его будущим последователям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* “Педагогическая антропология” К.Д. Ушинского и ее современное значение // Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 531–546.
2. *Ананьев Б.Г.* Проблемы педагогической антропологии // Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 499–514.
3. *Ананьев Б.Г.* К.Д. Ушинский — великий русский психолог // Избранные труды по психологии. Т. 1. Очерки психологии. История русской психологии / Под ред. Н.А. Логиновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 388–409.
4. *Ананьев Б.Г.* Педагогическая антропология К.Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. 1969. № 2. С. 3–14.
5. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и К°, 1880.
6. *Ждан А.Н.* История психологии от Античности до наших дней. М.: МГУ, 2004.
7. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
8. *Кольцова В.А.* Методологические проблемы истории психологии в трудах Б.Г. Ананьева // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 80–99.
9. *Корнилов К.Н.* К.Д. Ушинский как психолог // Памяти К.Д. Ушинского. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Т. 33 / Под ред. Е.Н. Мединского. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1946. С. 30–37.
10. *Мазилев В.А.* Проект практической психологии К.Д. Ушинского // Человек. 2015. № 6. С. 107–117.
11. *Мазилев В.А.* Разработка практической психологии: непонятый и неоцененный проект К.Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. Т. II (Психолого-педагогические науки). 2014. № 3. С. 191–199.
12. *Мазилев В.А.* К.Д. Ушинский в Ярославле: формирование методологических взглядов // Педагогическое наследие К.Д. Ушинского: Материалы научно-практической конференции “Чтения Ушинского” (4–5 марта 2014 г.). Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 24–39.
13. *Мазилев В.А.* Становление метода эксперимента в научной психологии // Современная экспериментальная психология: В 2 т.: Коллективная монография. Т. 1 / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 139–159.
14. *Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
15. *Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.* История психологии. М.: Гардарики, 2008.
16. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Т. 1. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
17. *Рамуль К.А.* К.Д. Ушинский и западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 113–124.
18. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.
19. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1951.
20. *Ушинский К.Д.* Сочинения. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.
21. *Brentano F.* Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
22. *Drobish M.* Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss, 1842.
23. *Lange F.A.* Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker, 1887.
24. *Mill J.S.* A System of logic. New York: Harper, 1846.
25. *Wundt W.* Vorlesungen über die Menschen und Thierseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV. 491 S.; Bd. 2. VII. 463 S.
26. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

THE GREAT PSYCHOLOGIST: K. D. USHINSKY AS A METHODOLOGIST OF PSYCHOLOGY²

V.A. Mazilov

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1, Russia.*

ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Received 20.12.2022

Abstract. The article is dedicated to the 200th anniversary of the Great Russian teacher and psychologist K.D. Ushinsky, whose contribution to the development of pedagogy and psychology is undeniable. However, the psychological component of the creativity and legacy of the great scientist and innovator remains largely underestimated: in modern Russian textbooks on the history of psychology, K.D. Ushinsky's psychological research is not given any significant attention, also in foreign ones Ushinsky's psychological works are not mentioned at all. The article states that one of the main achievements of the scientist is the methodology of substantiation of scientific psychology. Even though Ushinsky was not a psychologist, did not position himself as a psychologist, he developed the scientific foundations of psychology to build scientific pedagogy. Psychology as a science simply did not exist at that time, so the development of a system of psychology was a means of solving its main task. Russian pedagogue's solution to Ushinsky's problem, however, represented a unique achievement of world psychological science, and the solution of the Russian pedagogue was original, since the project was focused on the development of practical psychology for teachers. The article provides an analysis of reasons for such underestimation of Ushinsky's project by scientific community — objective (traditions of considering psychology and public expectations) and subjective (Ushinsky positioning himself exclusively as a teacher and belittling his contribution to psychology). It is mentioned that B.G. Ananyev (1945), who called the Russian scientist a “great psychologist, but the assessment of the classic of Soviet psychology has not become generally accepted, noticed Ushinsky's contribution to the creation of the original system of psychology. The article analyzes the reasons for the lack of resonance of the publication, among which the main ones are ideological and socio-cultural, related to the uncertain status of psychology itself in the early 1950s, after the session of the two academies, when the proximity to the physiological teaching of I.P. Pavlov and the materialism of the concept became the determining factors. The article gives an outline of K.D. Ushinsky's methodological concept, which allows asserting that Ushinsky proposed a project of scientific psychology, the first practice-oriented project of psychological science in the history of world psychology.

Keywords: K.D. Ushinsky, scientific pedagogy, pedagogical anthropology, system of psychology, scientific psychology, B.G. Ananyev, history of psychology.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G. “Pedagogicheskaya antropologiya” K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 2. Razvitie i vospitanie lichnosti. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 531–546. (In Russian)*
2. *Anan'ev B.G. Problemy pedagogicheskoy antropologii. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 2. Razvitie i vospitanie lichnosti. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 499–514. (In Russian)*
3. *Anan'ev B.G. K.D. Ushinskij — velikij russkij psikholog. Izbrannye trudy po psikhologii. T. 1. Oчерki psikhologii. Istoriya russkoj psikhologii. Ed. N.A. Loginova. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2007. P. 388–409. (In Russian)*
4. *Anan'ev B.G. Pedagogicheskaya antropologiya K.D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie. Voprosy psikhologii. 1969. № 2. P. 3–14. (In Russian)*
5. *Vundt V. Osnovaniya fiziologicheskoy psikhologii. Moscow: Tipogr. M.N. Lavrova i K^o, 1880. (In Russian)*
6. *Zhdan A.N. Istoriya psikhologii ot Antichnosti do nashikh dnei. Moscow: MGU, 2004. (In Russian)*
7. *Kant I. Sochineniya: V 6 t. T. 6. Moscow: Mysl', 1966. (In Russian)*
8. *Kol'cova V.A. Metodologicheskie problemy istorii psikhologii v trudakh B.G. Anan'eva. Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy. Ch. 4. Metodologicheskie problemy istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya: Materialy yubilejnoy nauchnoy konferencii IP RAN, 28–29 yanvarya 2002 g. Eds.*

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 22-28-00089.

- A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2002. P. 80–99. (In Russian)
9. Kornilov K.N. K.D. Ushinskij kak psikholog. Pamyati K.D. Ushinskogo. Uchenye zapiski Mosk. gos. ped. in-t im. V.I. Lenina. T. 33. Ed. E.N. Medynskogo. Moscow: MGPI im. V.I. Lenina, 1946. P. 30–37. (In Russian)
10. Mazilov V.A. Proekt prakticheskoy psikhologii K.D. Ushinskogo. Chelovek. 2015. № 6. P. 107–117. (In Russian)
11. Mazilov V.A. Razrabotka prakticheskoy psikhologii: neponyatij i neocenennyj proekt K.D. Ushinskogo. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. T. II (Psikhologo-pedagogicheskie nauki). № 3. 2014. P. 191–199. (In Russian)
12. Mazilov V.A. K.D. Ushinskij v Yaroslavle: formirovanie metodologicheskikh vzglyadov. Pedagogicheskoe nasledie K.D. Ushinskogo: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii "Chteniya Ushinskogo" (4–5 marta 2014 g.). Ch. 2. Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2014. P. 24–39. (In Russian)
13. Mazilov V.A. Stanovlenie metoda ehksperimenta v nauchnoj psikhologii. Sovremennaya ehksperimental'naya psikhologiya: V 2 t.: Kollektivnaya monografiya. T. 1. Ed. V.A. Barabanshchikov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 139–159. (In Russian)
14. Mazilov V.A. Teoriya i metod v psikhologii. Yaroslavl': MAPN, 1998. (In Russian)
15. Marcinkovskaya T.D., Yurevich A.V. Istoriya psikhologii. Moscow: Gardariki, 2008. (In Russian)
16. Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G. Istoriya i teoriya psikhologii. T. 1. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. (In Russian)
17. Ramul' K.A. K.D. Ushinskij i zapadnoevropejskaya psikhologiya. Voprosy psikhologii. 1956. № 5. P. 113–124. (In Russian)
18. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 8. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1950. (In Russian)
19. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 9. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1951. (In Russian)
20. Ushinskij K.D. Sochineniya. T. 10. M.; L.: Izd-vo APN RSFSR, 1952. (In Russian)
21. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
22. Drobish M. Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss, 1842.
23. Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker, 1887.
24. Mill J.S. A System of logic. New York: Harper, 1846.
25. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thierseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV. 491 S.; Bd. 2. VII. 463 S.
26. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9:001.12/18

ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ПОНЯТИЙ В СИСТЕМНО-СЕТЕВОМ ПОДХОДЕ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ

© 2023 г. Т. В. Корнилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.*

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

Email: tvkornilova@mail.ru

Поступила 08.12.2022

Аннотация. Резюмируется цикл из трех статей, обобщающих разработку понятийного поля психологии сотрудниками Института психологии РАН в последнее пятилетие. Подчеркивается согласие с авторами о необходимости пересмотра классификационного подхода к понятиям в силу развития психологического знания и активного становления сетевого подхода, не противоречащего системному и отражающего мультипарадигмальность психологической науки.

Ключевые слова: понятие, теория, парадигма, постнеклассическая стадия, плюралистическое мышление, мультипарадигмальная психология.

DOI: 10.31857/S020595920024914-1

Предложение участвовать в дискуссии о содержании трех статей многоуважаемых авторов [2–4] вызвало у меня затруднение относительно того, с чем конкретно можно было бы дискутировать. В цикле обобщающих статей изложены результаты теоретико-методологической работы ведущего академического Института психологии РАН по прояснению современного состояния категориального строя психологической науки и путей его развития. Это капитальный трехтомный труд, означающий несомненное прогрессивное движение отечественной науки на пути развития теоретического мира психологии [10–12]. Возможно, что при другом подходе у научного сообщества сложилось бы иное представление о вышедших томах по разработке понятий психологии и структурам психологического знания. Значит, речь должна идти именно о цикле статей в “Психологическом журнале”.

В первой статье [2] правомерно утверждается тезис о необходимости пересмотра классификаций понятийного строя психологии в силу невозможности рассмотрения его в прежних координатах анализа. Авторы проделали глубокую, основательную работу по соотносению категориальных сеток, заданных подходами К.К. Платонова, Я.А. Пономарева, Л.И. Анцыферовой, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, В.А. Петровского. Согласившись с указанной ими историко-генетической

преемственностью, отмечу, что сами понятия развиваются не в соответствии с задаваемыми той или иной категориальной сеткой направлениями. В основе их развития лежат прорывы в обобщениях, ведущие к новым теоретическим гипотезам, что невозможно без развития эмпирического базиса. Именно развитие эмпирических исследований поддерживает или сводит на нет те или иные теоретические устремления по расширению горизонтов психологических понятий.

Соглашусь с авторами, что матричные классификации психологических понятий невозможны, поскольку не будут отражать соответствующие виды и структуры психологической реальности. Мир теорий и конструкторов в психологии развивается, и подведение некоторой черты для демонстрации среза современного его состояния — несомненно, продуктивный шаг. При его реализации авторам пришлось совмещать две линии — идущую от историко-генетического анализа и от современного состояния подходов; казалось бы, в результате можно ожидать соотношения “классических” и новых понятий. И здесь есть с чем дискутировать, точнее, выразить свои субъективные мнения.

Во-первых, предложенная на рисунке во второй статье сеть, на мой взгляд, не проясняет такого соотношения. Во-вторых, обаяние “метамодернистской эпистемологии” — при невозможности отрицания самой этой современной ступени организации

знаний — несколько затемняет именно анализ психологического содержания понятий (а префикс “мета” вряд ли что проясняет). Трудно не согласиться с авторской позицией, что “современные понятия суть аккумулярованные понятийные структуры, <...> которые в разной степени становятся латентными, обобщенными, создавая сложные конгломераты в виде интегративных понятий и междисциплинарных комплексов” [3, с. 7]. Но важно, по-видимому, и указывать основания такой интеграции, и рефлексировать относительно того, почему какие-то новые понятия завоевывают исследовательское пространство, а другие остаются на периферии. Иначе трудно разграничивать веяния преходящей моды и действительно перспективные понятийные разработки. Но это и не могло быть задачей обобщающего труда, не переходящего на уровень предметного анализа в рамках конкретных областей психологического знания.

В первой статье важным представляется раздел о межпарадигмальных влияниях. В нем авторы солидаризируются с мнением М. Гусельцевой [1] о том, что первоначальные теории верхнего уровня, в частности теории деятельности, теряют свою автономию (“первородную чистоту”) и смешиваются с другими теориями. Это якобы показатели толерантности (к инакости и многообразию) и взаимовлияний, характеризующие постнеклассический этап развития науки. Мне же представляется, что здесь нужно различать два разных аспекта. Первый авторы называют движением в сторону от единой теории к мультипарадигмальности в психологии. Мне также представляется, что всякого рода “монизмы” — беда для психологии, если следование единомыслию перекрывает какие-то пути развития науки, не предусматриваемые “генеральной линией”. Но важен и второй аспект: смешение разных позиций не всегда выступает критерием продуктивного продвижения в познании изучаемой реальности. В отдельном исследовании такое смешение может приводить к необоснованной эклектике. Другое дело — мир теорий. В нем смешение теорий или парадигм (включающих также способы организации исследования) не обязательно будет означать многомерность взглядов или мультипарадигмальность. Многомерность можно задавать как раз с четко очерченных разных теоретико-методологических позиций. И путь смещений в одном исследовании разных парадигм может создавать лишь видимость новизны подхода.

Да и в общем трудно найти примеры таких продуктивных смещений (продуктивных в плане теоретического продвижения в предмете изучения на основе соединения разных взглядов). Авторы

статьи в своем примере по психологии выбора идут вслед за оценками самих исследователей в рамках рецензируемого направления. Но это только одна концепция в психологии выбора, отстоящая довольно далеко от других, поскольку выбор в ней предполагает прагматическую парадигму [6] — исполнение принятого решения. Используемые в психологии принятия решений термины в ней заменяются одним — конструированием, что в других концепциях довольно дифференцированно представляется этапами предвосхищений, прогнозирования, разработки альтернатив, их оценки, примеривания к своему личностному “Я” и т.д. (см.: [7; 15]). А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко полагают, что “данная концепция представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа” [2, с. 12]. Другие подходы в этой области соответствуют таким оценкам, но как раз полностью игнорируются авторами концепции; таким образом, говорить о заявленной интеграции не приходится.

Парадигмальные влияния можно рассматривать именно в отношении разных подходов (их сопоставления) к выбранному предмету изучения. Это могло служить соотнесение объяснительных схем разных концепций, на основе чего авторы обобщающей статьи могли сделать заключения о степени представленности в конкретной концепции указанных парадигм. Ведь парадигмы определяются не тем, кто как себя назвал (и отнес к той или иной парадигме — деятельностного подхода, экзистенциального и т.д.), а способами построения теории и организации исследования. Другое дело — последовательность реализации выбранного подхода в конкретном исследовании.

Авторами цикла статей не предполагалось также сравнение понятийного строя отечественной психологии и зарубежной. Развернувшаяся в прошлые годы на страницах “Психологического журнала” дискуссия о том, в какой мере психология испытывает влияние глобализации, а в какой характеризуется национальной спецификой, в определенной степени покрывает этот пробел. Но остается все же проблема перетекания понятийного строя из одних теорий в другие, что связано уже со сменой методологического понимания и эмпирической нагруженности понятий. Приведу пример соотнесения понятий *внешней* и *внутренней мотивации*.

В исследованиях О.К. Тихомирова, М.Г. Ярошевского и других авторов, исследовавших мышление и научное творчество, внутренняя мотивация применительно к мыслительной деятельности связывалась с развитием гностических целей. Их

динамика отражала развитие познавательной потребности [9; 14]. Тогда другие виды мотивации, не связанные с потребностью в познании, относились к видам внешней мотивации. Так понимался, в частности, конструкт “*мотивация достижения*”, хотя само понятие существенно видоизменяло свое наполнение от латентной диспозиции в концепции социогенных потребностей Г. Мюррея к представленному в “Обществе достижений” Д.К. Макклелландом понятию. В последние годы в российской психологии стали активно использоваться опросники, построенные на основе модели Э. Деси и Р. Райана. Но этими авторами и мотивация достижений, и познавательная мотивация отнесены в одну группу мотивов, и шкалы опросников дают смешение понятий, соответственно, меняется наполнение понятий внешней и внутренней мотивации (их “загруженность”, в терминологии Х. Холькампа). Таким образом, перетекание в отечественные исследования иных по концептуальному и эмпирическому содержанию понятий (без того, чтобы сами исследователи эксплицировали указанные понятийные различия) не развивает указанные конструкты, а лишь запутывает понятийные связи и интерпретации устанавливаемых закономерностей. И без учета использования схожих по звучанию терминов в разных психологических традициях можно видеть лишь кажущееся продвижение в той или иной тематике.

Если первые две статьи должны были представить совокупный вклад сотрудников Института психологии РАН в развитие категориального строя психологической науки (они касались обобщенного анализа работ других авторов), то третья статья [4] в большей степени описывает самостоятельный вклад А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко в методологию современной психологии. Она закрывает, как мне кажется, дискуссию о соотношении системного и сетевого подходов. В отечественной психологии утверждение реалий и преимуществ сетевой организации психологии как отвечающей новому витку развития методологии психологической науки состоялось и в статьях на эту тему, и в учебниках [1; 5; 8]. Оно отвергалось или игнорировалось историками психологии, которым достаточно указания на принцип детерминизма и которым кажутся излишними или неприемлемыми (в рамках сложившейся идеологической направленности советской психологической науки) другие принципы — активности человека, неопределенности, сетевой организации знания. Необходимость принятия открытости возможных принципов психологической науки была заявлена еще О.К. Тихомировым, первым выдвинувшим идею *плюралистичности мышления* в психологии

[13]. Она отвергается многими сторонниками “монизма” как методологического единомыслия, поскольку ведет к признанию такой характеристики психологии, как ее поли- или мультипарадигмальность.

В третьей статье цикла, посвященной соотношению сетевого и системного подходов [4], детально прописываются возможные повороты в обсуждении темы. Остается только согласиться с ее основными положениями и выразить огромное уважение авторам за проделанную работу. Что можно было бы добавить в эту тему — сопоставление различий в использовании конструкта *психологической системы* в разных подходах. Но это уже задача отдельной публикации.

Повторюсь — я дискутирую не с трудами сотрудников многолетнего проекта [10–12], чей вклад в развитие теоретического мира психологии трудно переоценить. Изложенные выше рассуждения касались частностей, вызывающих размышления при прочтении текста как резюмирующего этот капитальный труд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 107–119.
2. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
3. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
4. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
5. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 18–28.
6. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений: пер. с пол. М.: Прогресс, 1979.
7. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
8. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
9. Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.А. Матюшкиной. М., 2017.

10. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
11. Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019.
12. Разработка понятий в современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2021.
13. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992.
14. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1974.
15. Hastie R.K., Dawes R.M. Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. 2nd ed. SAGE Publication, 2010.

THE PROBLEM OF CORRELATION OF CONCEPTS IN A SYSTEM-NETWORK APPROACH TO PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

T. V. Kornilova

*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
ScD (Psychology), Professor, General Psychology Department.
E-mail: tvkornilova@mail.ru*

Received: 08.12.2022

Abstract. A cycle of their three articles is summarized, summarizing the development of the conceptual field of psychology by the staff of the Institute of the Russian Academy of Sciences in the last five years. The agreement with the authors on the need to revise the classification approach to concepts is emphasized due to the development of psychological knowledge and the active formation of a network approach that does not contradict the system approach and reflects the multiparadigm of psychological science.

Keywords: concept, theory, paradigm, post-non-classical stage, pluralistic thinking, multi-paradigm psychology.

REFERENCES

1. Gusel'ceva M.S. Ponyatie progressa i modeli razvitiya psikhologicheskoy nauki. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. V. 2. № 3. P. 107–119. (In Russian)
2. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' I. Opyt sistematizatsii ponyatij. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
3. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' II. Razrabotka sovremennykh ponyatij uchenymi Instituta psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
4. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Sistemno-setevaya organizatsiya sovremennykh ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
5. Zelenkova T.V. O setevoy paradigme v psikhologii. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. V. 2. № 3. P. 18–28. (In Russian)
6. Kozieleckij Yu. Psikhologicheskaya teoriya reshenij: per. s pol. Moscow: Progress, 1979. (In Russian)
7. Kornilova T.V. Intellektual'no-lichnostnyy potencial cheloveka v usloviyah neopredelennosti i riska. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. (In Russian)
8. Kornilova T.V., Smirnov S.D. Metodologicheskie osnovy psikhologii. Moscow: Yurajt, 2011. (In Russian)
9. Matyushkin A.M. Psihologiya myshleniya. Myshlenie kak razreshenie problemnykh situatsij: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. Ed. A.A. Matyushkina. Moscow, 2017. (In Russian)
10. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
11. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. T. 2. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
12. Razrabotka ponyatij v sovremennoj psikhologii. T. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. (In Russian)
13. Tixomirov O.K. Ponyatiya i principy obshhej psikhologii. Moscow: Izd-vo MGU, 1992. (In Russian)
14. Tixomirov O.K. Psihologiya myshleniya. Moscow: Izd-vo MGU, 1974. (In Russian)
15. Hastie R.K., Dawes R.M. Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. 2nd ed. SAGE Publication, 2010.

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9:001.12/18

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ¹

© 2023 г. Т. Д. Марцинковская^{1,2}

¹Российский государственный гуманитарный университет;
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Россия.

²Психологический институт РАО;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.
Доктор психологических наук, профессор.
E-mail: martsinkovskaya.t@rggu.ru

Поступила 09.01.2023

Аннотация. Содержание статьи продолжает дискуссию, которая разворачивается вокруг составления “карты или системы” понятий, разрабатываемых учеными Института психологии РАН. Начало дискуссии было положено трехтомной монографией А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко и тремя статьями этих авторов, посвященными анализу основных идей, изложенных в ней. В данной статье подчеркивается важность и крайняя своевременность как монографии, так и статей, особенно актуальных в изменчивом цифровом обществе, ставшем вызовом для методологии как психологии, так и науки в целом. В то же время обосновывается необходимость расширения системы понятий категориями других научных школ и подходов. Показывается ограниченность сетевого принципа построения системы категорий, на первый взгляд созвучного идеям цифрового мира. Предлагается построение первоначальной системы на основании методологии постмодерна (междисциплинарности) с последующим расширением до уровня трансдисциплинарности (постпостмодерна). В качестве варианта предлагается сочетание открытых гештальтов отдельных понятий с системой “ядро–периферия”, включающей концепции различных научных школ.

Ключевые слова: методология, система научных понятий, категориальный строй, постмодерн, междисциплинарность, трансдисциплинарность.

DOI: 10.31857/S020595920024915-2

Монография и статьи А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко [4–6] посвящены крайне актуальной и назревшей теме, связанной с необходимостью анализа современного состояния методологии психологической науки. Современное общество, изменения в котором являются вызовом для психологии, показывает, насколько назрело обсуждение этой проблемы и насколько важным для понимания того, что происходит и с людьми, и с обществом, важна адекватная методологическая система современной психологии.

Поэтому главное, что хочется отметить в работе А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко, — это крайняя актуальность и значимость поставленного в их работе вопроса.

Сложность современного мира, его изменчивость, вариативность и неопределенность стали

предметом исследования в разных дисциплинах и с различных позиций. Не осталась в стороне от этого вызова современности, как показывают многие работы, в том числе и обсуждаемые статьи, и психология, в которой исследования неопределенности и изменчивости затронули различные области психологического знания. При этом важным моментом становится не только методологическая рефлексия ситуации, но и возможность найти какие-то устойчивые связи в этой текучей современности и сконструировать новую методологию [8].

Крайне важным в данных статьях и монографии является то, что в них очень четко просматривается тенденция к новым вариантам построения методологической сетки координат. И, конечно, совершенно естественно, что авторы начали с построения системы, в которой анализируется, весьма корректно и квалифицированно, весь спектр понятий, разрабатываемых учеными Института психологии РАН [4–6].

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РНФ (проект № 19-18-00516 “Транзитивное и виртуальное пространство — общность и различия”).

Однако хотелось бы сразу отметить, что этот весьма плодотворный подход может считаться только первым шагом в рассмотрении проблемы категоризации понятий психологии. Методологические проблемы при изучении современного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и реинтерпретации полученных материалов. С этой точки зрения можно говорить о том, что психология цифрового общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках [3]. В свое время М.М. Бахтин отмечал, что авторская речь строится с учетом “чужого слова” и без него была бы другой [1]. В связи с этим М.Г. Ярошевский отмечал, что текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только интеллектуальной (когнитивной) активности автора этого текста, но и его коммуникативной активности [13]. Поэтому методология с необходимостью должна учитывать не только социально-исторические условия, определившие появление и развитие психологических концепций, но также изучение оппонентного круга, в котором появляются и развиваются новые концепции и понятия. С этой точки зрения следующим шагом должен стать выход за рамки понятий, создаваемых в Институте психологии РАН.

Поэтому фокус моих размышлений направлен не на анализ того, как авторы скомпоновали представленную ими категориальную систему понятий, а на вопрос о возможных вариантах современных методологических подходов в мире, который кардинально отличается от существовавшего еще 10–15 лет назад [11]. Особенно ясно необходимость новой методологии и нового исследовательского инструментария видна при изучении цифрового общества [2; 7].

В настоящее время главной особенностью современной методологии становятся разнообразные исследовательские конструкты, которые меняются, модифицируются, вбирая в себя новые факты и новые аспекты действительности. Ценность этих конструктов определяется гармоничным сочетанием в их содержании постоянства и изменчивости. Их важной характеристикой являются гибкость и соотнесенность и с новой изменчивой действительностью, и друг с другом. То есть можно говорить скорее не о разных, отдельных конструктах, но о гибком гештальте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим. То есть в современной методологии парадигма представляет собой не замкнутый эталон, но открытый гештальт

с проницаемыми границами и возможностью переструктурирования [9].

Поэтому сегодня, видимо, должен рассматриваться вопрос о сопоставлении и согласовании различных способов классификации понятий современной психологии так, чтобы они отвечали современным научным тенденциям и современным знаниям [10]. И здесь мы возвращаемся к анализу стадий развития науки.

Видимо, сейчас можно уже говорить о пост-постмодерне как этапе развития современных знаний. Ведь в постмодерне анализируются межпредметные и междисциплинарные связи в психологии постиндустриального общества с учетом усиления влияния социокультурных факторов на развитие всех областей науки, не только гуманитарной, но и естественных и точных наук. Но уже Д. Белл, развивая концепцию постиндустриального общества, писал о грядущем цифровом мире, который сегодня стал реальностью [2]. Недаром У. Эко фокусировал внимание на незавершенности культуры и возможностях различных интерпретаций семиотических знаков [12]. Поэтому сегодня мы можем говорить о возможностях интерпретации знания и построения систем на нескольких уровнях — трансдисциплинарном, междисциплинарном и межпредметном.

Сейчас представляется важным посмотреть на развитие науки именно на межпредметном уровне, постепенно, по мере установления связей на этом уровне, переходить к возможности обобщения на меж- и трансдисциплинарном уровнях, когда появляются новые варианты связей или, что точнее, новые научные области.

В рамках данной статьи не представляется необходимым углубляться в вопрос о переходе с междисциплинарного на трансдисциплинарный уровень анализа, так как сегодня существует несколько взглядов на то, что такое сегодня трансдисциплинарность, и эти взгляды существенно отличаются от того, что было в свое время предложено Ж. Пиаже [14]. Он, как известно, вставил междисциплинарные связи в глобальную систему, подчеркивая отсутствие четких границ между отдельными дисциплинами.

Сегодня мы еще не можем размывать границы, так же, как и в цифровой метавселенной пока еще остаются старые границы конкретных дисциплин, подходов, научных школ. Поэтому целесообразно трактовать трансдисциплинарность просто как один из способов исследования сопоставления категорий и понятий и всестороннего анализа самого понятия или системы понятий конкретной

школы, например научной школы Института психологии РАН.

Вопрос о границах изменений человека и, соответственно, наук о человеке при серьезных трансформациях окружающего мира не нов. Главная проблема, которую необходимо решать в этой ситуации, — выяснение того, насколько эти границы должны быть подвижными и проницаемыми для воздействия окружающего и насколько наука должна откликаться на эти воздействия. Казалось бы, именно психология цифрового общества провоцирует переход от матричной (или лестницы наук) классификации к сетевой [9; 10]. Однако эта схожесть понятий обманчива, так как сеть интернет или связь в социальных сетях не подразумевает никакой категоризации или иерархии, но представляет из себя только коммуникативные цепочки. Так, например, в виде сети целесообразно представить связи различных субкультур или коммуникации между отдельными людьми внутри художественного или научного сообщества. Но с точки зрения методологии соединение понятий по сетевому принципу приводит к размыванию смысла и конкретного понятия, категориального строя научной школы и конкретной науки.

Я в свое время предлагала соотношение сети и невода [9], но, видимо, этот подход также не дает возможности соединения в систему различных понятий из разных школ, например, соотносить понятие коллективного субъекта и коллективных представлений, или соединять понятия идентичности и субъекта. И главное, оставляют без ответа вопрос, надо ли это делать, втискивая уже устоявшееся понятие, наглядно связанное с другими понятиями определенной школы в целостную систему, в совершенно другую систему понятий другой научной школы.

Поэтому, конечно, говорить о сетевом принципе нецелесообразно. Ведь так невозможно понять иерархию в системе категорий, что необходимо и для дальнейшего выстраивания горизонтальных связей, в том числе и цепочек таких связей. И, возвращаясь к предложенной мною аналогии, в случае перехода к междисциплинарности “невод” просто будет не в состоянии уловить основную концепцию, к которой можно в дальнейшем привязать сетевую цепочку.

При этом невозможно переходить от неклассической науки к постмодерну (междисциплинарности) и, тем более, к постпостмодерну (трансдисциплинарности) в рамках методологии психологии, уходя от вопроса о соотношении ядра и периферии понятия. Ядра как неизменного в определенной ситуации содержания и периферии, которая

изменяется быстро и гибко, влияя на изменения ядра понятия.

Возможно, надо говорить о варианте открытого гештальта с гибкими и проницаемыми границами на первом уровне построения системы и учете ядра и периферии понятия на втором уровне, где на периферии понятий возможны как раз пересечения разных гештальтов.

При этом одна система может рассматриваться как вариант одной “дисциплины”, тогда междисциплинарность как вариант инсталляции может идти по схеме горизонтального соединения между отдельными периферийными полями понятия, в то время как ядра понятий — это содержание, вкладываемое в понятие конкретной научной школы.

Невозможно обойти стороной и оппонентный круг современной психологии, который влияет на отбор понятий в ядро и, возможно, способен, как невод, ловить ядерные основания разных понятий, закладывая новую сеть.

Таким образом, вопрос о систематизации понятий хотя бы внутри отечественной психологии пока остается открытым, но сама дискуссия представляется крайне плодотворной для дальнейшего развития категориального строя отечественной психологии. И, возможно, эта дискуссия станет отправной точкой для составления хотя бы первоначального “скелета” ядерных категорий, в котором можно будет выстраивать горизонтальные и вертикальные, и даже сетевые связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
3. *Гейзенберг В.* Природа элементарных частиц // УФН. 1977. Т. 121. № 4. С. 657–677.
4. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
5. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
6. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института

- психологии РАН). // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
 8. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.
 9. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
 10. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
 11. Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
 12. *Эко У.* От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016.
 13. *Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.
 14. *Piaget J.* Psychology and Epistemology: Towards a Theory of Knowledge. Harmondsworth: Penguin, 1972.

NEW METHODOLOGICAL APPROACHES OF MODERN PSYCHOLOGY IN A DIGITAL SOCIETY²

T. D. Martsinkovskaya^{1,2}

¹*Russian State University for the Humanities;
125993, Moscow, Miusskaya Square, 6, Russia.*

²*Psychological Institute REA;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9–4, Russia.*

*ScD (Psychology), Professor.
E-mail: martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Received: 09.01.2023

Abstract. The content of the article continues the discussion that unfolds around compiling a “map or system” of concepts developed by scientists from the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The discussion began with a three-volume monograph by A.L. Zhuravlev and E.A. Sergiyenko and their articles devoted to the analysis of the main ideas outlined in it. This very article emphasizes the importance and extreme timeliness of this monograph and articles, especially relevant in a changing digital society, which has become a challenge for the methodology of both psychology and science in general. At the same time, the necessity of expanding the system of concepts with categories of other scientific schools and approaches is shown. The limitations of the network principle of constructing a system of categories, at first glance, consonant with the ideas of the digital world, are shown. It is proposed to construct preliminary system based on the methodology of postmodern (inter-discipline) with subsequent expansion to the level of trans-discipline (post-postmodernity). As an option, a combination of open gestalts of separate concepts with the “core-periphery” system, which includes the concepts of various scientific schools, is proposed.

Keywords: methodology, system of scientific concepts, categorical structure, postmodern, interdisciplinary, transdisciplinary.

REFERENCES

1. *Bakhtin M.M.* Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov. Moscow: Russkiye slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1997. (In Russian)
2. *Bell D.* Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Moscow: Akademiya, 1999. (In Russian)
3. *Geyzenberg V.* Priroda elementarnykh chastits. UFN. 1977. V. 121. № 4. P. 657–677. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Sergiyenko Ye.A.* Analiz sovremennykh ponyatiy v psikhologii. Chast' I. Opyt sistematizatsii ponyatiy. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergiyenko Ye.A.* Analiz sovremennykh ponyatiy v psikhologii. Chast' II. Razrabotka sovremennykh ponyatiy uchenymi Instituta psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)

² This work is supported by Russian Science Foundation, project № 19-18-00516 “Transitive and ambient wanderings — commonality and difference”.

6. *Zhuravlev A.L., Sergiyenko Ye.A.* Sistemno-setevaya organizatsiya sovremennykh ponyatiy psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
7. *Castells M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura. Moscow: GU VSHE, 2000. (In Russian)
8. *Lakatos I.* Izbrannyye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki. Moscow: Akademicheskii projekt, 2008. (In Russian)
9. *Martsinkovskaya T.D.* Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoy paradigme. Moscow: Smysl, 2015. (In Russian)
10. *Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G.* Osnovy teoreticheskoy psikhologii. Moscow: INFRA-M, 1998. (In Russian)
11. *Progress psikhologii: kriterii i priznaki.* Eds. A.L. Zhuravlev, T.D. Martsinkovskaya, A.V. Yurevich. Moscow: Izdvo "Institut psikhologii RAN", 2009. (In Russian)
12. *Eko U.* Ot dreva k labirintu. Istoricheskiye issledovaniya znaka i interpretatsii. Moscow: Akademicheskii projekt, 2016. (In Russian)
13. *Yaroshevskiy M.G.* Istoricheskaya psikhologiya nauki. Saint Petersburg: Nauka, 1994. (In Russian)
14. *Piaget J.* Psychology and Epistemology: Towards a Theory of Knowledge. Harmondsworth: Penguin, 1972.

ДОНЦОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

8 марта 2023 г. ушел из жизни известный ученый, Заслуженный профессор МГУ, академик РАО, профессор, доктор психологических наук Александр Иванович Донцов.

Вся его жизнь была связана с факультетом психологии МГУ, который он окончил, на котором преподавал, стал профессором кафедры социальной психологии, был ее заведующим (1989–2006 гг.) и деканом факультета (2000–2006 гг.). В течение многих лет он читал на факультете учебные курсы “Социальная психология”, “Психология малых групп”, “Психология конфликта”, “Психология массового сознания”, “Методологические проблемы современной социальной психологии”, “Психология мифа”. С лекциями он выступал и в ведущих европейских университетах: во Франции, Испании, Германии, Венгрии. В 2019 г. он был признан “Профессором года” в номинации “Заслуженный профессор” Общероссийской общественной организации “Российское профессорское собрание”.

Александр Иванович внес большой вклад в психологическую науку, он написал более 250 научных публикаций, входил в редколлегии ведущих отечественных журналов по психологии, был президентом Российского психологического общества (2001–2007 гг.) и председателем экспертного совета по психологии и педагогике ВАК РФ (2015–2021 гг.). Под его руководством защищено 20 кандидатских диссертаций, он выступил научным консультантом 5 докторских диссертаций.

А.И. Донцов был награжден государственной и ведомственными наградами: медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, медалью К.Д. Ушинского, медалью имени Л.С. Выготского Российской академии образования, медалью Министерства обороны РФ “Генерал армии Комаровский”, Почетным знаком “За содействие МВД России”, медалью Л.С. Выготского Министерства просвещения РФ.

Александр Иванович был талантлив в разных сферах жизни, но наиболее ярко его талант проявился в науке. А.И. Донцов разработал оригинальную концепцию интеграции малой функциональной группы, предложил подход к анализу межличностного конфликта и изучению закономерностей массового сознания, сформулировал новый взгляд на проблему социального влияния меньшинства. Александр Иванович также внес значительный вклад в разработку проблематики социальных эмоций.

Его последние фундаментальные работы “Феномен зависти: Homo invidens” (М.: Эксмо, 2014) и “Судьба: психология мифа” (М.: Изд-во МГУ, 2022) выходят далеко за рамки собственно психологического исследования, проникая в пространство современного междисциплинарного знания.

Обладея огромной научной эрудицией, Александр Иванович Донцов выдвигал новые, нестандартные научные идеи, которыми щедро делился со своими учениками и коллегами. Он всегда был готов поддержать и помочь.

Светлая память.